

**Российская академия наук
Сибирское отделение
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ СИБИРИ**

№ 2, 2013 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИСОЕДИНЕНИЕ СИБИРИ К РОССИИ: ЭТАПЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Тимошенко А.И. Роль Сибири в российских цивилизационных процессах	3
Ананьев Д.А. Проблемы социально-экономического развития Сибири (XVII – начала XX в.) в освещении англо- и германоязычной историографии.	8
Шиловский М.В. Празднование «сибирского дня» в дореволюционный период	12
Соколовский И.Р. История русского населения Сибири XVII в. в отечественной историографии второй половины XX – начала XXI в.	16
Мамсик Т.С. Экспедиция И.Д. Бухольца и «восстание» ишимских крестьян 1714 г.	20
Каменецкий И.П. Секретная миссия купца А. Верхотурова: к вопросу об организации русской разведки в Джунгарии в середине XVIII в.	24
Комлева Е.В. Современники о начале золотопромышленности в Восточной Сибири (1830-е гг.)	28
Николаев А.А. Развитие материально-технической базы маслоделия в Сибири в 1920-е гг. в контексте кооперативной политики	32
Исупов В.А. Западная Сибирь в контексте демографической модернизации: первая половина XX столетия	36

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ

Зубов В.Е. Этапы реформирования государственной службы в России (XVI – начало XX в.)	43
Конев А.Ю. О первоначальном проекте Устава об управлении инородцев: история создания и основные положения	47
Воронцова И.В. «Свободное христианство» епископа Михаила (Семенова) и «социальные» программы 1905–1915 гг.	52
Сулейманов А.А. Деятельность Академии наук СССР по изучению Якутии в 1930-е – 1941 гг.	56
Абдрахманова К.К. Научно-исследовательская деятельность ученых – заключенных КарЛАГ в 1930–1950-е гг.	61
Чумак А.И. Участие УССР в «целинной кампании»: современная украинская историография	65
Мазур Л.Н. Сельская бюрократия в советской России: штрихи к портрету.	68

АРХЕОЛОГИЯ

Ларичев В.Е. «Недостающее звено» – мезолитическое время (к проблеме сохранения информационных традиций в культурах постпалеолитической эпохи Евразии). Часть IV: «Тайны богов» – системы счисления времени в культурах мезолита Северо-Запада Европы	73
Анойкин А.А. Палеолит приморского Дагестана: основные этапы	76
Гладышев С.А., Табаров А.В., Гунчинсүрэн Б. О времени появления технологических инноваций в каменном веке Северной Монголии: микропластинчатое расщепление и керамическая посуда	82
Кравцова А.С. Археологические памятники докерамического периода Центральной Америки	85
Чеха А.Н. История исследования палеолитической стоянки Шуйдунгоу	89
Павленок К.К., Шнайдер С.В., Павленок Г.Д., Колобова К.А. Палеолит Северо-Западного Тянь-Шаня в свете новейших открытий	92
Барина Е.Б. Контакты населения Восточной и Центральной Азии в эпоху палеолита и неолита	96

СООБЩЕНИЯ, НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Карчаева Т.Г. Управленцы «особых» ведомственных учреждений енисейской губернской администрации: социальный состав сибирского чиновничества	100
Матвеева Р.П. Рец. на кн.: Ф.Ф. Болонев. Сокровища земли Тарбагатайской. Улан-Удэ – Иркутск, 2012. 219 с.	103
Зольникова Н.Д. Рец. на кн.: Иннокентий (Ерохин), еп. Уссурийский. Русская православная церковь в Уссурийском крае: Очерки по истории Владивостокской епархии (вторая половина XIX в. – 1917 г.). М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та, 2012. 326 с.: ил.	104
Summary	108

**ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ»**

Издается с января 1994 г.
Выходит четыре раза в год

У ч р е д и т е л и: **Сибирское отделение РАН;
Институт истории СО РАН**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Чл.-кор. РАН *В.А. Ламин* (председатель совета, Новосибирск), академик РАН *В.В. Алексеев* (Екатеринбург), чл.-кор. РАН *Б.В. Базаров* (Улан-Удэ), доктор *Ч. Дашдаваа* (Улан-Батор, Монголия), д-р ист. наук *Н.И. Дроздов* (Красноярск), д-р ист. наук *В.П. Зиновьев* (Томск), д-р ист. наук *В.А. Ильиных* (Новосибирск), д-р ист. наук *О.Н. Катионов* (Новосибирск), д-р ист. наук *Ю.Ф. Кирюшин* (Барнаул), академик РАН *В.И. Молодин* (Новосибирск), академик РАН *Н.Н. Покровский* (Новосибирск), д-р ист. наук *Н.А. Томилов* (Омск), доктор *Е.Б. Сыдыков* (г. Семей, Республика Казахстан), д-р ист. наук *М.В. Шиловский* (Новосибирск), д-р ист. наук *В.И. Шишкин*, д-р ист. наук *А.Х. Элерт* (Новосибирск)

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор д-р ист. наук *В.А. Ильиных*
Ответственный секретарь канд. ист. наук *С.Н. Андреенков*

Канд. ист. наук *Д.А. Ананьев*, д-р ист. наук *Н.С. Гурьянова* (зам. гл. редактора), д-р ист. наук *В.А. Зверев*, д-р ист. наук *В.И. Исаев*, д-р ист. наук *В.А. Исупов*, д-р ист. наук *С.А. Красильников*, д-р ист. наук *Л.В. Курас*, д-р ист. наук *В.Е. Ларичев*, д-р ист. наук *С.Н. Лютов*, д-р ист. наук *Н.П. Матханова*, д-р ист. наук *С.П. Нестеров*, д-р ист. наук *А.Л. Посадсков*, канд. ист. наук *В.М. Рынков* (зам. гл. редактора), канд. ист. наук *О.Н. Шелегина*

А д р е с р е д а к ц и и: 630090 Новосибирск, ул. Николаева, 8,
Институт истории СО РАН, к. 301, тел. 330–24–31.
<http://www.sibran.ru>
sektoragro@gmail.com
Зав. редакцией *Смирнова Вера Ивановна*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ 17.06.93 г. № 0110807

Редактор *В. И. Смирнова*
Компьютерная верстка и макет *И.П. Гемуева*

Подписано к печати 10.06.13. Формат 60×84 1/8. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 14,0. Уч.-изд. л. 15,5. Тираж 500 экз. Заказ № 161.

Издательство СО РАН, 630090 Новосибирск, Морской проспект, 2

ПРИСОЕДИНЕНИЕ СИБИРИ К РОССИИ: ЭТАПЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

УДК: 94(571)

А.И. ТИМОШЕНКО

РОЛЬ СИБИРИ В РОССИЙСКИХ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ

канд. ист. наук
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: timoshenkoai@ngs.ru

В статье рассматриваются проблемы цивилизационного развития Сибирского региона в составе Российского государства. Анализируются особенности формирования самого крупного по территории государства в мире, колонизации его окраин в свете ретроспективной динамики становления российской национальной традиции.

Ключевые слова: освоение Сибири, цивилизационный подход, традиции и инновации, региональная политика.

Освоение Сибири¹ со всем основанием можно оценивать в качестве феномена российских цивилизационных процессов, придающего им как своеобразие, так и определенный универсализм. Россияне, как и народы Западной Европы, и другие, стремились к поиску все новых земель и возможностей для своего цивилизационного развития. Только они, в отличие от испанцев, датчан, голландцев и прочих опытных мореплавателей, продвигавшихся со скоростью своих кораблей по океану на запад, шли на восток – более медленно, в основном пешком или конным путем – в течение нескольких столетий, постепенно и осторожно, как бы примеряясь к новым маршрутам и приспособлявая их к своей жизнедеятельности [1, с. 16–22].

Активизация движения россиян в восточном направлении от государственного центра связана главным образом со второй половиной XVI столетия, когда за счет земель, находящихся к востоку и северо-востоку, Московское государство стало быстро приращивать не только территориально, но и экономически. Сибирская пушнина помогала царской власти решать экономические проблемы и одновременно поднимала политический вес государства. Не обошелся без использования сибирских богатств и процесс становления империи. Несмотря на неуклонное снижение по-

пуляции пушных зверей в регионе, пушнина вплоть до начала XX в. оставалась крупной статьей дохода российской казны и играла важную роль в мировой торговле России. Золото и цветные металлы, добытые в Сибири, позволяли выстоять и решить многие проблемы не только Российской империи, но и СССР. В 1924 г. из 3,2 тыс. пуд. добытого в стране золота на долю Сибири приходилось 2,5 тыс. пуд., или около 80 % [2, с. 187]. И в последующие годы сибирское золото формировало значительную часть золотого запаса советского государства. Только в 1945–1956 гг. на Колымских приисках Дальстроя было добыто 582,3 т химически чистого золота [3, с. 89].

Теория цивилизационного развития позволяет глубже понять роль региона в формировании как экономической, так и социальной жизни Российского государства, тем самым открывая новые возможности для системного изучения отечественной истории и выявления в ней особенностей геополитического и регионального взаимодействия. С этих методологических позиций Сибирь необходимо рассматривать одновременно и как локальную цивилизацию², и как часть рос-

¹ Имеется в виду азиатская часть России от восточных отрогов Урала до Тихого океана.

² Здесь под термином «локальная» в большей степени подразумевается «территориальная» цивилизация, особенности которой были связаны и с историческим прошлым в дорусский период, и с развитием регионального сообщества в составе Российского государства. На все это, вместе взятое, большое влияние оказывала огромная протяженность территории Сибирского региона, ее отда-

сийского цивилизационного процесса. В историческом развитии полиэтничного и поликонфессионального региона происходили, казалось бы, противоположные процессы. С одной стороны, на территории Сибири наблюдались процессы интеграции в русскую культуру в широком смысле этого слова, а с другой стороны – и сама культура региона пополнялась новыми элементами и понятиями. В результате многовекового взаимодействия коренного и пришлого населения в Сибири создавалась особая субкультура, включавшая в себя как автохтонные элементы, так и возникшие в процессе взаимодействия. В свою очередь синтез различных культурных традиций способствовал появлению новых культурных импульсов, поиску резервов саморазвития культур, их переориентации для более эффективного использования внутренних резервов.

Данные процессы цивилизационного взаимодействия не происходили однозначно по нарастающей, как представлялось, например, в советской историографии, в которой многие исследователи отмечали, что русское влияние носило исключительно прогрессивный характер в совершенствовании культуры и хозяйствования коренного населения Сибири. Исторические факты свидетельствуют в большей степени о взаимовлиянии между взаимодействующими этносами в Сибири. Процесс заимствований происходил в разных направлениях: обогащал новыми традициями одни сообщества и диверсифицировал другие. Процессы взаимовлияния имели сложный характер. Происходила как этнокультурная интеграция, сопровождавшаяся взаимным обогащением культур на территории Сибири, так и деградация отдельных их составляющих с ассимиляцией их носителей, формированием каких-то новых вариантов субкультур или симбиоза имеющихся в наличии.

Процессы освоения территории Сибири для понимания общемирового цивилизационного развития дают богатейший материал. На протяжении длительного исторического времени в регионе осуществлялись многообразные контакты между народами, которые принадлежат к различным языковым семьям и цивилизационным сообществам и которые в результате смогли превратиться в единое целое, составить органичную часть российского социума и при этом в определенной степени сохранить свою идентичность.

Если воспринимать цивилизационное взаимодействие как достижение определенного уровня или степени общественного развития, то Сибирь с момента присоединения к России стала очень быстро продвигаться вперед, совершенствовать законы и нравы. В регионе активно создавались городские поселения, в которых появлялись новые виды занятий и производств. Продвижение российской аграрной культуры на северо-восток Азиатского континента значительно изменило структуру хозяйственных промыслов. Совершенно новое качество приобретал социум. Из

Центральной России, более продвинутой в развитии науки, искусства, народного образования, вместе с переселенцами поступали новые ценности и представления, внедрявшиеся в сибирском обществе. Русский язык стал языком межэтнического и межкультурного общения, своеобразным транслятором на многонациональной территории. Он сделал всеобщим достоянием достижения как русской культуры, так и сибирских народов, приобщив их в свою очередь к мировым ценностям.

Огромную роль сыграло православие, которое проникло в Сибирь вместе с русским населением и вскоре стало одной из главных исповедуемых религий в регионе. Русские переселенцы щедро делились своими православными традициями и духовными ценностями с коренными жителями, до прихода русских в основном придерживавшимися языческих верований. Распространение христианства было важной составляющей государственной политики освоения Сибири. В 1621 г. в Тобольске была основана Сибирская епархия, создана сеть приходов и монастырей с целью не только обеспечивать религиозную жизнь русских переселенцев, но и обращать в православие коренных жителей, исповедовавших другие религии. Православное духовенство своей миссионерской деятельностью приобщало многонациональное население Сибири к христианской религии, распространяло грамотность, русские культурные традиции, адаптируя их к местным языкам и обстоятельствам. В Тобольской семинарии изучались остяцкий и татарский языки, в Иркутской – монгольский, китайский, маньчжурский. В первой четверти XVIII в. началась подготовка миссионеров из детей северных народностей [4, с. 271].

По мнению академика В.В. Алексеева, православие сыграло огромную роль в распространении российской цивилизации вширь, «оно обращало в свою веру многочисленные народы, вливающиеся в ее состав, несло им европейскую культуру и христианскую нравственность, прививая чувство духовности, любви к ближнему, взаимопомощи, милосердия. В ходе колонизации необъятных просторов цивилизации коренные народы, живущие на ее окраинах, не уничтожались, а включались в ее состав, даже в элиту общества. Эти качества, свойственные Российской цивилизации, прошли через века, способствовали ее консолидации и авторитету» [5, с. 66].

Особенности российского колониационного процесса в направлении Сибири были связаны с доминирующей ролью государства, его военными силами и эффективно организованной администрацией по принципу централизованной вертикали, что позволило достаточно быстро присоединить значительные территории без особого политического сопротивления и конкуренции. Авторитарное правление, подкрепленное единством православной религии, помогло затем закрепить завоеванные территории, обозначить в едином государственном пространстве проживание разных народов, имевших свои этнические миры и представления. Сильная государственная власть в Сибири, по

ленность от государственного центра, своеобразие природно-климатических условий и т.п.

сути дела, компенсировала отсутствие гражданского общества, обеспечила как самоуправление в регионе, так и его связь с общегосударственным центром.

Причины расширения Российского государства тогда, когда в мире складывались целые колониальные империи с порабощением многих народов, сводились не только к приобретению земель и богатств. Россия делала это в большей степени, чтобы выжить в условиях постоянного посягательства на свою независимость и территорию, вынуждена была обеспечивать самодостаточность экономики, опирающейся на собственную ресурсную базу. «Этот фактор определял геополитическую стратегию России, подталкивал ее к овладению периферийными территориями. Российская империя была не классически колониальной империей, а, скорее, великой державой – унитарным государством, целью которого было выживание в сверхсложных природных условиях, во враждебном окружении народов разных культур. Создав империю, Россия породила не только специфическую цивилизацию и культуру, но и замирила народы на огромном Евразийском пространстве, предотвратив неминуемую гибель отдельных этносов, открыв им возможность дальнейшего развития в составе российского суперэтноса» [6, с. 95].

Первоначально Сибирь заселялась российскими казаками и крестьянами, с целью обживания новых территорий. Государственное управление создавало в восточных землях опорные пункты-остроги, поощряло продвижение туда своих подданных, которые менее чем за 100 лет к европейской территории Российского государства своей пионерной деятельностью присоединили Западную и Восточную Сибирь, земли Забайкалья и Приамурья. В 1650–1660-е гг. русские пашни существовали уже в бассейнах рек Шилки и Нерчи, в районе Албазина. По данным росписи сибирских городов 1701 г., в Восточной Сибири насчитывалось до 7 тыс. русских семей, в Западной – около 18 тыс. (всего приблизительно 80–100 тыс. чел. муж. пола) [7, с. 54].

Следует согласиться с выводами исследователей Д.Я. Резуна и М.В. Шиловского о том, что перемещение российского населения в восточные районы в XVII–XIX вв., скорее, следует назвать не миграцией, а государственной мобилизацией для решения поставленных задач. Явно просматриваются цели государства не просто переместить людей из одних районов страны в другие, а заселить новые территории россиянами. Государственное управление поощряло службу в казачьих войсках денежным и натуральным («хлебным») жалованием, разовыми денежными выплатами за участие в сражениях и походах, за количество уничтоженных врагов. Для снабжения хлебом и фуражом служилых людей в Сибирь привлекались пашенные крестьяне, которые также получали от казны денежные суммы либо инвентарь «на подъем» и «на обзаведение». «Организованным» переселенцам выдавались «подорожные», они обеспечивались также при переселении транспортом на государственных

подводах, освобождались от налогов и податей и т.д. В свою очередь переселенцы, обосновываясь в Сибири, обеспечивали здесь широкое распространение российской земледельческой системы хозяйствования почти до самого Полярного круга [8, с. 69–80]. Первые русские поселенцы в Сибири адаптировались в суровых и непривычных для жизни местах, формируя для себя и своих потомков деятельную среду обитания и создавая из Российского государства – империю.

Во многих исследованиях, касающихся проблем российского внедрения в Сибирь, отмечается особый тип людей, ставших первыми русскими сибиряками. Их отличало относительное свободомыслие по отношению к государству, которому они, так или иначе, служили, некий поведенческий рационализм и даже авантюризм. Иначе трудно было выжить в новых и не очень привычных для жизни местах. С одной стороны, сибиряк стремился получить некую свободу от властей, избежать налогового гнета и прочих «неприятностей», которые «ассоциировались с Москвой, а с другой стороны, живя постоянно на линии фронта, под страхом набега кочевников, он видел в государстве своего защитника» [8, с. 168].

Таким образом, в Сибири с приходом русских формировалась своего рода локальная цивилизация в рамках российской. Она складывалась под давлением как объективных обстоятельств, связанных с экономико-географическими и историческими особенностями региона, так и субъективных факторов, основывающихся на существовании здесь своеобразных этнических и социокультурных взаимоотношений с местным населением. В то же время особая сибирская цивилизация, находясь в составе российской, с самого начала имела с ней общие черты, такие как православие, русский язык как средство общения населения, единый тип аграрной хозяйственной культуры. Со строительством Транссиба и переселением в Сибирь огромной массы людей в результате столыпинской реформы локальные особенности цивилизационного генотипа в Сибири стали быстро видоизменяться. Понятие «сибиряк» перестало восприниматься как имеющее определенное значение. Последующее усиление миграционных обменов региона с другими территориями Российского государства и СССР продолжило размывание сибирского социума как анклавной категории.

С победой большевиков российское цивилизационное развитие приобрело новые черты. Строительство социализма в СССР совпало с процессами формирования индустриальной цивилизации, которая в отличие от мировых прецедентов имела особый характер. Хотя промышленное производство, как и в других странах, постепенно приобретало массовый и охватывающий большинство населения характер, оно далеко не достаточно использовалось в потребительских целях общества. Массовое промышленное производство в советской России главным образом работало в направлении военно-стратегических и оборонных целей. Не произошло, как в западных странах, перехода к пресыщенности рынка потребительских това-

ров, к рационализации и индивидуализации сознания людей, участвующих в промышленном производстве, установлению гражданских прав и равенства людей перед законом. Советский человек как под влиянием внешних жизненных обстоятельств, так и в силу своей особой ментальности сохранял стремление к коллективизму, проявлял преданность общенациональным ценностям, покорно следовал политике государства.

Вместе с тем, российская индустриальная цивилизация в советский период приобрела свои главные черты, общие для мирового развития. Здесь, как и в других странах, наблюдался рост городов и массового промышленного производства, в том числе товаров и услуг, происходило нарастание использования машин, стремительно увеличивалась роль научного знания о природе и обществе и т.п. Но трудно складывались предпосылки для формирования правового государства, не происходила демократизация общественно-политических структур, которые продолжали, как и в традиционном обществе, носить авторитарный и зависимый характер. Как и в западноевропейских странах, в СССР произошло освобождение духовной и в целом социальной жизни от влияния церкви, но это осуществлялось насильственными методами под мощным давлением государственной власти и, как показали дальнейшие события, общество не было готово к этому. Кроме того, население в СССР оценивалось исключительно в качестве одного из ресурсов индустриального производства, что в целом негативно влияло на цивилизационное развитие государства.

Социалистическая индустриальная модернизация внесла большие изменения в цивилизационное развитие Сибири как одного из регионов СССР, оценивавшихся с точки зрения насыщенности минерально-сырьевыми и прочими природными ресурсами. Здесь уже с 1930-х гг. наблюдался резкий рост городов и городского населения, создания целых промышленных районов и комплексов, научных центров. Ускорились процессы распространения русскоязычной грамотности и образования, которые напрямую стали касаться национальных районов Сибири, где под девизом строительства социализма и при поддержке государства активно происходило формирование национальных кадров интеллигенции и рабочего класса. В регионе, как и в целом в стране, происходили активные процессы смещения различных типов национальных культур и традиций населения, стирания межнациональных различий.

В результате создавалась стандартизированная индустриальная культура жизнедеятельности населения. Необходимо отметить, что в Сибири индустриальный тип цивилизации отличался созданием буквально с нулевого предела преимущественно базовых отраслей тяжелой промышленности, военно-оборонных производств, транспортных и энергетических объектов, что явилось определяющим фактором для социально-демографического и социокультурного развития региона, цивилизационное развитие которого все в большей степени становилось зависимым от страте-

гических и геополитических устремлений советского правительства.

Достижению модернизационных целей служили организованные государственным управлением СССР миграционные потоки в регион, главным образом с целью создания здесь значительных контингентов индустриальных кадров. Они направлялись государственными органами добровольно и принудительно в разные районы Сибири в места освоения природных ресурсов и индустриального строительства, в том числе и в зоны самобытного расселения коренных народов региона. В советское время происходило беспрецедентное расширение русскоязычных анклавов в Сибири. Особенно активно городские поселения превращались в сплошь русскоязычные.

Существенным был вклад Сибири в экономику страны. Огромную роль сыграло энергетическое строительство и создание в регионе минерально-сырьевой ресурсной базы государства. По сути дела, в Сибири формировалась значительная часть технического и технологического потенциала для развития индустриальной цивилизации СССР. Сибирские нефть и газ, уголь и металлы не только вносили значительный вклад в укрепление и рост экономики страны, но и помогали ей сохраниться и выстоять в трудных для государства ситуациях.

На индустриальное развитие Сибири в XX в. одновременно воздействовали несколько факторов. Главные из них – институциональный и одновременно политический, связанный с государственной экономической политикой, и технологический, определяющийся возможностями научной и технической структуры общества на том или ином этапе исторического развития. В советское время основным механизмом, определявшим динамику индустриального производства, стали государственные мобилизационные решения, которые выполняли регулируемую роль в экономическом развитии, позволяли обходить рыночные законы, основанные на естественной конкуренции между субъектами экономической деятельности. Вместе с тем, именно они открывали возможность реализовывать в регионе очень затратные инфраструктурные проекты перспективного значения, такие как Урало-Кузбасс, Ангаро-Енисейстрой и другие, которые вначале экономически были малоэффективными, но давали отдачу со временем, главным образом в направлении модернизационного освоения территории самого обширного в мире государства, богатого природными ресурсами.

Например, на создание Западно-Сибирского нефтегазового комплекса в 1960–1980-е гг. затрачено более 160 млрд руб., но в результате освоена значительная часть севера Западной Сибири, ранее малонаселенная. Формирование здесь главного нефтегазодобывающего района страны коренным образом изменило территорию, на которой были построены десятки городов и рабочих поселков, крупных нефте- и газопромысловых объектов, свыше 30 тыс. км трубопроводов, мощная энергетическая система (Сургут-

ские ГРЭС), более 3,5 тыс. км железных и 15,4 тыс. км автомобильных дорог с твердым покрытием, аэродромы и причалы. Основные промышленные фонды только Тюменской области в 1966–1985 гг. увеличились в 65 раз [9, с. 221–223].

Заложенная материально-техническая и технологическая база в нефтегазодобыче на севере Западной Сибири позволила затем приступить к освоению арктических углеводородных месторождений Ямала, с которыми в XXI в. связывается рост добычи нефти и газа в стране.

Выбранная экономическая и политическая стратегия в СССР оказалась решающим фактором в геополитическом позиционировании страны и ее цивилизационном развитии в XX в., до последнего десятилетия которого государство оценивалось, по сути дела, как вторая держава мира после США.

На цивилизационное развитие страны, в том числе и ее отдельных регионов, не могли не оказывать влияние глобальные мировые процессы, которые происходили как прогрессирующие и охватывающие все новые регионы мира. Они проявлялись в виде экономической, информационной, научно-технической, транспортной и прочей интеграции, сопровождающейся размыванием этносоциальных и этнокультурных границ. Экономика и культура все более тесным образом переплетались с политикой, и возникал соблазн для более мощных и продвинутых в этом направлении государств и государственных образований подчинить себе оставшийся мир. Основное противостояние XX в. общественных систем капиталистической и социалистической с этих позиций можно рассматривать как одно из проявлений этих глобальных процессов, которые продолжают свое неукротимое движение вперед и в XXI в. С одной стороны, под давлением научно-технического и технологического прогресса объективно происходит сближение разных народов и стран, прошедших стадию индустриального развития, а с другой – обостряются межнациональные и межрегиональные противоречия, которые используют в своих целях политические и экономические элиты в стремлении установить свое господство. Все эти процессы общероссийского и мирового порядка все в большей степени оказывают влияние на региональное развитие, в том числе и в Сибири.

Весь исторический путь Сибири в составе России показывает, что она была важнейшим рычагом для экономики и геополитики страны. Значение региона, в том числе и его самых северных территорий, особенно возросло в XX в. Оно стало далеко выходить

за рамки только экономики или политики. Сибирские территории смягчали возникающие социальные противоречия в центре государства, помогали пополнить его ресурсами и своими возможностями снять напряжение. У большинства стран мира уже нет свободных территорий, которые могли бы взять на себя индустриальную, экологическую, селитебную, рекреационную и прочую нагрузку. У России пока еще есть Сибирь и Дальний Восток.

В целом, оценивая вклад обширного Сибирского региона в российское цивилизационное развитие, можно сделать вывод, что Сибирь, с одной стороны, своими природными и территориальными ресурсами способствовала укреплению всевозможной мощи государства, а с другой – замедляла его цивилизационное развитие по пути модернизации, позволяла консервировать экстенсивные методы в экономике и даже игнорировать инновации. Это наблюдалось с самого начала российского влияния в регионе и отмечается в настоящее время. Одними из первых это заметили уральские историки, сделавшие вывод в одном из своих коллективных трудов о том, что «в России социальное развитие и распространение современных идей и техники сдерживалось ее огромными, еще не освоенными, тяжелыми в климатическом смысле пространствами» [6, с. 105]. И объективные условия для этого пока сохраняются. Вопрос лишь в том – на сколько хватит этих резервов российской цивилизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Траектории проектов в высоких широтах. Новосибирск, 2011.
2. Винокуров М.А., Суходолов А.П. Экономика Сибири. 1890–1928. Новосибирск, 1996.
3. Колымский гуманитарный альманах. Магадан, 2006. Вып. 1.
4. Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Зубков К.И., Побережников И.В. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI–XX века. М., 2004.
5. Цивилизационное своеобразие российских модернизаций XVIII–XX вв.: пространственно-временной аспект. Екатеринбург, 2011.
6. Россия в XVII – начале XX в. Региональные аспекты модернизации. Екатеринбург, 2006.
7. История Сибири. Л., 1968. Т. 2.
8. Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, XVI – начало XX в.: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005.
9. Карпов В.П., Колева Г.Ю., Гаврилова Н.Ю. и др. Тюменский индустриальный «взрыв»: история мегапроекта. Тюмень, 2011.

Статья поступила
в редакцию 05.11.2012

УДК 94(47).043/073

Д.А. АНАНЬЕВ

**ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СИБИРИ
(XVII – НАЧАЛА XX в.) В ОСВЕЩЕНИИ
АНГЛО- И ГЕРМАНОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

канд. ист. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: denis.ananyev@gmail.com

В статье предпринята попытка обзора основных работ по истории социально-экономического развития Сибири в XVII – начале XX в., опубликованных в англо- и германоязычной историографии. Автор приходит к выводу, что наибольшее внимание западные исследователи уделяли истории пушного промысла и торговли, аграрной колонизации, развитию транспортных коммуникаций. Несмотря на известную ограниченность круга доступных источников, западным историкам удалось предложить собственные подходы к изучению социально-экономических проблем сибирской истории, в основу которых положены концепции «фронттира», «колонизации» и «модернизации».

Ключевые слова: западная историография, Сибирь, социально-экономическое развитие, фронтир, колонизация, модернизация.

В западной историографии неизменно отмечается огромный экономический потенциал Сибири, значение ее ресурсов для развития Российского государства в различные периоды его истории. При этом одним из наименее изученных остается начальный (и наиболее продолжительный) период хозяйственного освоения Сибири, верхней границей которого западные историки определяют начало XX в., когда была введена в строй Транссибирская магистраль и резко увеличился приток переселенцев. В настоящей статье предпринята попытка дать обзор основных работ по истории социально-экономического развития Сибири в XVII – начале XX в., опубликованных в западной историографии. Преимущественное внимание уделяется историкам США, Канады, Великобритании и ФРГ, что обусловлено их ведущей ролью в западном сибиреведении.

Большинство работ, написанных западными исследователями, посвящено проблемам, связанным с развитием пушного промысла и торговли; историей аграрной колонизации и крестьянских переселений, ставших особенно массовыми на рубеже XIX–XX вв.; а также с историей развития транспортных коммуникаций в Сибири.

Первым западным исследователем, посвятившим специальную работу сибирской торговле мехами в XVI–XIX вв., стал немецкий историк Й. Кляйн. В основу его монографии «Сибирская пушная торговля и ее значение для завоевания Сибири», опубликованной в 1906 г. в Бонне, были положены материалы докторской диссертации, которую ученый защитил в Рейнском университете им. Фридриха-Вильгельма [1]. В качестве источников Й. Кляйн использовал в основном

труды И.Э. Фишера, Г.В. Стеллера, А.Ф. Миддендорфа, К. фон Бэра, К. Дитмара, Н.М. Ядринцева.

Й. Кляйн выделил три взаимообусловленных и взаимосвязанных этапа хозяйственного освоения Сибири. Содержание первого этапа определялось погоней русских за пушниной; второй ознаменовался земледельческим освоением региона; третий – добычей металлов [1, с. 116]. Соответственно, по его мнению, без первоначального повышенного интереса русских к сибирской пушине вряд ли было возможно их стремительное продвижение на восток и удержание присоединенных азиатских территорий.

Представление о добыче пушнины как основной причине проникновения русских в Сибирь разделяли также представители Калифорнийской школы – Р. Кернер, Дж. Ланцев, Р. Фишер. В 1943 г. Р. Фишер опубликовал первую в англоязычной литературе научную монографию, посвященную истории хозяйственного освоения Сибири [2]. Историк полагал, что Россия была исключением в ряду других колониальных держав XVI–XVII вв., поскольку государство никогда не отдавало колонию целиком в руки частных торговцев и промышленников, а само выступало в роли предпринимателя, установившего для себя монопольные права и привилегии [2, р. 48–71]. Р. Фишер не считал пушную торговлю единственным фактором сибирской колонизации, но активное участие государства в этом процессе объяснял, прежде всего, доходностью экспорта пушнины, дававшего казне в начале XVII в. около 11 % дохода [2, р. 108–123]. Сопоставляя доходы от пушнины с расходами правительства в Сибири, Р. Фишер пришел к выводу, что «Сибирь не только вполне покрывала производимые

в ней расходы, но и давала значительную прибыль в московский бюджет»¹.

В своих первых работах, посвященных проблемам продовольственного снабжения русских колоний на Дальнем Востоке и в Северной Америке, канадский историк Дж. Гибсон также рассматривал пушную торговлю в качестве главного стимула «русской восточной экспансии», что к тому же объединяло ее с английской и французской экспансией в Канаде [4; 5]. Однако, признавая большое значение пушной торговли, западные историки все же представляли процесс хозяйственного освоения Сибири как многофакторный, требующий всестороннего изучения. В числе сторонников данной позиции следует назвать Д. Тредголда [6, p. 151], Дж.-Л. Блэка [7, p. 58], Б. Дмитришина [8, p. 4–8], А. Вуда [9, p. 1–15].

Другой важной темой, затронутой в западной историографии социально-экономического развития Сибири в XVII – начале XX в., стала аграрная колонизация Сибири (А. Байкалов [10, 11], К. Мэннинг [12], Э. Леснер [13], А. Лобанов-Ростовский [14] и др.)². На Западе наиболее известным исследованием по данной теме остается монография Д. Тредголда «Великое переселение в Сибирь», опубликованная в 1957 г. [15]. Главным итогом крестьянских переселений во второй половине XIX – начале XX в. американский историк назвал «достижение социального равенства» в масштабах, ранее неизвестных русскому и сибирскому крестьянину. В этом отношении легко увидеть сходство данного процесса с переселением американцев на Запад.

По признанию самого Д. Тредголда, в своем исследовании он стремился, в первую очередь, провести сравнение между освоением американского и сибирского «фронтиров». Для Д. Тредголда несомненно, что переселения крестьян в восточные регионы России во многом напоминали покорение американского Запада. Сибирь заселяли бывшие крепостные, бежавшие от угнетения и нищеты, и даже после 1861 г. освобожденные крестьяне часто уходили от правовых ограничений и бедности. В то же время Сибирь не знала некоторых явлений, характерных для американского фронта, в частности, взаимоотношения пришлого и коренного населения в Сибири были куда менее проблематичными, чем в Северной Америке.

И все же, по мнению Д. Тредголда, при всех различиях в Сибири сложился социум, более похожий на тот, что формировался в США, нежели в Европейской России. В Сибири люди проявляли куда большую самостоятельность, а их социальные связи отличались куда большей гибкостью, чем в остальных регионах России. Как писал историк, на примере сибирского крестьянства российские власти, а также крестьяне из других регио-

нов империи могли увидеть, какого уровня благополучия они в принципе могли бы достигнуть.

В целом Д. Тредголд объединил в своих построениях элементы теории «фронтира», концепций «колонизации» и «модернизации». В его работе ощущается несомненное влияние идей его учителя – М.М. Карповича, отмечавшего успехи экономического развития России на рубеже XIX–XX вв. Согласно М.М. Карповичу (1889–1959), революция в России изначально не была predetermined, поскольку мирная эволюция в экономической, политической и культурной областях накануне войны свидетельствовала об успехах модернизации, и только «война сделала революцию весьма вероятной, а человеческая глупость сделала ее неизбежной» [16].

Представители советской историографии подвергли критике выводы Д. Тредголда, упрекая его в стремлении «американизировать» Сибирь, доказать «преимущества буржуазных методов хозяйственного освоения», «ненужность» и «невозможность» революционного пути решения аграрного вопроса; отмечали идеализацию Д. Тредголдом переселенческой политики царизма, отрицание им процесса социального расслоения и разложения сибирской деревни и преувеличение роли географического фактора [17, 18, с. 164–178]. В то же время работа Д. Тредголда получила самую высокую оценку в западной историографии – например, в трудах В. Конноли [19], П. Дибба [20, p. 170], Т. Армстронга [21], Дж. Гибсона [22, p. 442–453], Б. Андерсона [23].

Британский историк, сотрудник Школы славянских и восточноевропейских исследований Дж. Чэннон в своей статье «Региональные вариации общины (на примере Сибири)» [24] пришел к выводу, что специфика сибирской окраины сочеталась с традициями хозяйствования и землепользования, принесенными из Европейской России. Инвариантным фактором колонизационных процессов по обе стороны Уральских гор в схеме Дж. Чэннона предстает государство, продолжающее играть свою всеобъемлющую роль. И все же представления историка о том, что Сибирь давала переселенцам больше возможностей и больше свободы, вполне соответствуют учению Ф.Дж. Тернера о «фронтире».

Американский историк Э. Доннели полагал, что до середины XIX в. главной направляющей силой в колонизации степей Южной Сибири и северных регионов Центральной Азии оставалось государство, видевшее своей главной задачей не столько аграрную колонизацию региона, сколько охрану торговых маршрутов и защиту своих подданных. Колонизация «подвижной степной границы» стала возможной только после того, как удалось обеспечить военную безопасность территорий. После этого тысячи крестьян хлынули на окраины империи в поисках «земли и воли» [25, p. 189–207].

Как отметил другой американский историк, Сеймур Бекер (Университет штата Нью-Джерси), изначально правительство не поддерживало крестьянские переселения из опасений, что это может оказать де-

¹ По мнению В.К. Яцунского, из приводимых Р. Фишером сведений более обоснованными представляются показатели для 1680 г. – 6,8 % и 1701 г. – 2,5 %, рассчитанные на основе данных П.Н. Миллюкова о бюджетах 1680 и 1701 гг. (см.: [3, с. 192]).

² *Передерий С.В.* Современная американская и английская буржуазная историография истории Сибири конца XIX в. – февраль 1917 г. : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1984.

стабилизирующее влияние на крестьянство Европейской России [26, р. 235–256]. По заключению историка, принципиальное изменение позиции правительства произошло между 1889 и 1896 гг., когда в переселениях стали видеть средство решения проблемы избыточного населения в метрополии. Учреждение в 1896 г. Переселенческого управления свидетельствовало о решимости правительства содействовать колонизации Сибири, решая двоякую задачу – уменьшая проблему перенаселенности и крестьянского недовольства в Европейской России и одновременно усиливая российское присутствие в отдаленных пределах империи вдоль границ с Китаем.

Взаимоотношения пришлого и коренного населения в регионе С. Бекер, подобно Д. Тредголду и Э. Доннели, описывал в духе теории «фронта», однако основной упор делал на негативных последствиях русской колонизации для коренных жителей степных районов. С точки зрения С. Бекера, данный процесс по своим последствиям во многом напоминал взаимоотношения между белыми торговцами, поселенцами и индейцами, жившими на равнинах Дикого Запада. В то же время политика российского правительства была направлена на поощрение перехода кочевников к оседлому образу жизни путем освобождения их от уплаты налогов на пять лет и уменьшения налоговых ставок еще на пять лет для тех, кто начинал заниматься земледелием.

Об определяющей роли государства и его представителей в освоении Азиатской России писал С. Маркс, называвший «тщетными» попытки применить к Сибири теорию «фронта» и предпочитавший использовать более традиционную концепцию «колонизации», предложенную русскими историками еще в XIX в. С. Маркс вписывает колонизацию Сибири и массовые крестьянские переселения за Урал, имевшие место в конце XIX – начале XX в., в общий процесс европейской колонизации. По его признанию, западные историки часто не уделяют должного внимания роли России в этом процессе, хотя среди всех примеров колонизации в новейшей истории немногие страны могут сравниться с успешностью освоения Сибири, куда в течение 1891–1914 гг. прибыло примерно 5 млн крестьян.

Специальную статью С. Маркс посвятил деятельности одного из ближайших сотрудников С.Ю. Витте – статс-секретаря А.Н. Куломзина (1838–1902), управляющего делами Комитета министров (1883–1902) и одновременно с 1893 г. управляющего делами Комитета Сибирской железной дороги [27, р. 23–39]. По мнению С. Маркса, именно А.Н. Куломзин заложил фундамент развития Сибири в течение всего XX в. [27, р. 35]. Его работа в КСЖД сделала возможными массовые перемещения людей, а в дальнейшем – и промышленных предприятий к востоку от Урала. Впрочем, политика А.Н. Куломзина также способствовала дальнейшему захвату земель, принадлежавших коренному населению региона.

В русле концепции «колонизации» написаны и статьи, включенные в сборник «Заселение российских окраин: колонизация приграничных территорий в ис-

тории Евразии» (под ред. Н.Б. Брейфогле, А. Шрэдер, У. Сандерленда) [28]. Вслед за С. Марксом, его составители отмечали, что хотя западные исследователи истории европейской колонизации обычно забывают упомянуть роль русского народа, последний следует отнести к числу величайших «колонизаторов» в истории Старого света. Перемещение десятков миллионов поселенцев, представителей славянских народов, служило главной составляющей процесса «империостроительства» в России, а также стержнем повседневной жизни многочисленных социальных и этнических групп.

В конце XX в. русская колонизация обернулась «деколонизацией», с неоднозначными и непростыми последствиями. Но причины депопуляции на обширных пространствах бывшей империи авторы сборника призывают искать в самой истории России: «В действительности, современный постколониальный пейзаж является прямым следствием долгой истории славянских миграций на окраинные земли, что в чистом виде дало смешение и изменение населения и территорий Евразии в подлинно континентальных (а в действительности трансконтинентальных) масштабах».

Уделяя столь пристальное внимание вопросам пушной торговли и крестьянской колонизации, западные исследователи в значительно меньшей степени освещают историю развития транспортной системы Сибири. В немецкой историографии одним из немногих трудов, посвященных сибирским системам коммуникаций в первые века русской колонизации, стало историко-географическое исследование Е.Ф. Жуае «Транзитный путь из Москвы в Даурию: проблемы транспорта и передвижения в Сибири в XVII в.», основное содержание которого сводится к детальному описанию каждого участка пути из Москвы в Даурию [29, р. 13–32].

Подавляющее большинство исследований, затрагивающих «транспортную» проблематику, посвящено более позднему периоду и, прежде всего, строительству Транссибирской магистрали. Практически все западные исследователи (Д. Тредголд [15], С. Маркс [30], В. Моут [31], Х. Тапер [32], Б. Самнер [33], А. Геденштрем [34], Р. Норт [35] сходятся на признании огромного значения, которое имело строительство Транссиба для освоения Сибири в конце XIX – начале XX в.

В начале 1990-х гг. вышла в свет монография С. Маркса, посвященная строительству Транссиба и содержащая прямо противоположные суждения о роли и месте магистрали в истории региона. С. Маркс проанализировал проекты строительства Транссиба, предложенные министром путей сообщения К.Н. Посыетом в 1875 и 1884 гг., дал оценку дискуссиям, разгоравшимся в правительственных кругах по данному вопросу, и в итоге пришел к выводу, что различные слои и группы российской бюрократии не смогли объединиться для выработки решений по важнейшим экономическим вопросам. На одно только принятие официального решения о строительстве Транссиба ушло более 15 лет.

Особое внимание в монографии уделяется деятельности С.Ю. Витте, который сыграл ключевую

роль в организации строительства Транссиба, но опираясь при этом, по определению В.С. Лаврова, на «режим личной власти», возвышаясь и над правительством, и над обществом [30, р. 222]. В итоге С. Маркс дал преимущественно негативную оценку всему проекту Транссибирской магистрали, который, по его мнению, не оправдал себя ни экономически, ни стратегически.

В сущности, американский исследователь попытался опровергнуть распространенное в западной историографии представление об успешности российской «модернизации», которая лишь в малой степени отклонялась от общей траектории экономического развития европейских стран. Историк признавал, что главной движущей силой «модернизации», действительно, было правительство, но слабость российской экономики, по его мнению, как раз и заключалась в ее полной зависимости от самодержавного государства. При всей спорности отдельных положений работы американского историка (см., напр.: [36, 37]), необходимо поддержать его фактический призыв к более объективному и непредвзятому изучению хода и итогов социально-экономического развития Сибири в предреволюционный период.

В целом, несмотря на известную ограниченность круга источников, доступных для западных исследователей, им удалось найти собственные подходы к разработке проблем социально-экономического развития Сибири (в основу которых положены концепции «фронтира», «колонизации» и «модернизации»). Как представляется, в современных условиях перед западными сибиреведами стоит задача расширения источниковой базы и проблематики социально-экономических исследований, более основательного изучения достижений их российских коллег.

ЛИТЕРАТУРА

1. Klein Jos. Der Sibirische Pelzhandel und Seine Bedeutung für die Eroberung Sibiriens. Bonn, 1906.
2. Fisher R.H. The Russian Fur Trade, 1550–1700. University of California Publications in History. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1943. Vol. XXXI.
3. Яцунский В.К. Изучение истории в Калифорнийском университете в США // Вопросы истории. 1945. № 5–6.
4. Gibson J.R. Feeding the Russian Fur Trade: Provisionment of the Okhotsk Seaboard and the Kamchatka Peninsula, 1639–1856. Madison, Wisconsin, 1969.
5. Gibson J.R. Imperial Russia in Frontier America. The Changing Geography of Supply of Russian America, 1784–1867. N. Y., 1976.
6. Treadgold D. Russian Expansion in the Light of Turner's Study of American Frontier // Agricultural History. Vol. 26, № 4.
7. Black J.-L. Opening up Siberia: Russian «Window to the East» // Wood A. The History of Siberia. From Russian Conquest to Revolution. L., 1991.
8. Dmytryshyn B. Russian Expansion to the Pacific, 1580–1700: A Historiographical Review // Siberica. A Journal of the North Pacific Studies Center. Portland, 1990. Vol. 1, N 1.
9. Wood A. Introduction: the Role of Siberia in Russian History // The History of Siberia. From Russian Conquest to Revolution. L., 1991.
10. Baikalov A. The Conquest and Colonization of Siberia // The Slavonic and East European Review, 1932. Vol. 10, N 30.
11. Baikalov A. Siberia since 1894 // The Slavonic and East European Review, 1933. Vol. 11, N 32.
12. Manning C. The Siberian Fiasko. N. Y., 1952.
13. Lessner E. Cradle of Conquerors: Siberia. N. Y., 1955.
14. Lobanov-Rostovsky A. Russia and Asia. 2-nd ed. N. Y., 1951.
15. Treadgold D. The Great Siberian Migration: Government and Peasant in Resettlement from Emancipation to the First World War. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1957.
16. Болховитинов Н.Н. Русские ученые-эмигранты (Г.В. Вернадский, М.М. Карпович, М.Т. Флоринский) и становление русистики в США. М., 2005.
17. Горюшкин Л.М., Сагайдачный А.Н. Современные англо-американские буржуазные историки о социально-экономическом развитии Сибири // Революция 1905–07 гг. на Урале и в Сибири. Тюмень, 1983.
18. Передерий С.В. К вопросу об освещении истории Сибири эпохи капитализма в современной англо-американской буржуазной историографии // Рабочие Сибири в конце XIX – начале XX в. Томск, 1980.
19. Conolly V. Beyond the Urals. L., 1967.
20. Dibb P. Siberia and the Pacific. A Study of Economic Development and Trade Prospects. N. Y.; L., 1972.
21. Armstrong T. Russian Settlement in the North. Cambridge, 1965.
22. Gibson J.R. The Significance of Siberia to Tsarist Russia // Canadian Slavonic Papers. 1972. Vol. 14, N 3.
23. Anderson B. Internal Migration during Modernization in the Late Nineteenth Century Russia. Princeton, 1980.
24. Channon J. Regional Variation in the Commune: The Case of Siberia // Land Commune and Peasant Community in Russia. Communal Forms in Imperial and Early Soviet Society / ed. by R. Bartlett. Macmillan in association with the School of Slavonic and East European Studies, University of London, 1990.
25. Donnelly A. The Mobile Steppe Frontier. The Russian Conquest and Colonization of Bashkiria and Kazakhstan to 1850 // Russian Colonial Expansion to 1917 / ed. by M. Rywkin. L.; N. Y., 1988.
26. Becker S. Russia's Central Asian Empire, 1885–1917 // Russian Colonial Expansion to 1917 / ed. by M. Rywkin. L.; N. Y., 1988.
27. Marks S.G. Conquering the Great East: Kulomzin, Peasant Resettlement, and the Creation of Modern Siberia // Rediscovering Russia in Asia: Siberia and the Russian Far East / ed. by S. Kotkin and S. Wolff. N. Y.; L., 1995.
28. Peopling the Russian Periphery: Borderland colonization in Eurasian history / ed. by N.B. Breyfogle, A. Schrader, W. Sunderland. L.; N. Y., 2007.
29. Резун Д.Я. Колонизация Сибири и ее специфика // Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв. Общее и особенное. Новосибирск, 2003. Вып. 3.
30. Marks S. Road to Power: The Trans-Siberian Railroad and the Colonization of Asian Russia, 1850–1917. N. Y., 1991.
31. Mote V. Siberia: Worlds Apart. Boulder, 1998.
32. Tupper H. To the Great Ocean. Boston, 1965.
33. Sumner B.H. Tsardom and Imperialism in the Far East and Middle East, 1880–1914. L., 1940.
34. Hedenstroem A. von. Geschichte Russlands von 1878 bis 1918. Stuttgart; Berlin, 1924.
35. North R. Transport in Western Siberia. Tsarist and Soviet Development. Vancouver, Canada: University of British Columbia Press and Centre for Transportation Studies, 1979.
36. Шашина Е.Б. Рецензия на кн.: Marks S. Road to Power: The Trans-Siberian Railroad and the Colonization of Asian Russia, 1850–1917. N. Y., 1991 // Отечественная история. 1993. № 4. С. 207–208.
37. Поткина И.В. Рецензия на кн.: Marks S. Road to Power: The Trans-Siberian Railroad and the Colonization of Asian Russia, 1850–1917. N. Y., 1991 // Вопросы истории. 1993. № 4. С. 178–180.

Статья поступила
в редакцию 08.02.2013

УДК: 94(47)“1881/1919”

М.В. ШИЛОВСКИЙ

ПРАЗДНОВАНИЕ «СИБИРСКОГО ДНЯ» В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

д-р ист. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: Istorik.novosib@gmail.com

В статье рассматривается процесс оформления регионального праздника – «сибирского дня», приуроченного к взятию дружиной Ермака столицы Сибирского ханства Кашлыка 26 октября 1581 г. Традиция его празднования окончательно сложилась в 1881–1882 гг. и просуществовала до 1919 г.

Ключевые слова: Сибирь, сибирский день, юбилей, общественная жизнь.

Процесс освоения Сибири, начавшийся с похода дружины Ермака в 1582 г., ее инкорпорации в Российское государство сопровождался не только созданием соответствующих управленческих структур, решением проблемы их кадрового обеспечения, образованием административных центров и т. д., но и формированием соответствующей системы символов. Она включает гербы, флаги, праздники, денежные знаки, ритуалы и т. д., являющиеся неотъемлемой частью фиксации идентичности нации, государства, региона как социокультурной, экономической и политической общности. Применительно к российской истории символика обеспечивала интеграцию отдельных территорий в единое централизованное государство.

Параллельно происходило и религиозное «освоение» региона, выразившееся не только в строительстве храмов и монастырей, обеспечении их духовенством, но и появлении месточтимых икон и святых. Первой в ряду сибирских православных чудотворных реликвий стала Абалакская «Знамение икона Божией матери» (впервые явлена в 1636 г.). Первым применительно к Азиатской России святым стал иркутский епископ Иннокентий (Иоанн Иоаннович Кульчицкий, 1660–1731), канонизированный в 1805 г. при деятельном участии сибирского генерал-губернатора Н.Н. Селифонтова. Вслед за ними в число сибирских святынь были включены иконы «Богородицы Тобольской (Казанской)», «Спас Нерукотворный (Тарханский)», «Смоленской Божией Матери Суерской (Осиповской)», святые Иоанн Тобольский (Максимович), Василий Мангазейский, Симеон Верхотурский и т. д. По свидетельству очевидцев, в Западной Сибири в обывательских домах находилось изображение еще одного местного святого – Ермака Тимофеевича [1, с. 290].

Сибирь обзавелась гербом (два соболя поддерживают лук и царскую корону на фоне перекрещен-

ных стрел) в XVII в., когда впервые был составлен государственный герб Московского царства. В 1625 г. в него внесли три короны, «знаменующие три великих покоренных царства: Казанское, Астраханское и Сибирское». Присоединение Сибирского региона привело к появлению в титуле наших самодержцев еще одного географического названия, одного из первых. А всего к началу XX в. их стало более 50-ти. А начиналось это перечисление следующим образом: «Мы, ... Император и Самодержец Всероссийский; Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский, Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Сибирский...» и т. д. Таким образом, в титуле высшего должностного лица территория получила статус царства. Герб оказался востребован. Самое главное, он нейтрален и не вызывает неприязни ни у одного из многочисленных этносов, проживающих между Уралом и Тихим океаном. Можно сохранить и корону. Пусть она олицетворяет все государство Российское, которое, как известно, «прирастать будет Сибирью», и от этого никуда не денешься.

Более длительным был процесс приобретения собственного красного дня календаря, т.е. общесибирского праздника, приуроченного к какому-либо историческому событию. В настоящее время пространство получила точка зрения, относящая празднование ряда крупных исторических годовщин только к началу XX в. (двухсотлетие основание Петербурга (1903), двухсотлетие Полтавской битвы (1909), столетие Отечественной войны 1812 г., трехсотлетие Дома Романовых (1913) [2, с. 256]. На самом деле первый крупный юбилей, отмечавшийся в XIX в., был связан с празднованием 25-летия Отечественной войны 1812 г. (1837), на который поэт В.А. Жуковский отозвался стихотворением «Бородинская годовщина» («Русский царь созвал дружины для великой годовщины...»). Затем торжественно и

достаточно широко отмечалось 1000-летие российской государственности (1861).

Применительно к Сибири первой попыткой увековечить память первооткрывателей стал синодик погибшим ермаковым казакам, составленный по приказанию первого сибирского архиепископа Киприана (Старорусенкова) и утвержденный царем и патриархом в 1636 г. Включенные в него поминались в Чине православия в православную неделю (первую неделю Великого поста) (февраль – март), о чем в документе содержалась краткая запись (память): «Ермакове и дружине его, Сибирское царство кровию своею от нечестивых вземшему и подклонившему сие царству Московскому» [3, с. 53–55]. Впрочем, синодик имел распространение только в Тобольске и не упоминался в Чине православия в других сибирских городах.

Впервые по инициативе властей юбилей присоединения Сибири, а именно 250-я годовщина похода Ермака, был в своеобразной форме отмечен в 1839 г. открытием в Тобольске мраморного 16-метрового обелиска атаману. На его сторонах высечены надписи: Покорителю Сибири, Ермаку; 1581; 1584; Воздвигнут в 1839. Две даты без пояснений обозначали начало похода землепроходцев в Сибирь и время гибели их предводителя. Тем не менее в сибирском обществе сооружение монумента не произвело существенного воздействия. Закончивший тогда свое фундаментальное произведение «Историческое обозрение Сибири» П.А. Словцов, собственно историю освоения региона начал с 1584 г., «когда первый русский городок явился на Оби, против последнего устья Иртыша, и, по слову воеводы Мансурова, привел пушечным выстрелом в трепет скопища вогулов и остяков» [4, с. 88].

Ситуация меняется к 1880-м гг. в свете приближающегося 300-летнего юбилея присоединения региона. Г.Н. Потанин в письме к Н.М. Ядринцеву от 28 июня 1878 г. по этому поводу сообщает: «Мне кажется, что в последнее время Сибирь отмечена многими явлениями, которые в совокупности составляют для нас эпоху: агитация по открытию портов на Ледов[итом] океане и экспедиция Норденшельда; занятие Амура; вопрос о колонизации на Амуре, Алтае и в Киргизской степи; стремление развернуть торговые сношения на юге; русские приказчики в городах Монголии; падение кяхтинской торговли и колония русских в Ханькоу и Тяньцзине; наконец сибирский университет и возбуждение вопроса о штрафной колонизации. Все это, вместе взятое, представляет задатки развития в будущем...» [5, с. 139].

Предстоящий юбилей сибирские областники использовали для проведения мощной PR-акции. За несколько лет до отправной даты они начали публиковать серию статей в русских демократических временных изданиях («Дело», «Неделя», «Отечественные записки», «Вестник Европы»), посвященных истории колонизации Сибири, а также итогам и перспективам этого процесса. При этом преследовалась цель привлечь внимание правительства, российского

общества, сибиряков к нуждам региона, обосновать экстренную необходимость проведения здесь реформ. Большую роль в этом процессе сыграла газета «Восточное обозрение» во главе с Н.М. Ядринцевым, первый номер которой вышел 1 апреля 1882 г. в Петербурге. В одном из первых ее номеров, в заявлении от редакции, подчеркивалось: «Сибирское общество прежде всего желает облегчения жизни и некоторые свободы и право существовать частной инициативе. Ограничение старой опеки и своеволия становится ее заветным желанием»¹. Через все номера первых лет проводилась мысль о необходимости введения земства в Азиатской России. Рисуя безрадостные картины местной жизни – «поголовное невежество, царство кулаков и мироедов, отсутствие всякого образованного сословия, ничем не сдерживаемый произвол»², редакция высказывалась за распространение на регион земского положения 1864 года. Всего же сам Н.М. Ядринцев только за 1878–1880 гг. опубликовал более 35 статей и очерков в центральной и местной прессе, направленных на создание привлекательного имиджа региона. Об этом говорят заголовки его публикаций: «Значение сибирского университета», «Накануне освобождения от ссылки», «Нужды Западной Сибири», «Думы о Сибирской железной дороге», «Успехи Западной Сибири», «Судьба русских переселенцев за Урал», «Наши выселения и колонизация», «Очерки общественной жизни в Сибири», «Надежды и ожидания Сибири» и т. д.³

Юбилей отмечали в 1881–1882 гг. За отправную дату взяли день вступления казаков в столицу Сибирского ханства Кашлык – 26 октября 1581 г. или 8 ноября нового стиля. Поэтому кульминацией празднования 300-летия и стал впервые проведенный «сибирский день». Во всех крупных городах Азиатской России, в Москве и Петербурге 26 октября 1881 г. прошли торжественные мероприятия – вечера-банкеты сибирской интеллигенции с выступлениями общественных деятелей по актуальным вопросам внутренней жизни региона, его истории. Местные газеты вышли со специальными юбилейными материалами. В 1882 г. торжества повторились.

Вот как апофеоз праздничных мероприятий выглядел в столице в описании Н.С. Романова: «26 октября сибиряки, живущие в Петербурге и Москве, праздновали 300-летний юбилей завоевания Сибири. В зале гостиницы «Демут» собралось более 200 человек, в числе которых было много профессоров, докторов, генералов, студентов и дам. На судне, украшенном растениями, левая сторона которых [была] из елей и сосен, покрытых снегом, спускался электрический фонарь в виде солнца, освещающий золотой венчик на спущенной занавеси с надписью «26 октября 1581–1881 года». Под звуки марша в половине шестого присутствовавшие заняли места и обед начался

¹ Восточное обозрение. 1882. 15 мая.

² Восточное обозрение. 1882. 16 сент.

³ РГАЛИ. Ф. 580. Оп. 1. Д. 25.

с сибирских пельменей. Первый тост был провозглашен бывшим председателем Сиб[ирского] от[дела] геогр[афического] общ[ества] генерал-адъютантом Софиано за здоровье государя императора. Затем Б.А. Милютин произнес речь, сказав, что двенадцать поколений в 300-летний период Сибири одно за другим внесли в сибирскую жизнь свои заслуги и недостатки. Оратор заметил, что нельзя не помянуть добром людей, потрудившихся над преуспеянием Сибири» [6, с. 24–25].

В древней столице Сибири Тобольске в 1882 г. празднества начались с литургии в Софийском кафедральном соборе, затем состоялся парад, после чего собравшиеся отправились в общественное собрание, где губернатор В.А. Лысогорский зачитал адрес на высочайшее имя с выражением верноподданических чувств. Во время завтрака провозглашались тосты за царя, за Сибирь, Тобольск, местное городское общество, губернатора, благотворителя купца 1-й гильдии Я.А. Немчинова. День завершился танцевальным вечером с предварительным исполнением народного гимна и «единодушно оглушительным “ура!”» [7, с. 20–22].

В Омске торжества проходили несколько дней, начиная с 4 декабря 1881 г. Начались они с костюмированного бала с живыми картинами, взятыми из жизни «храброй казачьей дружины Ермака и сопровождавшимися пением». На следующий день в здании городской думы был совершен молебен. Вечером состоялся танцевальный вечер в общественном собрании [8, с. 117]. В Иркутске 6 декабря 1882 г. в зале Благородного собрания состоялось объединенное заседание всех местных общественных организаций, представителей светских и духовных властей (всего около 500 чел.). Городская дума направила в адрес императора Александра III памятный адрес с выражением верноподданических чувств и просьбой «об удовлетворении первых и насущных потребностей Сибири, что осуществит наши заветные мечты. Даруйте, государь, нашей Родине те благодетельные реформы, которыми уже давно пользуется Европейская Россия и которые составляют неувядаемый венец славы Вашего в бозе почившего родителя». В ответной телеграмме царь, поблагодарив поздравителей, выразил надежду, что «со временем с божьей помощью обширный и богатый сибирский край, составляющий уже три столетия нераздельную часть России, будет в состоянии, не разделяясь с нею, воспользоваться одинаковыми правительственными и общественными учреждениями, благами просвещения и усилением промышленной деятельности на общую пользу во славу дорогого нашего Отечества». В ознаменование 300-летия местные купцы И.И. Базанов и Я.А. Немчинов пожертвовали 120 тыс. руб. на устройство в Иркутске психиатрической лечебницы [6, с. 53–56].

По поводу состоявшихся юбилейных мероприятий В.А. Ламин заметил: «В высших эшелонах российской власти инициатива патриотов Сибири с момента ее выдвижения не вызвала энтузиазма и

восторженной реакции. Когда из далекой сибирской окраины стали поступать “сигналы” о, возможно, весьма неоднозначном восприятии “инородцами” общегосударственных торжеств, высшая власть настоятельно рекомендовала сибирским патриотам убавить масштабы ликования. Энтузиазм сибирских патриотов, конечно, искренний, исходящий из глубин сознания необходимости единения, консолидации многонациональной России удалось охладить, и предполагавшиеся праздничные общегосударственные торжественные мероприятия спустить с поднебесных высот замыслов, как говорится, на тормозах. Наиболее неумные патриоты Сибири, собравшиеся в Москве и Санкт-Петербурге и в некоторых сибирских городах, торжественно откушали праздничные обеды и обменялись пламенными речами по поводу великого значения Сибири в исторической судьбе России и одновременно с некоторой печалью в связи с общей неустроенностью условий жизни в Сибири, недостаточным благорасположением высшей власти к насущным заботам и нуждам окраины и в то же время с несокрушимым оптимизмом и искренней верой в грандиозную, величественную экономическую будущность ее дремлющих производительных сил и неиспользованных возможностей» [9, с. 9–10].

В сухом остатке, по мнению Л.М. Горюшкина, «используя 300-летний юбилей, представители сибирской интеллигенции, участники собрания в Петербурге, городские думы Томска и Енисейска выдвинули следующие требования к правительству: развитие в Сибири промышленности, путей сообщения, внутренней и внешней торговли, организации выставок сибирской продукции; открытие университета, расширение народного образования, геологических и других исследований; свобода переселений, введение земства, отмена ссылки и гласность судопроизводства. Словом, некоторое оживление общественной жизни в 80-е годы имело место» [10, с. 31]. В частности, в адресе Енисейской городской думы по случаю юбилея, принятом по инициативе гласного И. Скорнякова, отмечалась необходимость введения земства, гласного суда, свободы печати и слова, неприкосновенности личности и жилища [11, с. 215].

Итогом празднования 300-летнего юбилея присоединения Сибири к России стала традиция ежегодного проведения так называемого «сибирского дня». Ему посвящали специальные выпуски местные газеты и журналы, в книжных магазинах П.И. Макушина проходила презентация новых изданий, посвященных Сибири. В частности, в 1886 г. в продажу поступило переиздание известного труда П.А. Словцова «Историческое обозрение Сибири». К празднику приурочивалось открытие значимых объектов культурно-просветительной сферы: школ, библиотек, народных домов и т. д. Например, в самый разгар Гражданской войны 26 октября 1918 г. в Иркутске состоялся торжественный акт открытия университета, второго в регионе. Проводили в этот день свои торжественные заседания и муниципальные органы.

О том, как в последующем отмечался «сибирский день», можно судить на примере Иркутска. 1884 год. Состоялся вечер в общественном собрании (около 200 чел.). С речами выступили С.И. Носович, В.И. Вагин, С.И. Москвин, М.Я. Писарев, Л.С. Зисман и др. [6, с. 107]. 1885 год. Аналогичное мероприятие в Благородном собрании 26 октября. С речами выступили В.П. Сукачев, М.В. Пихтин, В.И. Вагин, ссыльнопоселенец С.И. Москвин. В частности, представитель торгового дома «А.И. Громов и сыновья» М.В. Пихтин резюмировал: «Как мы не бьемся, а все таки приходим к тому заключению, что только науки и просвещение масс могут поднять промышленность Сибири, разбудить дремлющие сибирские капиталы и призвать их к новой здоровой жизни»⁴.

1886 год. «26 октября. Сибирский вечер прошел весьма оживленно, участвовало много молодежи. Присутствовали председатель Совета Главного управления генерал-лейтенант Педашенко, начальник окружного штаба генерал Левицкий и иркутский губернатор. Вечер продолжался до 5 часов утра. Зал был декорирован сибирскими картинами художника Вронского, декоративная часть принадлежала Коперскому. В час пополудни танцы были прерваны и присутствующим предложено шампанское. Затем были произнесены речи М.Я. Писаревым, М.А. Нестеровым, С.И. Москвиным. Четвертый раз молодая иркутская интеллигенция праздновала день покорения Сибири. Праздник этот с каждым годом становится многолюднее, с каждым годом все более приобретает и симпатии общества, и общественное значение. В этот день местные умственные силы собираются вместе, чтобы высказать себе и другим свои заветные помыслы и пожелания. Этот день полной, иногда даже несколько суровой ответственности». На мероприятии было озвучено стихотворение С.С. Попова, которое начиналось словами:

Суров твой жребий, край изгнания,
И не заслужен твой позор,
Но верь, что жребий испытанья
К концу желанному пришел [6, с. 140–141].

«В то время как Россия молчала, – резюмирует в своих воспоминаниях редактор иркутской газеты «Восточное обозрение» И.И. Попов, – Сибирь не от-

казывалась и от выступлений со своими требованиями, которые обыкновенно приурочивались к 26 октября. В этот день сибиряки в Москве, Петербурге и во всех городах Сибири устраивали заседания и вечера, на которых обсуждались нужды Сибири. Праздновать 26 октября вошло в обычай с 1882 г., когда отмечалось 300-летие присоединение Сибири к России. В Иркутске этот день проходил торжественно: устраивали по подписке обед, а вечером в Общественном Собрании – концерт в пользу учащихся. После концерта бывал бал. За ужином местные деятели, не исключая и ссыльных, выступали с речами и требовали введения в Сибири земства, новых судов, отмены уголовной ссылки, вообще полного уравнивания Сибири в правах с Европейской Россией. Не избегали мы и политических тем, особенно злободневных. Конечно, реальных результатов не было, но на молодежь мы производили впечатление» [12, с. 14].

ЛИТЕРАТУРА

1. Мануйлова И., Ярков А. Феномен сибирской иконы // Тюменская старина. Тюмень, 2006. Т. 1.
2. Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII – начале XX в. М., 2011.
3. Ромодановская Е.К. Сибирь и литература. XVII век. Новосибирск, 2002.
4. Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Новосибирск, 1995.
5. Письма Г.Н. Потанина. Иркутск, 1989. Т. 3.
6. Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1881–1901 гг. Иркутск, 1993.
7. Голодников К. Город Тобольск и его окрестности: исторический очерк. Тобольск, 1887.
8. Литягина А.В. Ценностные ориентации и социальные нормы горожан Западной Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.). Барнаул, 2010.
9. Ламин В.А. Сибирь: от «страны тьмы» к геополитическому освоению // Сибирское общество в контексте модернизации XVIII–XX вв. Новосибирск, 2003.
10. Горюшкин Л.М. Главный труд Н.М. Ядринцева // Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. Новосибирск, 2003.
11. Шиловский М.В. Общественно-политическое движение в Сибири второй половины XIX – начала XX века. Новосибирск, 1995. Вып. 2: Либералы.
12. Попов И.И. Забытые иркутские страницы. Записки редактора. Иркутск, 1989.

Статья поступила
в редакцию 14.01.2013

⁴ Сибирь (Иркутск). 1885. 3 нояб.

УДК 314.148(571.1/.5)''16''(093)

И.Р. СОКОЛОВСКИЙ

**ИСТОРИЯ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ XVII в.
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX – НАЧАЛА XXI в.**

канд. ист. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: sokolowski@yandex.ru

История численности русского населения Сибири XVII в. стала отдельным вопросом историографии в середине XIX в. Во второй половине XX в. в отечественной науке появляется ряд работ, освещающих численность русского населения. В XXI в. такого рода исследования продолжают. В статье дается обзор этих работ, оценивается их вклад, отмечаются общие трудности, намечаются перспективы исследования.

Ключевые слова: Сибирь, население, колонизация, численность, гарнизоны, XVII в., историография, крестьяне, посадские.

Предметом истории населения является численность, состав и иные его характеристики в определенных географических и хронологических рамках. Русские пришли в Сибирь в конце XVI в., и последующее столетие было первым веком освоения Сибири. История русского населения Сибири XVII в. предполагает три возможных уровня рассмотрения: общесибирский, в рамках группы городов, региона (обычно Западной или Восточной Сибири) и, наконец, на уровне отдельных населенных пунктов.

История численности населения не была предметом специального историографического рассмотрения, хотя историко-демографические сюжеты затрагиваются в работах Н.А. Миненко. Учебное пособие этого автора (1978 г.) доводит обзор литературы до 1977 г., а монография – до 1982 г. [1; 2] Некоторые положения и оценки этих работ не устарели и тридцать лет спустя. Однако с момента выхода указанной монографии опубликовано несколько новых книг по историко-демографической тематике, менялись исторические подходы. Новые подходы позволяют отделить историю населения от политической и социально-экономической, в рамках которых она рассматривалась прежде. У Н.А. Миненко вопросы демографической истории распределены между главами о заселении Сибири, истории крестьянства и промышленности. Это заставляет нас обратиться к историографии историко-демографической тематики Сибири XVII в.

Первая попытка дать систематические сведения о населении делается П.А. Словцовым в середине XIX в. [3]. Он стремился подвести итоги прироста населения по каждому периоду истории. Для 1662 г. он насчитал в Сибири только мужского русского населе-

ния 70 тыс. чел., для 1709 г. – 229 227 душ обоего пола (152 778 душ муж. пола и 76 439 душ жен. пола)¹ [3, с. 219–221]. Данные эти, видимо, приведены для несопоставимых территорий (в 1709 г. Сибирь была несколько больше, чем в 1662 г.). Источник данных неизвестен.

Складывание сибиреведения в конце XIX – начале XX в. подробно обсуждено в работе Н.А. Миненко, так же как и роль С.В. Бахрушина, чья научная деятельность началась до 1917 г. [2] С.В. Бахрушин проработал до 1950 г., став основателем московской школы сибиреведения. Н.А. Миненко больше пишет о концептуальных аспектах его работ [1, с. 14–15; 2, с. 44–45]. Мы же хотели бы отметить его исследование по истории Красноярска, опубликованное посмертно в 1959 г.; эта работа оказала большое влияние на все работы второй половины XX в. [4].

По схожей схеме строится книга Ф.Г. Сафронова о русском населении на Северо-Востоке Азии. Он исчерпывающим образом рассмотрел вопрос о численности служилых людей Якутска, источниках их происхождения, отметил случаи эпидемий и т. д. [5, с. 50–55, 58–59, 60–61, 63–64].

Большой вклад в изучение истории русского населения Томска был сделан З.Я. Бояршиновой [6]. Работа В.В. Покшишевского, несмотря на ее «демографическое» название, носит более обзорный характер [7]. Во многих аспектах до сих пор непревзойденной остается работа В.Н. Шерстобоева об Илим-

¹ При суммировании данных таблицы, приведенных во 2-м издании работы П.А. Словцова, мы получили несколько иные итоговые результаты: 227 232 чел. (152 793 душ муж. пола и 74 439 душ жен. пола). Разница составляет 2 тыс. душ жен. пола.

ском крае, первый том которой посвящен XVII в. [8] Вопросы истории населения затрагивались в работах В.И. Шункова, посвященных крестьянской колонизации [9; 10]. В середине 1960-х гг. история русского населения в Енисейском крае детально исследована В.А. Александровым и не так подробно А.Н. Копыловым [11; 12].

Однако, несмотря на эти достижения, когда во второй половине 1960-х гг. было предпринято издание многотомной истории Сибири, авторы «феодального» тома дали итоги русской колонизации только на начало XVIII столетия. В 1701 г. численность русского населения определялась в 25 тыс. семей (18 тыс. в Западной и 7 тыс. в Восточной Сибири), а общая численность мужского населения оценивалась в 80–100 тыс. чел. К 1710 г. численность русского населения определяется в 312 872 души (246 963 в Западной Сибири и 65 909 в Восточной Сибири) с разделением по полам (157 040 душ муж. пола и 155 832 души жен. пола) [13, с. 39, 55].

В 1976 г. выходит монография Н.Г. Аполловой о городах Прииртышья, где первая глава посвящена XVII в., а буквально год спустя появляется специальная историко-демографическая работа Я.Е. Водарского по истории России, в которой (по материалам его статьи 1973 г.) уделено место Сибири [14; 15, с. 232].

Подробная характеристика работ 1960–1980-х гг. дана в монографии Н.А. Миненко [2, с. 36–57]. В 1980–1984 гг. Н.Ф. Емельянов публикует свои работы, посвященные заселению Томского Приобья в XVII–XIX вв. Критические замечания как частного, так и общего характера о его методах и результатах уже приводились в литературе, что избавляет нас от необходимости их повторения [16–19; 2, с. 56; 20, с. 37].

К важнейшим работам второй половины XX в., освещающим аспекты истории населения Сибири XVII в., можно отнести работы Н.И. Никитина, особенно его монографию 1988 г. [21] Из трех ее глав первая целиком посвящена вопросам динамики численности «служилого населения» Западной Сибири. Для русских отрядов в Тобольске, Тюмени, Таре, Верхотурье, Туринске, Пельме, Березове и Сургуте данные о численности приведены на 1624, 1630, 1636, 1650, 1663, 1670, 1684 и 1699 гг. Общая численность русских сил в Западной Сибири за 75 лет возросла с 2 181 до 4 655 чел. [21, с. 29]. К концу века западно-сибирские служилые составили примерно половину всех русских военных сил в Сибири. Н.И. Никитин постоянно указывает на источники формирования этих сил, отмечая переведенцев из Поморья, донских казаков, черкас, «литву и немцев», представителей сибирских народов. Автор не оставляет без внимания вопросы естественного движения служилого населения. Уникальный характер в сибирской историографии имеет приводимая им таблица причин выбытия со службы тобольчан (1630–1645 гг.), включающая таблицу смертности (по причинам) – первые две строки [21, с. 53]. Более подробно вопросы смертности обсуждаются в тексте главы несколько ниже [21,

с. 54–55]. Однако подсчитать общие коэффициенты смертности и смертности от различных причин очень трудно. Для Тюмени в 1662/63 г. коэффициент смертности в боевой обстановке равен 8 на 1000, при общем коэффициенте выбытия со службы 103 на 1000. Автор анализирует различные виды механического движения данной группы населения, включая принудительную (ссылка), а также изменение социального статуса (переходы «в посад», «в пашню») [21, с. 55–59]. В составе семей рассматриваются только наследники мужского пола [21, с. 71]. В 1992 г. вышла работа А.А. Люцидарской, в которой целый раздел посвящен вопросам состава семьи XVII – первого десятилетия XVIII вв., успешно дополняющий данные Н.И. Никитина [22].

Исследователь сибирской урбанистики Д.Я. Резун написал две работы, освещающие историю населения Сибири. В одной даются очерки истории большинства сибирских городов и острогов XVII в. с краткими и не систематизированными данными о населении. Вторая книга – это «коллективный портрет» русских служилых людей. В ней собраны биографии и ономастические данные, отразившиеся в картотеке служилых людей, которую Д.Я. Резун собирал более 30 лет и которая насчитывает, по меньшей мере, 70 тыс. карточек. Эта работа раскрывает богатство семейных и клановых связей служилых, что не нашло отражения в обычных учетных источниках [23; 24].

В 1999 г. вышла книга А.Р. Артемьева о городах и острогах Нерчинского уезда, отмечающаяся привлечением большого количества новых архивных документов, с хорошим знанием работ предшественников. Материалы о населении расположены в ней по отдельным городам и острогам без обобщения. В табличной форме приведены только сведения о населении XVIII в. [25, с. 40–119, 326–329]. В работе имеются сведения о жителях 23 населенных пунктов [25, с. 40–119].

В 2005 г. вышла книга И.П. Каменецкого. В ней дана динамика численности служилых, приводятся данные о других категориях населения в Кузнецком уезде за весь XVII в. [26].

В 2010 г. в Санкт-Петербурге издана монография сургутского исследователя В.Д. Пузанова. В четырех главах автор пишет о гарнизонах Тобольска, Пельма, Сургута, Березова, Тюмени, Верхотурья, Туринска и Тары в 1628–1685 гг. Каждому городу отведен один параграф, в котором приводятся две таблицы: одна отражает численность служилых людей, другая – выполняемые ими службы. Отдельный параграф посвящен вооруженным людям в слободах Западной Сибири [27, с. 115–334]. Что касается вопросов истории населения, то его работа дополнительно проясняет результаты Н.И. Никитина.

Работа Г.А. Леонтьевой посвящена Восточной Сибири (Нерчинскому и Иркутскому уездам). В монографии использовано большое количество новых архивных материалов. Она показывает малолюдство Нерчинского гарнизона, в котором от первоначаль-

ного отряда А. Пашкова (460 чел.) в 1669 г. осталось 124 чел., а в 1677 г. было 191 чел. Постоянный гарнизон в Иркутске сложился еще позже, долгое время туда посылали «годовальщиков» из Енисейского уезда. Однако к 1693–1694 гг. в Иркутском уезде служилых людей оказалось больше: в городе и семи острогах несло службу 995 чел., в то время как в Нерчинске и шести острогах насчитывалось 423 служилых [28, с. 36, 54].

Данные о численности населения в XVII в. опубликованы в статьях «Исторической энциклопедии Сибири» о городах и острогах [29]. Современным иностранным авторам часто удается обойтись совсем без данных о численности населения или привести минимальные сведения. В монографии, целиком посвященной ссылке, А. Джентес пишет: «в 1622 г. в Сибири были 23 000 русских и других иностранцев; 40 лет спустя это число равнялось 105 000; и в 1709 г. уже 229 227 и быстро росло» [30, с. 40].

Все работы, касающиеся истории русского населения Сибири XVII в., имеют схожие черты, которые определяются характером источников и теми методами, которые используются для их обработки. Поэтому изучение русского населения Сибири XVII в. связано с определенными трудностями. Они лучше всего вычлняются методом сравнения с программой демографических исследований, принятых развитой статистической наукой [31, с. 170–197].

Прежде всего, это несовершенство учета населения. Его учет был подчинен фискальным целям и контролю над расходами государственных средств. Фиксировалась только та часть населения, которая либо платила налоги, либо получала из казны жалование. Как правило, это были представители самодельного населения, главы семей. Иногда проводились переписи их родственников мужского пола, которые являлись резервом лиц, подлежащих налогообложению или годных к несению службы. Женская половина населения если и учитывалась, то только случайным образом. Например, иногда учитывали ссыльных женщин. В начале века были случаи набора женщин для отправки в Сибирь с целью выправления дисбаланса между полами, сложившегося в первые 40–50 лет русского владычества.

Учет естественного движения населения тоже был далеко не полным. До 1718 г. рождения и браки не регистрировались [32, с. 34]. Смерти отмечались в фискальных документах как основание, например, для прекращения выдачи государева жалования.

Далеко не всегда фискальный учет фиксировал место фактического пребывания. Мы знаем, что значительная часть служилого населения (от 2/3 до 3/4), отмеченного, например в «окладных книгах», на момент переписи фактически находилась в другом месте. По делам службы сибирские казаки и стрельцы преодолевали огромные расстояния, оказываясь то на дальнем зимовье, то в столице царства – Москве.

Важным моментом, затрудняющим изучение русского населения за Уралом, является тот факт, что

фамилии для многих категорий населения не были сложившимся устойчивым признаком человека. Поскольку, как установлено В.Г. Волковым, принадлежность служилого человека к тому или иному «десятку» была более стабильной, постольку мы можем наблюдать изменение фамилий, отчеств и прозвищ от года к году. Для крестьян проследить ономастические изменения гораздо труднее. Число личных имен было ограниченным, поэтому отсутствие устойчивых фамилий сильно затрудняет анализ учетных материалов XVII в.

Многие переписные документы фиксируют возраст сибиряков, особенно тех, кто являлся резервом податных категорий. Однако убедительно показано, что данные о возрасте не точны². Данные о брачном состоянии мужчин фрагментарно присутствуют прежде всего в окладных книгах, где оклады жалования различались на «женатых» и «холостых». В учетных документах совершенно отсутствуют такие основополагающие демографические данные, как дата вступления в брак или число детей, рожденных одной женщиной.

Лучше всего в учетных документах представлены сведения о юридическом статусе населения, который был связан с занятиями. Однако если принадлежность населения к общественным группам определяется достаточно легко (крестьяне, посадские, служилые люди, духовенство и пр.), то сами занятия могут очень сильно варьироваться. Например, широко известно, что большинство ремесленников Сибири были по своему статусу служилыми людьми, а вовсе не посадскими, как можно было бы предположить исходя из формального определения юридического статуса.

Поскольку в XVII в. формальное образование в Московском государстве имели считанные люди, преимущественно иностранцы, то отсутствие данных об образовании в учетных документах не составляет серьезной проблемы. Однако систематических данных по грамотности тоже не имеется. Современное исследование К. Витценрата [33, с. 97] свидетельствует примерно о 10 % грамотности служилых людей.

Неясными являются вопросы о национальности, этничности, родном языке, даже о вероисповедании. Хотя издана специальная монография о западно- и восточноевропейском элементе в Томске, Енисейске и Красноярске, данные, приводимые в этой книге, получены на основании анализа большого массива фрагментарных сведений [20].

Даже вопрос о вероисповедании не так прост, как кажется. Конечно, большая часть русского населения и крещеная часть аборигенного населения являлись прихожанами Русской православной церкви. Однако имеются данные о том, что в Сибири было заметное число католических священников и монахов, которые,

² Борисов В.Е. База данных как средство комплексного анализа локальных социальных процессов (анализ крестьянского хозяйства в Ирбитской слободе XVII в.) // URL: <http://www.tssi.ru/lomonosov/2010/Борисов.pdf> (дата обращения: 27.01.2013).

возможно, даже совершали требы и служили по латинскому обряду. Кроме того, проживали представители и других конфессий. После реформы Никона острым становится вопрос о старообрядцах.

Подводя итоги, следует сказать, что в целом основные вопросы формирования населения Сибири в XVII в. изучены сравнительно неплохо. Мы представляем себе численность служилых Западной и Восточной Сибири. Располагаем сведениями о числе крестьян и посадских, имеем фрагментарные данные о составе семьи и естественном движении населения, а также отдельные сведения о миграциях. Мы имеем представления об общей численности русского населения Сибири, особенно на конец XVII в. Однако более подробная картина могла бы быть получена благодаря применению новых методик, таких как: создание банка данных всех персоналий сибиряков XVII в. и обработка его машинным способом. Это позволило бы лучше понять процессы как естественного, так и механического движения населения, разрешить ряд вопросов о численности и составе семей. В данном отношении мы хотели бы присоединиться к мнению Н.А. Миненко, высказанному в 1984 г.: «Для решения этой задачи требуется дальнейшее расширение методики их анализа (в т. ч. применения ЭВМ для обработки массовых данных) и возможно более полный учет всех полученных результатов» [2, с. 56, 57].

ЛИТЕРАТУРА

1. Миненко Н.А. Историография Сибири (период феодализма). Новосибирск, 1978.
2. Горюшкин Л.М., Миненко Н.А. Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI – начало XX в.). Новосибирск, 1984.
3. Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Стихотворения. Проповеди. Новосибирск, 1995.
4. Бахрушин С.В. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. // Научные труды. М., 1959. Т. 4.
5. Сафронов Ф.Г. История Северо-Восточной Азии XVII – начала XX в. Новосибирск, 2010.
6. Бояришинова З.Я. Население Томского уезда в первой половине XVII века // Труды ТГУ. Томск, 1950. Т. 112. С. 23–210.
7. Покшишевский В.В. Заселение Сибири. М., 1951.
8. Шерстобоев В.Н. Илимская пашня: в 2 т. Иркутск, 1949. Т. 1: Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века.
9. Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII в. М.; Л., 1946.
10. Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.). М., 1956.
11. Александров В.А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. (Енисейский край). М., 1964.
12. Копылов А.Н. Русские на Енисее в XVII в. Новосибирск, 1965.
13. История Сибири. Л., 1968. Т. 2.
14. Аполлова Н.Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX в. М., 1976.
15. Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII века (численность, сословно-классовый состав, размещение). М., 1977.
16. Емельянов Н.Ф. Население Среднего Приобья в феодальную эпоху (состав, занятия, повинности). Томск, 1980.
17. Емельянов Н.Ф. Заселение русскими Среднего Приобья в феодальную эпоху. Томск, 1981.
18. Емельянов Н.Ф. Население Среднего Приобья в феодальную эпоху (состав, занятия, повинности). Томск, 1982. Ч. 2.
19. Емельянов Н.Ф. Город Томск в феодальную эпоху. Томск, 1984.
20. Соколовский И.Р. Служилые «иноземцы» в Сибири XVII века (Томск, Енисейск, Красноярск). Новосибирск, 2004.
21. Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири XVII в. Новосибирск, 1988.
22. Люцидарская А.А. Старожилы Сибири. Историко-этнографические очерки. XVII – начало XVIII в. Новосибирск, 1992.
23. Резун Д.Я., Васильевский П.С. Летопись сибирских городов. Новосибирск, 1989.
24. Резун Д.Я. Родословная сибирских фамилий: история Сибири в биографиях и родословных. Новосибирск, 1993.
25. Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток, 1999.
26. Каменецкий И.П. Русское население Кузнецкого уезда в XVII – начале XVIII в.: опыт жизнедеятельности в условиях фронта Южной Сибири. Омск, 2005.
27. Пузанов В.Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири. Конец XVI–XVII вв. М., 2010.
28. Леонтьева Г.А. Служилые люди в Восточной Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. (по материалам Иркутского и Нерчинского уездов). М., 2012.
29. Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. Новосибирск, 2009.
30. Gentes Andrew A. Exile to Siberia, 1590–1822. N. Y., 2008.
31. Курс демографии : учеб. пособие / А.Я. Боярский и др. 3-е изд. М., 1985.
32. Миненко Н.А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первой половины XIX в.). Новосибирск, 1979.
33. Witzernath Christoph Cossacks and the Russian Empire, 1598–1725. Manipulation, Rebellion and Expansion into Siberia. L.; N. Y., 2007.

Статья поступила
в редакцию 04.02.2013

УДК: 94(47)“1714”

Т.С. МАМСИК

ЭКСПЕДИЦИЯ И.Д. БУХОЛЬЦА И «ВОССТАНИЕ» ИШИМСКИХ КРЕСТЬЯН 1714 г.

д-р ист. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: mamsik@ngs.ru

В статье дан анализ событий в Сибири, спровоцированных администрацией губернатора М.П. Гагарина для прикрытия его замыслов по отделению региона в виде удельного княжества-магнатства. В центре внимания автора – действия петровских посланцев и контрмеры гагаринцев, в частности так называемое восстание на Ишиме.

Ключевые слова: М.П. Гагарин, И.Д. Бухольц, И.-Ф. Страленберг, ишимские слободы.

Прошло чуть более четырех столетий от начала вхождения Сибири в состав России, но содержание многих страниц ее истории остается нераспознанным, в том числе и касающихся взаимоотношений центра и региона. Одна из причин такой ситуации – наличие историографических догм. Освобождение от них – процесс закономерный и в то же время многошаговый, длительный. Ранее [1, с. 5–9] нами была предложена версия событий в период судейства в Сибирском приказе и губернаторства в Сибири князя М.П. Гагарина (1706–1717). Согласно ей готовилось если не отторжение Сибири, то существенное изменение ее политического статуса и социально-сословного строя населения. В данной статье предложен ряд подтверждений данного тезиса.

Речь идет о поисках более аутентичных подходов к достаточно известным фактам. Важнейшее значение при этом имеет анализ временной и пространственной связи событий, а также внимание к деталям, которые в рамках прежних концепций и методологических посылок устранялись из поля зрения исследователей как несущественные. В связи с нашей темой обозначенные принципы применены к двум ситуациям. Одна из них – прерванная экспедиция подполковника И.Д. Бухольца (Бухолца) вглубь Азии с целью поисков золотоносных месторождений – послужила формальным поводом к началу следственного «дела» (1717) первого сибирского губернатора, закончившегося его казнью (1721) [1]. Вторая, традиционно именуемая в литературе «восстанием крестьян ишимских слобод» [2, с. 24–31], явилась фоном подготовки названной экспедиции.

По ряду признаков «восстание» следует рассматривать в контексте тех мер, которые были приняты и самим князем, и его доверенными людьми¹ по срыву

похода Бухольца. Этот вывод опирается на сопоставительный анализ информации разных источников: данных И.-Ф. Страленберга – пленного шведа, жившего в Тобольске в период описываемых событий [3, с. 142–146;]; корреспонденций из Сибири Бухольца на имя Петра I [4; 5, с. 46–57]; материалов следственного дела по поводу «восстания» [2], а также свидетельств, собранных майором И.М. Лихаревым, посланным царем в 1719 г. с командой гвардейцев в Сибирь, во-первых, для дальнейшего исследования путей в Яркенд, а во-вторых, – для сбора сведений по делу Гагарина и, в частности, о причинах оставления Бухольцем Ямышевской крепости [6, с. 128–129, 139, 140].

Идею похода в Яркенд² для поисков золотоносных месторождений Гагарин предложил Петру I лично, доставив в Петербург «поболши 10 фунтов... того песчаного золота». При этом он, согласно сведениям Страленберга, просил для задуманного похода вглубь джунгарских владений «ружья и амуниции тысяч на десять человек³, ... несколько оружейных и пороховых мастеров, протчее же обнадежил сыскать в Сибири» [3, с. 146] (здесь и далее выделено нами. – Т. М.). Но, как полагал швед, в Яркенд Гагарин не собирался, а оружием запасался для других целей. «А имянно: ежели умышленныя против государя на Москве предприятия в действо произведены быть могли, то намерен он был сию губернию учинить особливым царством». С этими отдаленными целями губернатор «в военные

пали под судебные «розыски», а их имущество было конфисковано [7, с. 163–185].

² Яркенд (Иркет, Еркеть, Эркет) – ныне г. Шачэ в Синцзян-Уйгурском автономном районе Китая, к юго-востоку от Кашгара и к северо-западу от Хотана. В первой половине XVIII в. входил в состав Джунгарии [8, с. 146].

³ В публикации Э.П. Зиннера ошибочно – «100 000», что придало сведениям Страленберга нереальный характер [9, с. 134].

¹ Это были свойственники и «приятели» князя, дружно грабившие сибиряков в период его губернаторства. Многие из них по-

и гражданския службы (старался. – Т. М.) определять свойственников своих и приятелей, которые ни в каких его народных отягосчениях не могли (ему) препятствовать» [3, с. 142, 143].

За пределами внимания Страленберга остался факт перемещения в пограничные районы Сибири населения из «русских городов», известный ныне из других источников [1, с. 7]. Но он засвидетельствовал действия Гагарина по созданию драгунских полков под видом пограничной ландмилиции. Крестьян, за взятки зачисленных в драгуны, он освобождал от уплаты государственного налога, но не платил им и жалованья. В то же время, «когда он з губернии своей долженствовал набирать рекрутов, тогда с пограничных российских провинций, яко Пермской, Вятской и Печерской имал вдвое, другия ж города внутри Сибирской области обходил, но денги за то брать не оставливал». Данный порядок позволял губернатору в перспективе без затруднения собрать «пехотное войско... под предлогом рекрутского набору, а в офицеры в случае употребить из шведских пленников». Склонял Гагарин на свою сторону и верхушку служилого населения, предоставляя ее сыновьям «первее многих» (т.е. вне очередь. – Т. М.) чины детей боярских [3, с. 142, 143]. Эти люди также служили без жалованья, компенсируя его поборами и взятками, в надежде на будущие привилегии в «особливом царстве».

Для подготовки «сибирской» армии Гагарину недоставало «довольнаго чина (калибра. – Т. М.) ружей и пороху; пушек же и принадлежасчих к ним ядер довольно было на сибирских железных заводах». Проблема, однако, состояла в том, что заполучить их возможно было лишь «с сенатского позволения», а «нужного резону» к такому требованию не было – «соседняя сторона (Китай и Джунгария. – Т. М.) была тогда мирна и спокойна»⁴ [3, с. 146]. В связи с обозначенной проблемой и возник у Гагарина проект «Яркендского похода».

Как выяснилось позже, больших возможностей для золотодобычи названный район не имел. «А подлиннова и вернава ведомца о песошном золоте близ Еркета, – сообщал Бухольц царю, – *господин губернатор мне не дал*, а тобольские жители, которые бывали в Еркете, ни единой не сведом о том золоте подлино, а привозят то золото в Тобольск бухарцы и продают» [4, с. 48]. Гагарин же и после отъезда Бухольца в целях своего оправдания вновь посылал царю приобретенное у торговцев золото [10, с. 252].

Прибытие в Тобольск 13 ноября 1714 г. подполковника Бухольца в качестве руководителя экспеди-

ции окончательно разрушило план Гагарина. Губернатор при этом был назначен ответственным за ее проведение, и ему велено было обеспечить Бухольца как людьми, так и снаряжением. В спешке гагаринцы предприняли все возможные меры, чтобы выдворить Бухольца из Сибири, возложив на него вину за провал экспедиции.

Только на 8-й месяц пребывания в Тобольске Бухольц получил команду из драгун и солдат, но «таких, которые ничего экзерциции не знали и не стреливали»; из пушек оказалось «годных к походу» только две, да и те без ядер и селитры; «ружье все негодно и без штыков», а палашей не только у солдат, но и в казне не было. Отсутствовал и элементарный инвентарь для строительства крепости на Ямыше: топоры, лопаты и проч., «ни телег походных, ни ящиков патронных, ни людем мундиру — ничего не было». Гагарин тянул время и отделялся обещаниями «прислать с Москвы зимою фузей со штыками две тысячи и палашей, пороху, фитилю, и селитры и стали», но обещание не выполнил; «приказывал вылить двенадцать медных пушек», а Бухольц получил только пять. Лошадей было закуплено 1500, но седел оказалось недостаточно и т.п. Главное же препятствие чинил «заместитель» Гагарина. «Обер-камендант⁵ меня задержал, – писал царю Бухольц, – для того, что и по сее число дощеников и других судов с припасы такова числа, на чем мне подняца (по Иртышу. – Т. М.), не изготовил, а паче, *провианту, и денег толко на полгода со мною отправляет, и во всем мне от него великое задержание*, знатно, государь, для того, что о мне к нему вашего величества указу нет» [4, с. 47].

Но дело было не в указе. Задержка Бухольца в Тобольске и его молчание по этому поводу вызвали беспокойство царя. Между тем информация Бухольца Петру с описанием ситуации, в которую он попал в Сибири еще до похода, адресата просто не достигала. Речь идет о письме от 13 января 1715 г., отправленном подполковником с капралом Хлусовым, который «был прислан с указом до господина губернатора Сибири» и отбыл обратно. «В том письме, – сообщал Бухольц, – писано, зачем я задержался в Тобольску и зимовал, ... а для чего, государь, то писмо вскоре вашему величеству не явлено, о том я не сведом, и о том писме сведом *господин губернатор Сибири*» [4, с. 47]. Гагарин задерживал письмо с компроматом на себя и в надежде направить гнев царя на Бухольца.

Только 1 октября 1716 г. Бухольц добрался со своим отрядом (2795 «разного чина людей»; на 32 дощаниках и 27 больших лодках) до Ямыш-озера, где ему велено было построить крепость. Уже к 10 ноября 1716 г. крепость, при ней артиллерийский острог, казармы, надолбы были построены. Отряд расположился зимовать на Ямыше в ожидании дополнительного провианта и денег. Однако уже в начале января часть людей (до 260 чел.) с Ямыша сбежала [5, с. 53]. Ушли бегле-

⁴ Состояние немирной обстановки приходилось «создавать» самим гагаринцам. К примеру, Р.А. Траханиотов, комендант Томска (1713–1715), тесть Гагарина, арестовав посла «Калмышской земли», держал его «за караулом», «вымучил» товаров на 7 тыс. руб. В ходе «розыска» свидетели писали: «за ту его, Траханиотова, злобу контайшины люди с томскими и кузнецкими жителями в ссоре, и многих побивают и грабят, и в полон берут, и скот отгоняют» [6, с. 141]. Аналогично действовали воеводы и других пограничных городов [10, с. 253].

⁵ Стольник С.П. Карпов – «помощник Гагарина по управлению губернией» и одновременно воевода (комендант) Тары [6, с. 93].

цы, очевидно, к джунгарам, так как путь домой был неблизким и опасным.

В Тобольске Бухольц «видел у губернатора посланцев контайши» и, конечно, не сомневался, что тот снабдил их соответствующими документами, извещавшими владетеля Джунгарии о мирных целях похода. К тому же и появление отряда на Ямыше, и строительство крепости не вызвало у джунгар недовольства.

Однако послы контайши в сопровождении полковника Толбузина отправились на родину в то время, когда Бухольц уже был на Ямыше. По пути они были ограблены казаками, а Толбузин привел их в крепость, где они находились некоторое время в ожидании подвода от контайши. По их совету, как писал в отчете сенату Бухольц [4, с. 52–53], он направил с ними (в начале января 1716 г.) к контайше поручика Трубникова в сопровождении отряда из 50 чел. с извещением, что экспедиция его мирная и осуществляется по царскому указу для поиска рудных ископаемых [5, с. 52]. Выяснилось также, что и Гагарин послал в ставку хана Журыхта-Эрдени сотника В.Б. Чередова. В наказе послу присутствовали указания, в соответствии с которыми губернатор от лица царя предлагал контайше «быть в послушании ему, как хан Аюка»⁶ – глава приволжских калмыков, находившихся в русском подданстве с начала XVII в. Подобное заявление без соответствующей дипломатической подготовки и при наличии на Ямыше войска не могло не вызвать ответной негативной реакции со стороны контайши. Оба посла оказались в плену: Трубников – у казахов, а Чередов – у калмыков. В литературе ситуация на Ямыше оценивается неоднозначно [5, с. 52–55; 10, с. 250–252; 11, с. 298–300], что косвенно указывает на не до конца выясненную позицию Гагарина. В свое время П.А. Словцов полагал, что губернатор «под рукою направлял киргизов (казахов. – Т. М.) к нападению» [10, с. 252]. В.К. Андриевич же писал о циркулировании среди кочевников слухов (приписываемых Трубникову), будто «Бухольц имеет царский пакет», с «предписанием, что ему делать в Еркете», но вскрыет его только по прибытии на место [11, с. 299]. Как видно, Гагарин устроил Бухольцу на Ямыше «западню», спровоцировав агрессию со стороны и калмыков, и казахов, находившихся в состоянии войны друг с другом.

Джунгары захватили на подходе к Ямышу долгожданный «транспорти» с продовольствием и казной (до 20 тыс. руб.), группу шведов, купцов и промышленников, всего до 700 чел., несмотря на наличие военного конвоя. А 9 февраля 1716 г. войско контайши в составе 10 тыс. чел. атаковало отряд Бухольца. Были отогнаны лошади, захвачена часть продовольствия. Бухольцу предъявлен ультиматум – покинуть крепость, несмотря на его уверения, что строилась она в целях «увеличения дружбы и торговли» [5, с. 55–56; 9, с. 81].

Бухольц не решился применять артиллерию [10, с. 252], напрасно ждал помощи из Тобольска, хотя сомнительно, чтобы там не знали об отчаянном положении отряда. После трехмесячной осады в условиях голода и болезней, едва дождавшись возможности сплава, 28 апреля 1716 г. Бухольц, разрушив крепость, с остатками людей (700 чел.) двинулся вниз по Иртышу к устью Оми, где им была заложена Омская крепость (май 1716 г.) [5, с. 54–55]. Вследствие информационной блокады, устроенной гагаринцами, в столице еще и в августе 1716 г. не было известно ни о судьбе отряда, ни о новопостроенной Омской крепости. Царь, получив в августе 1716 г. письмо Бухольца от 9 июня 1715 г. указом 6 августа приказывал Сенату поторопить губернатора с экипировкой отряда. В указе же от 7 августа Гагарину напомнил о своем ему повелении (при отъезде из Петербурга): лично «к нему (Бухольцу. – Т. М.) съездить». В случае срыва экспедиции «пригрозил»: «взыщется все на вас» [4, с. 46].

Если корреспонденция от Бухольца до царя доходила лишь частично, то распоряжения самого Гагарина с далеко идущими целями компрометации подполковника каким-то образом его достигали в самое неподходящее время. Так, уже указом от 25 сентября 1715 г. Сенат (по доношению Гагарина) затребовал от Бухольца отчет о материальных и финансовых затратах на экипировку отряда. Адресат получил указ на Ямыше в январе 1716 г. и в условиях последовавшей затем трехмесячной осады, разумеется, не мог его выполнить.

Приступил Бухольц к отчету только в Омске. Но, как выясняется, указ об отчете, по сути, адресован был самому Гагарину. Его люди (комиссары) распоряжались и экипировкой отряда, и выданными им денежными суммами [4, с. 49]. В августе 1716 г. Бухольц «с нарочным курьером» отправил свой отчет в Тобольск к губернатору, однако тот «оного (в Сенат. – Т. М.) ...отправить не изволил и прислал назад ко мне в полки на устье Оми-реки». В октябре 1716 г. (через год по получении указа) Бухольц отправил свой отчет в Сенат «почтой» с подробным изложением обстоятельств дела [4, с. 50].

Бухольц покинул Омск 22 декабря 1716 г, но его общий отчет Сенату об экспедиции состоялся только 22 января 1719 г. Подполковнику удалось оправдаться, чему способствовала информация, собранная майором Лихаревым [5, с. 56; 6, с. 105].

Тотальный саботаж царского указа о Яркендском походе нашел отражение еще в одной грандиозной провокации гагаринской администрации, вызвавшей «восстание» на Ишиме. Жертвами ее стали обитатели Орлова городища, Коркиной и Абацкой слобод. Приишимье было тем районом, куда в период правления Гагарина тайно перемещалось население из упоминавшихся «пограничных провинций». Значительная часть новоприходцев не учитывалась податными документами, и сборы с них шли в карманы администрации. В некоторых слободах больше половины крестьян Гагарин за взятки зачислил на службу в драгунские команды без жалованья, но освободив от податей. В со-

⁶ Опубликованный в свое время наказ губернатора В. Чередову датирован 1716 г. «...февраля» (без указания даты). – См.: Памятники сибирской истории XVIII в. СПб., 1885. Кн. 2. С. 85–87.

вокупности в трех слободах насчитывалось 2037 чел., из них крестьян 695 (34 %. Подсчет наш. – Т. М.) [1, с. 7; 2, с. 15].

События на Ишиме начались в слободе Орлово городище в феврале 1714 г., еще до царского указа о походе⁷. Поводом к ним послужило распоряжение губернатора о сборе провианта для шведских пленнх. Бухольц, согласно воле царя, мог взять в отряд часть шведских офицеров. Вероятно, это и было использовано провокаторами как повод для возбуждения недовольства крестьян. Полагая сбор незаконным, они свое негодование обратили на приказчика Семена Немтинова, который незадолго до этого уже взыскал с них 661 руб. Далее последовали бегство Немтинова, реквизиция денег, арест его семьи и т. п. Примечательно, что во главе возмущенных крестьян оказался посторонний для их общества пришлый человек – грамотный портной Иван Тупиков, с характерным прозвищем Заматоха [2, с. 27].

Удивительнее всего то, что тобольские власти не могли подавить протест в течение 9 мес., несмотря на посылку военных отрядов и наличие в слободах, как уже сказано, драгунских команд, по численности превосходивших количество крестьян. Бунтовщики захватили оружие и даже пушку (ее не использовали); в критические моменты рассылали письма, собирая вооруженных жителей всей округи (до тысячи чел.). Назначение нового приказчика не остановило волнений, крестьяне отказывались от уплаты налогов, периодически подавали челобитные митрополиту, жалуясь на бесчинства усмирительных отрядов и их командиров. Арест зачинщиков состоялся в ноябре 1714 г. (к сожалению, число не указано. – Т. М.), по-видимому, почти одновременно с появлением 13 ноября Бухольца в Тобольске. Заматоха обвинил Немчинова в незаконных операциях с «мяжкой рухлядью» и был отослан для допросов в Сенат. Но в столицу самовольно отправились и челобитчики от слобод. Там они были арестованы, а для расследования дела о бунте послан стольник М. Ртищев. Появился он в Тобольске только в январе 1717 г. и вел расследование до 28 января 1718 г. [2, с. 29]. Очевидно, что дело было «закончено» (крестьяне отказались от своих претензий к Немчинову)⁸, когда выяснилось, что Гагарин более в Сибирь не вернется.

Ситуация крестьянского «восстания» должна была оправдать в глазах правительства задержку и формирование отряда, и снабжения его провиантом. Ишим был ближайшим из возможных источников снабжения продуктами оставшихся зимовать на Ямыше людей.

Масштабы протеста крестьян, вне сомнения, были намеренно преувеличены. Обе стороны – крес-

тьяне в подаваемых жалобах, а командиры в доношениях – старались как можно выразительнее обвинить друг друга в противоправных действиях. Общая картина «бунта» выглядела достаточно убедительно, что и было наруку администрации Тобольска. Вовремя заявленное Заматохой «слово и дело» снимало с нее обвинение с затягиванием следствия. Ситуация на Ишиме, рассматриваемая вне контекста политических событий общероссийского масштаба, подавалась в историографии как образец локального, но «типичного антифеодального движения» крестьян: «оно свидетельствовало о том, что крепостничество... проникло в самые отдаленные районы страны и распространилось не только на частновладельческих, но и на государственных крестьян» [2, с. 31].

Накопленные за прошедшее полвека факты и новейшие теоретико-методологические принципы их осмысления не дают оснований принять столь прямолинейную трактовку как данных, так и многих других событий, маркируемых в качестве форм «антифеодальной» борьбы крестьянства». Крестьяне использовали все возможности для отстаивания своих классово-социальных интересов, но только в тех границах, которые предоставляла им политическая борьба в правящих верхах. Так было в истории и Европы, и Азии.

Преследуя свои цели, Гагарин, судя по описанию Страленберга, в отличие от своих воевод, вел «пиар-кампанию» среди «подлого народа» по-иезуитски хитро. Жалующимся на тяжесть поборов (его же поделниками) сочувствовал, но ссылаясь на указы государя, «которые переменить ему невозможно», и якобы он «о том его величеству многожды доносил, но сам чрез то в великую немилость пришел». «При некоторых жителях» (раскольниках. – Т. М.) принимался «сожалеть о пременениях в вере и говаривал, что такое ныне [время], в которое церковь великое гонение претерпевает». При этом «обнадеживал лучшими временами», «притворялся благочестивым», сняв парик, «ходил повседневно в церковь и жестоко постился». Благодаря такому поведению, в простонародной среде он воспринимался как «снисходительной, милосердной и общаго благополучия желающий человек» [3, с. 142, 143].

Совершенно очевидно, что к переселениям в Сибирь призывались прежде всего раскольники, вследствие чего Ишим позже считался одним из районов, где население в значительной части было представлено староверами. Они имели свою организацию во главе с инициативными лидерами, которые добивались автономии от официальной церкви как легальными, так и нелегальными способами [12, с. 31–45; 13, с. 17–20].

Острые политические противостояния в верхах, отражением которых служили следствия, судебные процессы и казни в петровское, а затем и аннинское время, свидетельствовали о том, что страна по-прежнему находилась в состоянии гражданской войны, или, по терминологии XVII в., «смуты». Крестьянин, как видно на примере Ишима, поддерживал ту власть, которая в качестве «залога» обещала перемену «к лучшему». Вопрос о законности ее действий ни для крес-

⁷ Указ издан 22 мая 1714 г. по обстоятельства похода Петр, конечно, обсуждал с князем до указа.

⁸ Активные участники наказаны кнутом и батогами. Дело И. Лузина и Заматохи закончилось (1728 г.) кнутом и ссылкой, соответственно – в Березов и в Нерчинские заводы. Заматоха с дороги бежал, жил по подложному паспорту, в 1734 г. в Томске задержан, отправлен в Москву и в 1735 г. казнен на Болотной площади [2, с. 37].

тян, ни для драгун, набираемых из их состава, не представлял интереса.

Чувство гражданственности, стремление к укреплению российской государственности были совершенно чужды сознанию низов. Крепостничества в том виде, как оно существовало в помещичьем центре, в Сибири еще не было. Но своим анархическим поведением, желанием сиюминутной выгоды масса, не осознавая того, готовила для себя в перспективе судьбу крепостных земледельцев. Спас их от нее «российский абсолютизм» в лице Петра Великого и его ближайших преемников, которые строили общество в соответствии с социальной природой государственности, характерной для перехода от феодализма к капитализму [14, с. 40–56].

ЛИТЕРАТУРА

1. Мамсик Т.С. Верхний Иртыш и Среднее Приобье в свете политических конфликтов Петровской эпохи // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 3, вып. 2.
2. Голикова Н.Б. Восстание крестьян ишимских слобод // Ишим далекий и близкий. Ишим: НГПИ им. П.П. Ершова, 1997. (Переиздание статьи 1963 г.: Голикова Н.Б. Восстание крестьян ишимских слобод в 1714 году (Из истории классовой борьбы сибирских крестьян) // Вестник МГУ. 1963. Сер. IX. Вып. 3).
3. Записки капитана Иоганна Фридриха Страленберга по истории и географии Российской империи Петра Великого. Северная и восточная часть Европы и Азии. М.; Л. 1985. Ч. 1.

4. Из истории Омска (1716-1917): очерки, документы, материалы // сост. Е.Н. Евсеев, М.А. Плетнева, О.К. Сосненко. Омск, 1967.
5. Евсеев Е.Н. Экспедиция И.Д. Бухолца и основание Омской крепости // Города Сибири. Новосибирск, 1974.
6. Акишин М.О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII в.: структура и состав государственного аппарата. Новосибирск, 2003.
7. Акишин М.О. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск, 1996.
8. Историко-географические описания Верхнего Приобья и Прииртышья 1730–1740-х годов (по анкетам В.Н. Татищева): сб. док. / сост. В.Б. Бородаев, А.В. Контев. СПб., 2010.
9. Зиннер Э.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. Иркутск, 1968.
10. Словоцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Новосибирск, 1995.
11. Андриевич В.К. История Сибири. Ч. II. / сост. по данным ПСЗ и актов Петровского времени. СПб., 1889.
12. Мамсик Т.С. Староверы Каргополовы и их окружение. Из истории ишимского старообрядчества // Коркина слобода. Краеведческий альманах. Ишим, 2005. Вып. 7.
13. Курилов В.Н., Мамсик Т.С. Ишимские старообрядцы в официальной статистике 1840-х гг. // Коркина слобода. Краеведческий альманах. Ишим, 2010. Вып. 11.
14. Роль государства в освоении Сибири и Верхнего Прииртышья в XVII–XX вв. Новосибирск, 2009.

Статья поступила
в редакцию 17.12.2012

УДК 94(47)

И.П. КАМЕНЕЦКИЙ

СЕКРЕТНАЯ МИССИЯ КУПЦА А. ВЕРХОТУРОВА: К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ РУССКОЙ РАЗВЕДКИ В ДЖУНГАРИИ В СЕРЕДИНЕ XVIII в.

канд. ист. наук
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: kameneckiiwan@mail.ru

В статье показано участие сибирских купцов в ведении разведки в Джунгарии. Благодаря деятельности А. Верхотурова и других тайных агентов русские власти получали необходимые сведения о внутреннем и внешнем положении кочевой империи, позволявшие России обеспечивать безопасность своих рубежей и укреплять имперское присутствие во Внутренней Азии.

Ключевые слова: Россия, Джунгария, «зенгорские обращения», русская разведка, сибирские купцы, А. Верхотуров.

Смерть джунгарского правителя Галдан-Цэрена в 1745 г. породила острую борьбу ойратских правителей за ханский престол и привела к обострению отношений с Россией. Новый правитель Цэван-Дорджи, пытаясь укрепить свое непрочное положение среди многих претендентов на власть, занял враждебную позицию по отношению к российским властям. Она проявилась в новых территориальных претензи-

ях к России, сборе ясака с неподвластных джунгарам народам, угрозе Кольвано-Воскресенским заводам, перешедшим вскоре в собственность ее и.в., разрыве посольских и торговых связей с Россией и других недружественных акциях.

Весной и летом 1744 г. из Джунгарии в Сибирь стали поступать сведения о подготовке ойратами нападения на линейные крепости и Кольвано-Воскре-

сенские заводы, а также о военной угрозе самому ханству со стороны Китая, сосредоточившего большое количество войск на востоке страны [1, с. 114–115]. В этих условиях правительство России вынуждено было принять ряд превентивных мер по укреплению своих рубежей в Южной Сибири. Важнейшими из них стали перевод на Сибирские линии двух пехотных и трех кавалерийских полков и возведение на границе новых укрепленных пунктов.

Помимо указанных мер Военная коллегия и Коллегия иностранных дел (КИД) потребовали от сибирской администрации осуществлять постоянный контроль за «зенгорскими обращениями», сообщать в Петербург о всех изменениях во внутренней жизни и внешней политике беспокойного восточного соседа. 21 сентября 1744 г. в Сибирскую канцелярию был направлен секретный указ Сената и КИД о необходимости расширения агентурной разведывательной сети и направления в «зенгорские владения не только шпионов, но и от командующих надежных людей под протектвом каких пограничных нужд посылать»¹.

Новый указ от 29 сентября этого же года, исходящий от КИД, конкретизируя поставленную задачу, предписывал: «для наилучшего о неприятельских намерениях и действиях известия к зенгорским калмыкам получать под образом купечества достойных и верных людей и с ними посылать казенных товаров в год не более как до тысячи рублей на мену и продажу и при том о намерениях их разведать весьма скрытным образом»².

Помимо внешних сношений и намерений контайши в отношении России и других государств КИД интересовало внутреннее положение страны: состояние вооруженных сил, наличие военных заводов, месторождений руд и другие вопросы, характеризующие военно-стратегический потенциал Джунгарии, от которого зависела безопасность империи на южносибирском фронте. Особое внимание в указе обращалось на выявление в «зенгорской земле» русских военнопленных, купцов, мастеровых и других «верноподданных», причин их нахождения и возможности возвращения на родину.

Указ содержал также подробную инструкцию о мерах по сохранению конфиденциальности при сборе необходимой информации. Разведчики должны были выступать за пределами России в качестве частных лиц, в роли купцов «со своими товарами», «нигде не упоминать Ее Императорского Величества ни губернаторского имени», чтобы не вызывать к себе подозрения, в качестве вознаграждения информаторам рекомендовалось «чинить только малые подарки». Сибирской канцелярии предписывалось вербовать в разведчики проверенных, благонадежных лиц, согласовывать их кандидатуры с руководством военных линий, которое,

в свою очередь, было призвано оказывать секретным агентам «всяческое вспоможение»³.

Исходя из этих указаний, Тобольск предпринял необходимые шаги по укреплению агентурной сети в Джунгарии с целью ведения в ней постоянной оперативной разведки. Чиновниками канцелярии было представлено несколько кандидатур из купцов, ведущих там постоянную торговлю. Среди них были томский и соликамский купцы Алексей Верхотуров и Степан Колмогоров, тарские жители Герасим Зенков и бухарец Алим Шихов. Выбор указанных лиц был не случайным. Все они знали «калмыцкий» язык и местные обычаи, завели знакомства среди ойратских должностных лиц и русских купцов, находившихся в Джунгарии.

Среди них заметно выделялась фигура А. Верхотурова, имевшего уже опыт агентурной деятельности. Во время пребывания в «зенгорской земле» с 1739 по 1745 г. он проявил себя как ценный информатор русских посланников, находившихся там с разными миссиями [2, с. 66–67]. Так, 3 декабря 1745 г. он сообщил поручику Облязову сведения о нахождении в «калмацкой земле» большого количества русских пленников и беглых людей, значительная часть которых содержалась в г. Аксе; их выдачи постоянно добивалось русское правительство. Купец показал, что в период посольства майора Л. Угримова, сумевшего вывести в Россию большую партию военнопленных, значительная часть оставшихся была «выгнана» в урочище Камень Тарбагатая и тем самым укрыта от взора русских официальных лиц [3, с. 58].

Верхотуров также известил русскую администрацию об имеющейся в «зенгорской земле» значительной группе русских купцов (33 чел.), длительное время проживавших там «своими домами» и не стремившихся вернуться в Россию. При возвращении из Джунгарии купец сообщил русским пограничным властям в Убинской заставе о преждевременной смерти джунгарского правителя и наследовании престола его младшим сыном, враждебно настроенным к России⁴.

Его кандидатуру в качестве «непатентованного» разведчика поддержали чиновники Тобольской канцелярии: коллежский асессор С. Бобрищев, канцеляристы П. Комаров, И. Свизев, а также посадский Т. Битков и томский сын боярский В. Панов, давшие ему «одобрение за руками». Все они указали, что Верхотуров – «во всем человек доброго состояния, не подозрителен и не пьяница, и в порученных делах ему верить можно» и «о тамошних обращениях он довольно сведом»⁵. Очевидно, такие же доверительные характеристики получили указанные выше купцы, которые также были рекомендованы для ведения разведки в Джунгарии.

После согласования их кандидатур с командующим Сибирских линий генерал-майором Х.Х. Киндер-

¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1607. Л. 336. По словам Моисеева, «благодаря хорошо налаженной агентуре и сведениям, доставляемым перебежчиками, в Пекине были неплохо осведомлены о перепитиях междоусобной войны в Джунгарии» [1, с. 59–60].

² Там же. Л. 336.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 179 об., 334.

⁵ Там же. Л. 339 об., 448 об.

маном и получения необходимых инструкций Верхотуров и другие тайные посланники стали готовиться к выполнению возложенных на них миссий. В частности, Верхотуров получил от канцелярии «для мены и продажи и для подарков» казенных товаров на 500 руб. Помимо этого ему было выдано из тобольской рендерии на «окладные и путевые расходы» товаров на 600 руб. и для покупки «мелочных» товаров 81 р. 43 к., а также подорожные прогонные деньги – 55 р. 81 к. Таким образом, всего было выделено на разведывательные цели 1 237 р. 24 к., и эта сумма была даже выше предписанной, но не являлась безвозвратной. Уже в начале 1749 г. вместе с первым донесением о «зенгорских делах» Верхотуров выслал из Джунгарии с сержантом Е. Филимоновым в Тобольск 1 080 серебряных руней и вексель на 70 руб., вымененные им на казенные товары⁶.

В помощь ему был назначен опытный переводчик калмыцкого языка Ф. Девятиеровский, который также не раз бывал в Джунгарии и выполнял подобные поручения. Известно, что в августе 1732 г. им было послано из Урги донесение в Тобольск, где сообщалось о концентрации на юго-восточной границе Джунгарии в урочище Модан-Цаган-куль китайской армии из 100 тыс. чел. и строительстве там «немалой» крепости [4, с. 243].

После получения ордера и письма к джунгарскому владельцу от командующего линией в сопровождении небольшого конвоя и наемных работников 19 августа 1748 г. Верхотуров с Девятиеровским отправились в путь и через полтора месяца достигли Урги – главной ставки контайши

В Джунгарии купцы-разведчики находились в течение двух лет. Длительное пребывание там Верхотуров объяснял тем, что его долго не выпускали в Россию местные власти, а его обращение к контайше было оставлено без внимания. Но «задержание» Верхотурова у «зенгорцев», очевидно, было связано и с тем, что в их городах находилось немало его должников, с которых, по его словам, он безуспешно пытался взыскать долги.

В своем рапорте, представленном в губернскую канцелярию, Верхотуров подробно изложил полученные им сведения о различных сторонах жизни Джунгарии с указанием источников получения информации, а также включил собственные наблюдения. Его агентами-осведомителями были томский купец татарин Тропан Пьянков, беглый мастеровой Колыванского завода Иван Михайлов, военнопленный Семен Трошкин, купец Стефан Малков, сибирские бухарцы и другие лица⁷. Очевидно, исходя из интересов собственной безопасности и достоверности информации, а также, возможно, и меркантильных соображений, Верхотуров предпочитал пользоваться больше данными своих соотечественников, чем ойратов, особенно тогда, когда речь шла о сведениях военного характера.

В начале своего донесения купец-разведчик общал о рисках и трудностях, с которыми он и его помощник столкнулись в Джунгарии. Посланный им в Кашгар для сбора сведений под видом торговли Девятиеровский подвергся нападению, был ограблен и ранен в голову. И хотя грабители были схвачены и приведены в Ургу, тяжба с ними в суде (зарге) оказалась длительной и безрезультатной⁸.

Значительное место в его отчете заняли сведения о функционировании военных заводов и разработке месторождений цветных и драгоценных металлов, которые всегда интересовали русские власти. Данные о них Верхотуров получил от указанного выше мастерового И. Михайлова, работавшего на одном из заводов. Последний сообщил ему об упадке оружейного производства, созданного еще искусным шведом Ренатом, на оз. Тескел. По свидетельству Михайлова, после освобождения и отъезда знаменитого мастера на родину производство «больших пушек» было возложено на него и Е. Вяземского, имевшего характерное прозвище Билдяга. Однако они, будучи лояльно настроенными к России, при контрольной стрельбе из пушек «заправу делали нарочно от казны с вершок», отчего «бросало эту пушку сажени на три», что делало их непригодными для использования в военных целях. В связи с этим литье больших орудий было прекращено, а их мастера задействованы в другом производстве – добыче меди и серебра.

Михайлов также указал на богатство местных рудных месторождений, особенно меди, которой, по его словам, столько, что «ежели сделать четыре печки, то де со всей России столько не выплавят», а также об имеющихся в Джунгарии серебряных рудниках «во многих местах», плавильных заводах на р. Или и в Яркенде и находках самородного золота. Но вследствие низкой эффективности работы добывающих предприятий, их «малой прибыли» производство серебра было остановлено, а его мастера оказались не у дел⁹.

Эти, уже известные в Тобольске сведения, подтверждали и уточняли донесения прежних русских информаторов. Еще до поездки Верхотурова бухарец Айтбачи Бахмуратов сообщил в Сибирскую канцелярию об упадке местного промышленного производства. По его словам, «заводы медные и серебряные, которые де были при ГалданЧирине ныне де брошены ибо де прибыли нет, а труда весьма много было». Он же сообщил о введении ограничений цинского правительства в торговле с Джунгарией с целью ее ослабления и подготовке Китая к «большой» войне [5, с. 103]¹⁰.

Согласно донесению другого купца-разведчика – С. Колмогорова, действующего самостоятельно в Джунгарии в этот период, одной из причин упадка

⁸ Там же. Л. 446–446 об. Этот эпизод может свидетельствовать как о широких торговых связях Верхотурова в Джунгарии, так и правовом положении русских купцов за границей, интересы которых не всегда защищали местные власти.

⁹ Там же. Л. 451–451 об.

¹⁰ Там же. Л. 174. «За разведывание и показание об обращении зенгорского владельца Галдан Черена» ему было выдано по указанию КИД в Сибирской канцелярии 30 руб.

⁶ Там же. Л. 448–448 об.

⁷ Там же. Л. 446–446 об.

литейного дела было отсутствие опытных мастеров, способных «разделить» серебро из медных руд. Эту задачу пытался осуществить русский мастер оружейник Билдяга, личность которого давно интересовала русские власти. По словам Колмогорова, Ефим Вяземской (Билдяга) был посадским г. Хлынова, оказался у ойратов при неизвестных обстоятельствах, «как в Зенгорию заехал он не ведает». После отъезда Рената он занял видное положение в Джунгарии, «производил серебряные и железные заводы», за что получал «большое жалование и великое почтение». На руководимые им заводы по указанию контайши поставлялось 2 тыс. людей из всех крупных городов – Яркенда, Аксу, Кашгара, Хостага и 3 тыс. быков для подвоза руды. Но выплавленное серебро оказалось «негодным», оно содержало много меди, отделить которую не позволяло низкое мастерство работников. Чтобы решить эту задачу, Билдяга пытался через калмыка Сундука подговорить бежать «для вспоможения» ему опытных плавильных мастеров с Кольванского завода, обещая им щедрое вознаграждение со стороны джунгарских властей. Но попытка вербовки и бегства русских мастеровых в Джунгарию не состоялась. О намерении бежать к контайше стало известно заводским властям, которые произвели аресты 11 чел., предотвратив тем самым их «тайный умысел». Отсутствие специалистов по выплавке качественного серебра привело к свертыванию производства, краху карьеры Билдяги и его помощников. По свидетельству Колмогорова, «с того времени ему Билдяге не только почтение, но и жалование давано не было, отчего они... с товарищем Иваном Михайловым Мальцовым и Андреем Ивановым шатаются между дворами и платье снимают»¹¹.

Таким образом, благодаря полученной информации русских разведчиков были подтверждены сведения о богатстве рудных месторождений во владениях контайши и опыте их разработок с помощью иностранных специалистов. Несмотря на неудачный исход экспедиции Бухгольца, правительство России, стремившееся расширить свою промышленную базу на юге Западной Сибири за счет ввода новых месторождений, проявляло к ним неослабевающий интерес.

В отчете Верхотурова были освещены и события внутривластной жизни, свидетелем которых он непосредственно являлся. Разведчик сообщил о возникшей нестабильности в Джунгарии, вызванной борьбой за власть между сторонниками и противниками нового правителя. По его словам, в мае 1750 г. оппозиционно настроенный зайсан Олдза оказал активное сопротивление при попытке его ареста, «в затылок стрелу всадил» стороннику контайши зайсану Контонгошу. Вместе с другими недовольными зайсанами ими было организовано свержение Цевана-Дорджи, который был сослан в Аксу, где его ослепили¹².

На продолжение междоусобных распрей в Джунгарии указал и другой агент русской разведки – Г. Зен-

ков. Он сообщил о кровопролитном сражении между правителем Ламой Дорджи и претендентами на ханский престол Амурсаны и Даваца. Заложниками и невольными жертвами неудавшегося мятежа стали русские послы и торговцы: часть их была арестована, часть убита, товары разграблены [1, с. 134].

Свидетельством ослабления Джунгарии в этот период стали участвовавшие набеги киргиз-кайсаков вглубь зенгорских владений. В донесении Верхотурова имеются сведения об осаде Кашгара казахами в феврале 1749 г., которые «полонили» под городом «немалое число» жен и детей. Лишь благодаря военной помощи Цевана-Дорджи осада была снята, «киргиз всех прибили полон кашгарский отбили». Но в этом же месяце киргизам удалось захватить и угнать в плен 100 чел. и тысячу лошадей под г. Аксу¹³.

Его рапорт содержит также данные о военно-мобилизационных возможностях джунгарского общества, количестве в городах «плательщиков» и «неплательщиков», способных пополнить ойратскую армию. Так, согласно его сведениям, «в Эркене плательщиков алманных людей с 32 тыс., а неплательщиков и больше того, которые живут за главным хаджой и беками», в Аксу (Аваксе) и Кашгаре проживает соответственно 24 и 28 тыс., а неплательщиков, «как и в Эркене»¹⁴.

Верхотуров не обошел вниманием и частную жизнь джунгарских правителей, семейные нравы при дворе контайши. «Когда владелец стал посылать в ссылку сестру свою Улан Баир в Аксу, его две жены пытались заступиться за нее... то владелец на жен своих разгневался и отдал их придворным», при этом одна из них была выдана замуж за чашника, сестра – за кзылбашского хана¹⁵.

Разведывательная деятельность Верхотурова и других русских купцов не ограничивалась лишь джунгарскими делами. 21 сентября 1749 г. он узнал от прибывшего в Ургу посла Большой Бухары о смерти их хана и занятии престола младшим сыном. Это обстоятельство вызвало недовольство его старшего брата, претендовавшего на место правителя. Последний через посланника обратился к джунгарскому владельцу с просьбой оказать ему военную помощь в борьбе за ханство. Но направленный владетелем отряд во главе с зайсаном Найрджи Чирик не сумел войти в Ташкент и возвести на престол ставленника контайши. Жители заперли город и обратились к калмыкам: «Мы драться не хотим, а бека вашего к себе не примем, у нас десть свой бек». Чтобы снять осаду, ташкентцы использовали необычный, но, очевидно, испытанный прием. По свидетельству бухарского посла, они «привязали в воду воспенного человека и оттого калмыцкой силе великий урон был». Не достигнув поставленной цели, джунгары в отместку «разбили» ташкентский караван, который шел из Оренбурга, и вернулись обратно¹⁶.

¹³ Там же. Л. 449 об.–452 об.

¹⁴ Там же. Л. 450 об.–451.

¹⁵ Там же. Л. 451.

¹⁶ Там же. Л. 450–450 об.

¹¹ Там же. Л. 346, 376–377.

¹² Там же. Л. 453–454.

Другие известия «о ташкентских обращениях» Верхотуров получил через купца С. Малкова, находившегося там с торговлей. Купец информировал разведчика о том, что, по показаниям русского пленного казака в Ташкенте, там находится «с 300 российских пленными», захваченных «в степи» и проданных в рабство. Но переписать их не смог, так как «не учен грамоте». Он же сообщил Верхотурову, что в августе 1750 г. ташкентский правитель Парванаяк был осажден в находившейся в городе «крепостце» казаками. Но, сделав вылазку, люди Парванаяка прорвали блокаду и с помощью местного населения сумели разгромить их¹⁷.

В целом разведывательная деятельность А. Верхотурова и других российских агентов, находившихся в Джунгарии незадолго до ее гибели, в отличие от китайских лазутчиков, не носила подрывного диверсионного характера. Ее целью был сбор сведений о соседнем, некогда могущественном государстве, занимавшем важное геополитическое положение в Центрально-Азиатском регионе, которое, несмотря на соперничество с Россией в Южной Сибири и отдельные враждебные акции, продолжительное время являлось ее важным

стратегическим партнером и буфером в отношении с Китаем. Регулярно получаемая информация о состоянии дел в Джунгарии и сопредельных с ней государствах позволяла Российской империи оказывать влияние на международные отношения, складывающиеся в Центральной Азии, отстаивать свои интересы и отвечать на возникающие угрозы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Моисеев В.И.* Россия и Джунгарское ханство в XVIII веке (очерк внешнеполитических отношений). Барнаул, 1998.
2. *Потанин Г.Н.* О караванной торговле с Джунгарской Бухарией в XVIII столетии // Чтения Общества истории древностей российских. М., 1868. Кн. 2.
3. *Каменецкий И.П.* Джунгарский пленник Иван Сорокин: из жизни сибирского дворянина // Из кузнецкой старины. Новокузнецк, 2012. Вып. 3.
4. *Златкин И.Я.* История Джунгарского ханства. 1635–1758. М., 1983.
5. *Гуревич Б.П.* Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX в. М., 1979.

*Статья поступила
в редакцию 31.01.2013*

УДК: 94(47).073

Е.В. КОМЛЕВА

СОВРЕМЕННОКИ О НАЧАЛЕ ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННОСТИ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ (1830-е гг.)

канд. ист. наук
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: feodal@history.nsc.ru

В статье на основе «Наблюдений за общим ходом частной золотопромышленности по Восточной Сибири» неизвестного автора, датированных 1837 г., рассматривается начальный период развития золотодобычи в Восточной Сибири. Анализируются взгляды современников на проблемы, которые новая отрасль ставила перед регионом.

Ключевые слова: Восточная Сибирь, золотопромышленность, экономика, злоупотребления, моральные устои, ссыльнопоселенцы.

Обнаружение золота стало во многом переломным моментом в истории Сибири, так или иначе отразившимся на жизни большинства местного населения. Сами современники на начавшуюся золотодобычу смотрели по-разному: наряду с признанием потенциальной пользы новой отрасли промышленности для развития экономики региона известны и многочисленные негативные отзывы. Ведь именно в годы наибольшего подъема золотодобычи практически среди всех слоев общества, начиная от приисковых рабочих и заканчивая его верхами, расцвели такие пороки, как

пьянство и распущенность, а золото, в конечном счете, не принесло Сибири «ни процветания, ни благополучия» [1, с. 78].

К освещению золотой лихорадки обращались в своих публикациях непосредственные очевидцы событий: М.М. Карпинский [2], С.Ф. Соловьев [3], В.Д. Скарятин [4], М.Ф. Кривошапкин [5], Н.В. Латкин [6], И.С. Боголюбский [7], А.И. Баркова [8], А. Уманский [9], В.И. Семевский [10], А.И. Кытманов [11]. Одна из наиболее ранних работ, посвященных начальному периоду золотопромышленности, – это находящиеся в фонде Кузнецовской золотопромышленной компании Государственного архива Красноярского

¹⁷ Л. 454–454 об.

края «Наблюдения за общим ходом частной золотопромышленности по Восточной Сибири» неизвестного автора, относящиеся к 1837 г. (ГАКК. Ф. 140. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–29. В дальнейшем ссылки на эту работу даются в тексте статьи с указанием в скобках листов). В этом интересном документе подробно изложена фактическая сторона развернувшейся золотодобычи, приводятся примеры ее воздействия на экономику и население региона, предлагаются меры по преодолению негативных явлений. Автор «Наблюдений...», безусловно, был хорошо информированным человеком, близким к кругам золотопромышленников, – документ изобилует многими конкретными деталями и статистическими сведениями. О непосредственных контактах автора с золотопромышленниками свидетельствует и то обстоятельство, что его сочинение попало к Кузнецовым – крупным красноярским купцам, занимавшимся разработкой золотых приисков. В целом этот труд можно назвать ярким примером публицистики первой половины XIX в., стремящейся отреагировать на злободневные вопросы сибиряков. Возможно, данная работа была предназначена для последующей публикации в одном из столичных журналов, поскольку в то время интерес к сибирской проблематике был очень высок.

Автор «Наблюдений...» прекрасно осознавал главные «сибирские» проблемы: малонаселенность региона, неразвитость промышленности и путей сообщения, наличие большого числа ссыльнопоселенцев и каторжников, что превращало Сибирь в «край, наполненный долговременным извержением пороков целого государства» (л. 20). Дело усугублялось плохой осведомленностью и неповоротливостью местных властей. Актуально и сегодня звучат слова о 1830-х гг.: «Теперешние сибирские начальства вообще слишком отстали от настоящего, слишком озабочены своими отчетами, прежними и ежедневно накапливающимися делами, чтоб иметь время на действительное управление краем...» (л. 22).

Что касается ссыльных, то в рассматриваемом документе приводятся следующие сведения об их численности: в 1837 г. в Тобольской губернии с Омской областью насчитывалось до 16 тыс. чел., в Томской – до 32 тыс., в Енисейской – до 31 тыс., в Иркутской – до 21 тыс. ссыльнопоселенцев. С 1823 по 1827 г., согласно данным Управления Сибирских Губерний, в Сибирь прибыло до 100 тыс. чел. На казенные поселения, устраиваемые с 1829 г. в Енисейской губернии, до 1837 г. было отправлено более 15 тыс. чел. (л. 17–19). Известный исследователь сибирской золотопромышленности С.Ф. Хроленок пишет, что, по официальным данным, в 1819–1859 гг. в Сибирь ежегодно поступало от 6,6 до 7,8 тыс. ссыльных [12, с. 46]. Однако в «Наблюдениях...» отмечается, что данные официальной статистики зачастую расходились с реальностью – особенно это относилось к фиксированию побегов ссыльных, которых, по «официальным видам», насчитывалось совсем немного, «между тем, свободное бродячество большей части поселенцев по Сибири, самовольные их переходы из места в место, перемены

имен и другие, всем известные их извороты заставляяют полагать, что отчитывающиеся начальства заблуждаются в отношении своих сведений о ссыльных» (л. 17 об.). Автор добавляет, что «в Сибири нет казенного завода, из которого ежегодно не бежало и не укрылось бы навсегда, по крайней мере, до пятидесяти каторжных, которые, выведя с себя стемпелевые знаки и переменяя имена, свободно [могли] переходить в поселенцы» (л. 19).

Новая перспективная отрасль добывающей промышленности могла бы принести большую пользу для нейтрализации кризисных явлений и стать мощным стимулом для дальнейшего социально-экономического развития региона: «открытие золотых россыпей на обширном протяжении сибирских гор обещает пополнение государственного богатства... Соседство томских промыслов с Ачинским уездом, его собственные прииски, работы, производящиеся в Минусинском крае, надежды на присутствие золота в Енисейском округе, богатые и многочисленные открытия, сделанные в прошлом и настоящем годах в Канском и Нижнеудинском уездах, разольют выгоды, которыми надеждя почти все обитатели Восточной Сибири» (л. 1). Надежда на такие выгоды была связана с тем, что необходимость обеспечения золотых приисков рабочей силой, продуктами питания и товарами первой необходимости послужит стимулом к подъему сельского хозяйства и обрабатывающей промышленности, займет «праздную толпу развратных ссыльнопоселенцев».

Отчасти эти перспективы действительно оправдались: на золотых приисках Сибири в 1846–1860 гг. было занято от 24 до 35 тыс. рабочих, а удельный вес ссыльнопоселенцев в их числе составлял 82 % (1834 г.) [12, с. 41, 46]. Сами золотопромышленные районы стали новым рынком сбыта для местных купцов. Если еще в 1820-х гг. многие красноярские купцы вывозили продукты сельского хозяйства и животноводства для продажи в Иркутскую губернию [13, с. 19], то в 1830–1840-х гг. происходит резкая переориентация их торговли – отныне продукты питания не только перестали вывозиться из Енисейской губернии, но, напротив, производимое в ней не покрывало сполна растущие с каждым годом потребности золотых приисков. В 1832 г. вниз по Ангаре прошло лишь 10 мещанских лодок и 5 судов со свинцом, а в 1840 г. в Енисейск было отправлено уже до 60 судов с хлебом и другим провиантом для золотых приисков [14, с. 319]. Расширившийся рынок вызвал настоящую «революцию цен» [15, с. 254] на продукты сельского хозяйства. Так, с 1837 по 1843 г. цена на хлеб возросла более чем в 3 раза, достигнув высшей точки в 1847 г., на который пришелся пик расцвета золотопромышленности в Енисейской губернии [15, с. 253]. И если до открытия золотых промыслов огромные гурты скота, пасшиеся на равнинах Ачинского и Минусинского округов, не имели никакой цены и перегонялись для продажи в Иркутск, то в 1850-е гг. мясо стало даже ввозиться в Енисейскую губернию, на приисках которой в год потреблялось до 195 тыс. пуд. мяса (20 тыс. голов скота) [16, с. 539].

В годы расцвета золотодобычи сибирский «торговый мир заметно оживляется, появляются с коробками за плечами “офени”, а за ними и крупные коммерсанты» [17, с. 17–18]. Увеличение покупательных возможностей и запросов верхушки местного общества способствовало появлению в сибирских городах по-настоящему дорогих товаров. По словам В.А. Ватина, «золотопромышленность проложила пути в эти отдаленные края... для неведомых дотоле предметов роскоши, ...которые несколько лет тому назад были почти неизвестны или... чрезвычайно редки» [15, с. 254]. В период расцвета ленской золотопромышленности растет сеть магазинной торговли и в Иркутской губернии. В.П. Шахеров приводит свидетельства очевидцев: «Разбогатевшие золотопромышленники строили в городе новые особняки, конторы, магазины, приобретали предметы роскоши, словом, жили на широкую ногу, шумно и разгульно: крупная игра, новый театр, маскарады, балы, вечера, ели и пили много» [14, с. 250–251].

Однако, хотя золотопромышленность и вызвала расширение рынка сбыта промышленных изделий и продуктов сельского хозяйства, что было выгодно для местных производителей, именно в это время происходит угасание старых, традиционных видов промыслов – например, обработки железа в Енисейском округе [18, с. 49]. В тяжелом положении оказались и многие ремесла. Даже земледелие и скотоводство в местах, близких к приискам, резко сократились, поскольку «весь городской люд... обратился к операциям и промыслам, связанным с золотопромышленностью» [19, с. 246–247].

Кроме того, высокая концентрация сырьевых в новой отрасли промышленности, помимо привлечения их к труду, имела и обратную сторону – сформировался далекий от совершенства моральный облик золотостарателей. Вот зарисовка из быта рабочих середины 1830-х гг.: «Азартные картежные и другие игры существуют в чрезвычайной степени на промыслах между рабочими; большая часть из них проводит за ними все свободное время и все ночи. Плуты, пользуясь простотой прочих, вырывают у них все заработанные деньги. Промышленники уже испытали невозможность прекратить эти игры» (л. 25). Не лучшую картину представляло и время роспуска рабочих с приисков – это походило на «общие празднества иступленных, между которыми увлекаются и самые крестьяне. Это время, посвященное разврату, делается тоже сроком преступлений и многих других несчастных случаев» (л. 28–29). По свидетельствам более позднего времени, в Енисейском округе «народ развратился и затем попал почти в кабалу» [5, с. 9]. То же самое происходило и в Минусинском округе: «Сбыт произведений увеличился, как усилилась и порча патриархальных нравов» [15, с. 143]. Выходило, что «капиталами, разливаемыми промышленниками», пользовались «одни лишь винные откупа» (л. 29) – по выражению В.А. Ламина, «приисковые рабочие служили своеобразным передаточным звеном в обороте капиталов между золотодобычей и виноторговлей» [1, с. 90].

Еще одно крайне негативное явление в золотопромышленности было связано с распространением вызванных алчностью и завистью злоупотреблений среди «опьяненных запахом золота» золотопромышленников. К числу таких злоупотреблений относились: несоблюдение правил ведения поисков золота и регистрации открытых залежей, незаконный захват новых площадей через подставных лиц. Под последними понимались те, кто не обладал капиталом, но имел привилегии в пользу других промышленников, – для этого жены, или самые близкие родственники некоторых золотоискателей получали права на ведение поисков золота отдельно от своих мужей и родных. Члены многочисленных золотопромышленных товариществ, делая открытия, имели от своих компаньонов доверенности, по которым можно было регистрировать на них смежные прииски. В результате получалось, что из-за «завистливого соперничества... редко можно встретить, чтоб заявленные речки были разведаны, отмечены и описаны положительно, как следует; мало случалось, чтоб с уведомлениями об открытиях представили знаки с добытого золота, образчики пласта и пород, заключающих россыпь... Но смелые промышленники заявляли прииски, не быв на местах, основывая свои открытия на одних показаниях вожжаков... или других людей, обнимая в одно объявление целые пространства, включая в него такое количество речек, что в показанное время, с употребленными средствами они не успели бы не только разведать заявленные прииски, но даже проскакать названные ими открытия...» (л. 8–8 об.). Число выдаваемых свидетельств на право поиска золота каждый год стремительно возрастало: с 1827 по 1834 г. в Восточной Сибири было выдано всего 29 таких свидетельств, а в 1835–1837 гг. – уже 148. Летом 1837 г. только по Канскому и Нижнеудинскому округам «разъезжало до трехсот розыскных партий» (л. 2). Открытий золота стало до того много, что возникла острая проблема обеспечения приисков рабочей силой и припасами, так что министру финансов пришлось на один год прекратить выдачу новых дозволений на право ведения поисков золота (л. 5).

Все эти злоупотребления вели к тому, что «успехи в золотоискании» стали зависеть больше «от смелых уловок, нежели от употребленных капиталов и трудов» (л. 12). О том, что при добыче золота зачастую нравственность отступала на второй план, говорят и слова другого современника – В.Д. Скарятина, который сам занимался золотопромышленностью в Енисейской губернии. Он, в частности, считал, что «такие золотопромышленники, как Мошаров, Попов, Рязанов, Кузнецов, Федор Соловьев... и многие другие представляют особенный тип, совместивший в себе русскую удаль с английской настойчивостью; недоставало им только немецкой аккуратности! Когда наступит ее время, история расскажет также немало истинно подлых дел и объяснит, на сколько они вредили золотому промыслу и краю» [4, с. 196–197].

Не способствовала законному развитию золотопромышленности и слабая осведомленность централь-

ных властей о положении дел в отдаленных уголках, затерянных среди бескрайней сибирской тайги. Автор указывает, что правлению Алтайского горного округа, в который входили Томский, Ачинский, Минусинский округа, удалось на корню пресечь многие неурядицы в золотопромышленности. В гораздо худшей ситуации оказалось Главное управление Восточной Сибири: «Здесь начальство, несмотря на беспрестанные жалобы и на разные представления о происходящем, ничего не предприняло против изворотливых золотоискателей, предоставило им полную свободу захватывать места и утверждало их владельцами неправильно присвоенных приисков» (л. 7 об.–8).

Негативное влияние золотопромышленности на жизнь сибиряков выражалось и в росте социальной напряженности в регионе. С самого начала массовой разработки золотых приисков стали возникать конфликты между золотопромышленниками и нанимаемыми ими рабочими. Для подавления вспыхивавших то и дело бунтов на прииски посылались казачьи команды «с орудиями артиллерии», действовавшие не всегда успешно. В «Наблюдениях...» сообщается о выступлении рабочих в Томском округе, когда «восставшие по пустым претензиям на своих хозяев» оказали сопротивление присланным для их усмирения казакам (л. 26). В свою очередь золотопромышленники ставили в вину рабочим неявку на работу, побеги и другие проступки. Во второй половине XIX в. золотопромышленники Енисейского округа подали в правительство «Записку о положении рабочего класса на золотых промыслах», в которой они жаловались на злоупотребления со стороны рабочих. Эти злоупотребления заключались в обычае брать при найме на золотые промыслы денежный задаток, в найме больных и увечных с подложным описанием примет, в побегах рабочих с приисков¹. В 1830-х гг. некоторые золотопромышленники подумывали о том, что лучше привозить рабочих для своих приисков из губерний европейской части страны, чем пытаться ладить с трудно управляемыми сибирскими ссыльнопоселенцами. Однако эти проекты были, конечно, едва ли выполнимы – как показывают подсчеты С.Ф. Хроленка, в 1860–1870-х гг. на жителей Центральной России приходилось лишь от 5,6 до 17,5 % в составе рабочих на приисках Енисейской губернии и значительно меньше в более восточных районах Сибири [12, с. 261–264].

Выход из создавшейся кризисной ситуации в восточносибирской золотопромышленности автор «Наблюдений...» видел в четком регламентировании прав и обязанностей золотоискателей: прекращении выдачи привилегий на золотоискание, введении временного запрета на новые поисковые работы, ограничении числа приисков, которыми могла владеть каждая отдельная компания или частное лицо, установлении строгих взысканий для нарушителей правил ведения золотодобычи (л. 16), подчинение ссыльных «надежным средствам управления» (л. 28).

Таким образом, современники не были пассивными зрителями охватившей Сибирь золотой лихорадки. Как видно на примере одного из самых ранних очерков о развитии золотодобычи в регионе – «Наблюдений за общим ходом частной золотопромышленности по Восточной Сибири» неизвестного автора – многие из них хорошо осознавали все выгоды и недостатки, которые открытие золота несло жителям региона, и предлагали свои пути для решения возникавших в связи с этим экономических и социальных проблем. Среди негативных последствий открытия золота современники обращали внимание на упадок традиционных ремесел и промыслов, спаивание населения и порчу нравов, проявление алчности в самой грубой форме, рост социальной напряженности. При этом главная трудность, которую требовалось преодолеть, заключалась в несовершенстве самой человеческой природы: жадности и эгоизме золотопромышленников, нравственной порочности рабочих-ссыльнопоселенцев, склонности быстро перенимать все негативные поведенческие стереотипы сибиряков-старожилов. Выход из создавшейся ситуации виделся в умелом администрировании – издании таких законов, которые не давали бы возможности проявиться низменным свойствам человеческой природы, а, напротив, способствовали бы раскрытию лучших качеств личности. Однако, как показывает исторический опыт, добыча золота всегда действовала разлагающе на вовлеченных в нее людей, – относительно благополучным в этом отношении периодом можно назвать переход золотодобычи под жесткий контроль государства при советской власти. Как свидетельствуют приведенные в статье мнения непосредственных участников событий, понимание необходимости введения строгого централизованного регулирования этой важнейшей отрасли добывающей промышленности появилось уже на начальном этапе ее развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ламин В.А. Золотой след Сибири. Новосибирск, 2002.
2. Карпинский М.М. О золотоносных россыпях // Горный журнал. 1840. Ч. 1, кн. 1. С. 1–40.
3. Соловьев С.Ф. Горный журнал. 1861. Ч. 3, кн. 7–9.
4. Скарятин В.Д. Заметки золотопромышленника. СПб., 1862. Ч. II.
5. Кривошапкин М.Ф. Енисейский округ и его жизнь. СПб., 1865. Т. 1, 2.
6. Латкин Н.В. Очерк Северной и Южной систем золотых промыслов Енисейского округа. СПб., 1869.
7. Боголюбовский И.С. Золото, его запасы и добыча в русской золотоносной формации. СПб., 1877. С. I–XVI.
8. Баркова А.И. Воспоминания о сибирской золотопромышленности // Сибирский сборник. СПб., 1887. С. 168–186.
9. Уманьский А. Золотой город (очерки истории золотопромышленности в Енисейской тайге). СПб., 1888. С. 7–18.
10. Семевский В.И. Рабочие на сибирских золотых промыслах. СПб., 1898. Т. 1, 2.
11. Кытманов А.И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии: машинописный вариант. – Енисейский краеведческий музей.
12. Хроленок С.Ф. Золотопромышленность Сибири (1832–1917): историко-экономический очерк. Иркутск, 1990.

¹ Енисейский городской архив. Ф. 6. Оп. 1. Д. 23. Л. 1–4 об.

15. *Комлева Е.В.* Красноярские купцы на иркутском рынке в первой трети XIX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. Вып. 1. С. 18–24.

16. *Шахеров В.П.* Формирование городской среды Байкальской Сибири в XVIII – первой половине XIX в.: дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 2013.

17. *Ватин В.А.* Город Минусинск: исторический очерк. Минусинск, 1922.

18. *Гагемейстер Ю.А.* Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1854. Ч. I.

19. *Спутник по городу Красноярску.* Красноярск, 1911 (переизд. 1995 г.).

20. *Воробьев В.В.* Города южной части Восточной Сибири (историко-географические очерки XVII – первой половины XIX в.). Иркутск, 1959.

21. *Экономическое состояние городских поселений Сибири.* СПб., 1882.

*Статья поступила
в редакцию 31.01.2013*

УДК 94(47+57).084.3+084.5

А.А. НИКОЛАЕВ

РАЗВИТИЕ МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ БАЗЫ МАСЛОДЕЛИЯ В СИБИРИ В 1920-е гг. В КОНТЕКСТЕ КООПЕРАТИВНОЙ ПОЛИТИКИ*

д-р ист. наук,
Институт истории СО РАН,
Новосибирск
e-mail: agronicol@gmail.com

В статье раскрывается кризисное состояние материально-технической базы сибирского кооперативного маслоделия в 1920-е гг. Доказывается, что модернизация маслоделия на основе государственных кредитов обесценивалась в силу бесхозяйственности в использовании заемных капиталов, нерационального размещения новых маслозаводов, чрезмерного финансового перенапряжения системы молочной кооперации и снижения стимулов крестьянства к сдаче молока на заводы.

Ключевые слова: нэп, кооперативная политика, Сибмаслосоюз, Сибирь, маслоделие.

Вопрос о состоянии и развитии материально-технической базы промышленного маслоделия в Сибири в условиях нэпа до сих пор не являлся предметом специального исследования. А между тем рассмотрение истории маслодельной кооперации – гордости дореволюционной Сибири – с точки зрения ее технической вооруженности позволит пролить свет на ключевой вопрос: в какой степени маслозаводы и их инфраструктура деградировали под воздействием разрушительных войн и насколько эффективной оказалась кооперативная политика периода нэпа по преодолению кризиса?

Не вызывает сомнения, что деградация маслоделия в начале 1920-х гг. являлась прямым следствием разрушения производственной базы, которая в течение 1915–1922 гг. практически не обновлялась. Обветшали производственные постройки. Из-за развернувшихся военных действий прекратился импорт зарубежного оборудования. Вместо отслужившей свой срок металлической посуды стала использоваться деревянная, не отвечающая санитарным требованиям. Для полноценной модернизации материально-технической базы маслодельной промышленности в обескровленной стране

отсутствовали необходимые ресурсы. Острый дефицит строительных материалов, металла, топлива не позволял осуществлять даже текущий ремонт. В отчете отдела заготовок Томского губпродкома за январь – февраль 1921 г. отмечалось, что маслодельные и сыроваренные заводы не обеспечивались в нужном объеме оконным стеклом, кирпичом, гвоздями, известью. Отсутствовали сорта железа, необходимые для изготовления новой молочной посуды и котлов (листовое, луженое, полосовое и котельное), остродефицитным было олово. Полуразрушенные объекты инфраструктуры (льдохранилища, пристани, стационарные приемные пункты, временно приспособленные помещения) сдерживали заготовку льда и приемку масла¹.

Собственные затраты сельскохозяйственной кооперации на приобретение нового оборудования носили символический характер. В конце марта 1923 г. в Новониколаевск из Москвы поступила первая партия принадлежностей молочного хозяйства: 3 маслобойки, 2 маслообработника, 50 ареометров, 175 термометров, 70 комплектов пипеток, 200 шт. полутораведерных ушатов, 100 шт. трехведерных ушатов, 100 молочных весов, а из Владивостока – 5 тыс. комплектов буковой клепки – дощечек бука, из которых составлялись боч-

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-01-00105а.

¹ РГАЭ. Ф. 812. Оп. 1. Д. 123. Л. 27.

ки [1, с. 23]. Остро ощущался дефицит измерительных приборов, что не позволяло своевременно контролировать качество молока, заносимого на маслозаводы. Вне зоны ответственности оставались недобросовестные сдачки. Участники дискуссии, организованной газетой «Советская Сибирь» в ноябре 1923 г. по вопросу выхода из кризиса сибирского маслоделия, отмечали полное отсутствие в артелях приборов контроля, что подталкивало крестьян к «самой злостной фальсификации». Действовавшая в артелях система штрафов, налагаемых при первом и втором случае обмана, не пугала крестьян. Даже угроза исключения из артели без права предъявления имущественных претензий при обнаружении третьего факта сдачи фальсифицированного молока не останавливала сдачников от добавления в него воды или снятия сливок².

Негативный импульс маслопроизводителям посылался со стороны масляного рынка. Государственные заготовители в лице акционерных компаний «Хлебопродукт», «Госмолоко», «Сибторг» и частные предприниматели являлись посредниками, совершенно не заинтересованными в решении технико-технологических проблем молочного хозяйства, повышении культурного и квалификационного уровня работников. Возникающая между ними конкуренция при недостатке предложения продукта подталкивала производителей к увеличению производства низкокачественных сортов масла. Ухудшение его качества, таким образом, закладывалось на всех технологических стадиях, начиная с заноса и кончая транспортировкой и переработкой молока.

В ноябре 1923 г. Наркомат РКИ по согласованию с местными хозяйственными и кооперативными организациями провел плановое обследование маслоделия в Сибири в целях выявления объема заготовок для внутреннего рынка и экспорта. В одном из инспекторских обследований было отмечено, что «почти ни в одном заводе нет достаточной наличности сит и везде загрязненная и ржавая посуда, машины пришли в негодность, особенно сепараторы. Заводы загрязнены, заплесневели, в щели полов попадают молочные отбросы, которые, разлагаясь, издают неприятно-отвратительный запах; молоко сливается в ушаты не процеженное вместе с сором, остатками навоза, мухами и проч. Почти нигде нет ареометров для определения качества молока»³. Если до революции 49 из 85 заводов в Камышенской волости Омской губернии имели лаборатории, то на момент обследования их не было вообще.

Местная металлообрабатывающая промышленность не могла удовлетворить потребности молочного хозяйства в оборудовании и приборах, работая на физически изношенных станках. Только с середины 1920-х гг. в артели стали поставяться маслобойки, маслообработники и посуда отечественного производства с невысокими качественными характе-

ристиками. Уполномоченный представитель Всероссийского союза молочной кооперации (Маслоцентра) Е.О. Тарнопольский, посетивший в июне 1925 г. ряд сибирских предприятий, сделал заключение об ограниченных возможностях отечественных заводов. Курганский «Турбозавод» на изношенном физически оборудовании производил в год всего 150 маслообработников и 208 маслоек. Между тем предприятие в силу близости уральского металла и кузнецкого кокса могло развернуть выпуск разнообразной продукции. Вновь построенный курганский «Лудильный завод» был вполне оборудован для производства молочной посуды и штамповки консервных банок, но выпускал всего 1,5 тыс. фляг в месяц. В Омске производством сепараторов и изготовлением молочной посуды занимался завод «Сепаратор», на котором днища фляг выкраивались вручную. Лучшим оборудованием в Омске располагала частная мастерская Гуревича, производившая в месяц 600 фляг и 6000 ушатов.

В первой половине 1920-х гг. продолжали выбывать основные производственные фонды. Если в 1913 г. в Сибири насчитывалось около 4 тыс. кооперативных и частных маслозаводов, то в 1925 г. – только 2772. Оборудование и производственные здания находились в крайней степени изношенности. Обследование сибирских маслозаводов, проведенное в июне – ноябре 1925 г., показало, что из 2772 заводов только 0,5 % имели каменные строения, 2 % – цементные полы, 9,8 % оснащены паровыми и водяными двигателями. В среднем на один завод приходилось годных сепараторов – 1,5 [3, с. 7–11].

Только половина заводов имела маслохранилища, но тип и система охлаждения в них устарели и могли давать только плюсовую температуру, в то время как для качественной сохранности продуктов требовались отрицательные температуры. Не хватало не только емкостей заводских маслохранилищ, но и запасов льда, которые к началу августа исчерпывались полностью на большинстве заводов. Существовавшие холодильные емкости не позволяли обеспечивать бесперебойную перевозку масла. В пунктах заготовок, особенно в расположении береговых маслохранилищ, суда и другие транспортные средства простаивали в ожидании грузочно-разгрузочных работ [2, с. 404, 405].

В конце 1925 г. в докладе Маслоцентра Наркомату РКИ «О мероприятиях, необходимых для развития молочной кооперации» продолжали отмечаться те же причины ухудшения качества масла: ржавая посуда, сырые помещения, некондиционные бочки и пергамент, изношенные сепараторы⁴. Плачевное техническое состояние маслозаводов стало одной из главных причин катастрофического распространения плесени на масле летом и осенью 1926 г. В экспортных партиях продукции, прибывшей на лондонский рынок, обнаружилась плесень. Доброжелательно настроенный к СССР английский профессор Сутерлен Томпсон, прибывший по заданию Маслоцентра в Сибирь и осмот-

² Сов. Сибирь. 1923. 23 нояб.

³ ГАРФ. Ф. Р-4085. Оп. 9а. Д. 1235. Л. 59 об.

⁴ РГАЭ. Ф. 4110. Оп. 9. Д. 29. Л. 2–4.

решивший в течение шестинедельной командировки условия производства масла, в докладе от 30 июня 1926 г. сообщал, что основная причина ее появления – антисанитария на сибирских маслозаводах, несоблюдение элементарных технологических приемов, таких как дезинфекция бочек и пергаментов, кипячение посуды, обработка помещений раствором извести. Плесень поколебала положение сибирских экспортеров масла на английском рынке⁵.

Для выхода из создавшейся критической ситуации партийно-государственный и кооперативный аппарат в первую очередь задействовал административно-пропагандистские методы. Осенью 1926 г. в маслодельных артелях в ударном порядке развернулась кампания по дезинфекции производственных и складских помещений. Она дала кратковременный эффект в наведении санитарного порядка, но не привела к коренному улучшению на производстве. Не имевшие достаточных финансовых средств местные органы власти и руководство молочной кооперации обратились к сельскому активу с предложением организовать в осенние и зимние месяцы кампанию по элементарному благоустройству артельных маслозаводов. Требовалось провести мелкий ремонт существующих маслохранилищ, заводских зданий, льдохранилищ, очистку и углубление колодцев и выгребных ям, осуществить заготовку льда для хранения масла при плюсовых температурах вплоть до осенних заморозков. Кампанейские приемы не могли дать стабильных производственных результатов. Проведение периодически повторяемых дезинфекций не стало нормой для персонала артелей, и производство быстро возвращалось в первоначальное антисанитарное состояние, способствующее распространению плесени.

Добиться быстрых и конкретных результатов в модернизации материально-технической базы маслодельня было трудно. В марте–апреле 1927 г. Сибкрайзу по согласованию с Сибмаслосоюзом проведено повторное обследование маслозаводов, которое не выявило позитивных сдвигов в техническом состоянии предприятий. По заключению комиссии из обследованных 2180 маслозаводов половина подлежала сносу. В 1927 г. размеры поражения масла плесенью в Сибири увеличились и составили за июль 11,2 % от общего производства в сравнении с 4,8 % в 1926 г. Ситуация стала предметом разбирательства московской межведомственной комиссии, которая подготовила для Наркомторга РСФСР специальный доклад «О борьбе с плесенью на коровьем масле» [2, с. 395, 396]. Комиссия подтвердила результаты весеннего обследования и заключила, что главным источником заражения масла плесенью являются сами заводы. Их техническое и санитарное состояние вместе со складским хозяйством и льдохранилищами обесценивает все профилактические мероприятия.

Первые шаги правительства были направлены на усиление мер по контролю за качеством продук-

ции. ЭКОСО РСФСР решением от 22 октября 1927 г. внесло изменение в ст. 17 «Положения о правительственной инспекции молочно-масляных продуктов». Производственной инспекции предоставлялось право налагать штрафы и делать представления в местные органы власти о временном или полном закрытии предприятий-нарушителей. На маслозаводах вводился правительственный бракераж по линии Наркомторга⁶.

Руководство молочной кооперации и органов государственного регулирования обратило внимание непосредственно на производственную сферу. Встал вопрос о строительстве новых заводов и реконструкции существующей сети на основе капитального, среднего и мелкого ремонта. С конца 1925 г. началось строительство новых маслозаводов и закрытие мелких старых. Причем постройки 1925/26–1926/27 гг. были сделаны наспех и представляли собой мелкие некапитальные строения. Только заводы, введенные в строй в 1927/28 г., стали отвечать требованиям своего времени и осуществлять переработку молока не сезонно, как ранее, а в течение года, вследствие чего исключался период зимнего простоя. Общая сумма капитальных вложений, без учета средств населения по линии молочной кооперации, составила 9269,8 тыс. руб. Деньги были заимствованы в системе сельскохозяйственного кредита – 6753,8 тыс. руб., у молочных союзов – 1381,0 тыс. руб., прочих кредиторов – 1135 тыс. руб. [4, с. 316].

Таким образом, основным источником финансирования являлись заемные государственные средства, так как крестьяне-пайщики молочной кооперации не желали финансировать новостройки и улучшать существующие артельные заводы, не получая конкретных выгод от этих вложений. В 1925–1927 гг. в составе привлеченных средств преобладали среднесрочные кредиты (до 3 лет), которые предоставлялись маслодельной кооперации в основном по линии сельскохозяйственного банка. Крупными недостатками краткосрочных кредитов являлись сравнительно высокая процентная ставка – 6 % годовых и бюрократическая система планирования. Планы кредитования, как правило, утверждались с большим опозданием, а отпуск средств осуществлялся в конце кварталов.

С 1927 г. предпринимаются попытки перехода на долгосрочное кредитование: в зависимости от размеров кредита и затрат на строительство – от 5 до 10 лет с обязательным долевым участием артелей в постройке нового завода. Местные органы исполнительной власти обратились за финансовой помощью в центр. По заявке председателя Сибкрайисполкома Р.И. Эйхе Совнарком РСФСР постановлением от 22 июня 1927 г. обязал Центральный сельскохозяйственный банк (Россельбанк) выделить долгосрочный кредит на строительство кооперативных маслозаводов в Сибири. Но согласованная сумма кредита, на которую рассчитывал Сибмаслосоюз и в соответ-

⁵ Там же. Оп. 8. Д. 64. Л. 23–31.

⁶ Там же. Д. 41. Л. 33.

ствии с которой строилась программа капитального строительства, не дошла по назначению. По информации представителей банка, к 1 августа 1928 г. сумма долгосрочных кредитов, выделенных на строительство маслозаводов в Сибири, составила 2362,1 тыс. руб., и поручение правительства было выполнено. А реально к 1 февраля 1928 г. на строительство маслозаводов Сибмаслосоюз получил 1013,8 тыс. руб., или менее половины согласованной суммы. Оставшаяся часть кредита поступила Сибгосторгу и Маслоцентру, которые направили средства на реконструкцию складского хозяйства.

Руководство сибирской маслодельной кооперации, посчитав решение правительства достаточной гарантией, приступило к проведению подготовительных работ за свой счет. В октябре – декабре 1927 г. началась заготовка строительных материалов⁷, а в начале 1928 г. развернулись крупные новостройки. Сибмаслосоюз санкционировал строительство и капитальный ремонт 229 заводов, в том числе 143 завода начали строиться заново. Эйфория от возможности получения долгосрочного кредита распространилась и на окружные маслосоюзы, которые пошли на грубейшие нарушения финансовой дисциплины и сверхнормативное развертывание нового строительства. Так, Омский союз вместо намеченных к постройке 5 механизированных заводов начал строить 11, а Каменский союз – вместо 1 завода 13 новых. Одновременно в процессе строительства подвергались изменениям уже согласованные проекты. Только 11 апреля 1928 г. Сибкрайисполком утвердил скорректированный план строительства 91 завода, который не совпадал с размахом новостроек. В результате вместо намеченной государственными органами плановой суммы на строительство новых заводов в 1664,5 тыс. руб., а со сливочными отделениями – 2362,1 тыс. руб. фактически было истрачено, по неполным данным, к 1 июля – 4832,5 тыс. руб., или 213 % к сумме плановых кредитов⁸. Таким образом, краевое и окружные звенья управления молочной кооперации своими невзвешенными решениями поставили систему на грань финансового банкротства.

Не менее тяжелой по своим последствиям оказалась бесхозяйственность управленцев в расходовании полученных средств и некомпетентность технических специалистов. Подготовительные работы во многих случаях проводились небрежно, с грубыми ошибками в выборе участков для строительства. Недостаточно тщательно исследовались состояние воды, грунта, возможности слива отработанных вод. Бурение зачастую производилось в процессе строительства, когда обнаруживалось, что вода непригодна для производственных целей. Отмечались случаи, когда по этим причинам начатые строительные работы прекращались, а стройки переносились в другое место. «Отсутствие организованной подготовки строительства в виде пред-

варительных изысканий грунта и воды, – говорилось в материалах комиссии Рабоче-крестьянской инспекции, работавшей в Сибири во второй половине 1928 г., – привело к тому, что ряд заводов выстроен в местах, где вода не подходящая для производства или ее вовсе нет, вследствие чего имелись случаи перевозки стройматериалов из одного селения в другое. В других случаях воду возят бочками из отдаленных мест, что резко удорожает производство»⁹.

Бесхозяйственность особенно отчетливо проявлялась в неудовлетворительном качестве строительных работ. Контроль за ходом строительства со стороны вышестоящих звеньев маслодельной кооперации был слабый. За техником окружного союза закреплялось от 7 до 10 объектов, расположенных в 30–50 верстах один от другого. На строительстве не хватало опытных десятников и квалифицированных рабочих. Обследования местных РКИ и технических экспертиз Сибмаслосоюза обнаруживали, что на ряде вновь строящихся заводов фундаменты неустойчивы и заложены на недостаточной глубине, кладка стен зданий дефектна, дает трещины, размеры зданий и отдельных элементов произвольно изменялись, в строительстве использовался неравномерно обожженный кирпич с раковинами, недоброкачественный песок, сучковатый и плесневелый лес. Для примера можно привести несколько выдержек из многочисленных актов осмотра строительства маслозаводов. Щербаковский завод: «Фундамент непрочен и неустойчив, крошится от руки. Кладка стен сделана без чертежей и расчетов. Стропила установлены с разными уклонами и разносом. Сделанные колодцы стоимостью в 19,5 тыс. руб. оказались непригодными. Канализация заменена устройством отвода сточных труб в р. Омь, что вызывает нарекания населения». Константиновский завод: «Качество кладки неудовлетворительное, стены сложены не по отвесу, имеются отклонения по вертикали, впадины и т.д. Раствор употребляют в кладку неоднородный и непрочный. Из-за неправильной кладки часть сложной кладки была разобрана и др.»¹⁰.

Ошибки в проектировании и строительстве маслозаводов в значительной мере определялись низким качеством подготовки инженеров и техников, которые не владели информацией о зарубежном опыте строительства и эксплуатации масло- и сыродельных заводов. Недостаточные средства отпускались на организацию специальных курсов по подготовке и переподготовке мастеров для ручных и конных заводов, а также на подготовку мастеров для механизированных заводов в школах молочного хозяйства.

Руководство маслодельной кооперации, взяв курс на укрупнение артелей, особенно в районах, ориентированных на экспорт, допустило существенный просчет, неадекватно оценив внутренние ресурсы и рассчитывая на государственные кредиты. Вместо нескольких устаревших заводов было принято решение

⁷ Там же. Оп. 5. Д. 309. Л. 28–29.

⁸ Там же. Ф. 4372. Оп. 27. Д. 439. Л. 20.

⁹ ГАНО. Ф. Р-291. Оп. 1. Д. 393. Л. 3 об.

¹⁰ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 27. Д. 439. Л. 19.

строить один крупный, механизированный и хорошо оборудованный завод по производству масла из пастеризованных сливок (на зарубежных рынках сбыт масла из сырых сливок был запрещен). В 1928 г. запланированные капитальные вложения в строительство маслозаводов и коллективных скотных дворов были существенно урезаны, что вызвало перенапряжение в финансовом состоянии системы молочной кооперации, которая израсходовала на подготовительные работы оборотные средства. Ставка местного кооперативного и партийно-хозяйственного руководства на получение из центра дополнительных государственных кредитов не увенчалась успехом. Средства, истраченные на капитальное строительство новых маслозаводов, пришлось покрывать за счет окружных маслосоюзов, что тяжелым бременем легло на финансовый баланс системы молочной кооперации. Неоправданные надежды на получение кредитов для восстановления и реконструкции сибирского маслоделия привели к значительному удорожанию строительства. Строительство многих маслозаводов было законсервировано на неопределенное время. Финансовые издержки легли на плечи кооперированного населения, понесшего громадные убытки. Уменьшился размер оплаты за сданное на заводы молоко¹¹.

Складывающаяся бюджетно-кредитная практика отражала суть новых экономических отношений между центром и регионами. Региональным властям необходимо было доказать центру привлекательность своих инвестиционных проектов, получить первоначальное кредитование и заложить котлованы под новостройки, а затем добиваться выделения средств на завершение начатого строительства. Центральные власти стремились не допустить «распыления капитальных вложений», а местная элита – выбить побольше средств на завершение строительства начатых объектов. В случае с финансированием строительства новых маслодельных заводов эта тактика не сработала, так как государственные приоритеты сосредоточились на проведении индустриальной модернизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кооперативная Сибирь. 1923. № 7–8.
2. Сибирская маслодельная кооперация (1921–1930). М.: Академия, 2008.
3. Сибирские кооперативные заводы: стат. очерк. М.; Л., 1926.
4. Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1931. Т. 3.

*Статья поступила
в редакцию 18.02.2013*

УДК: 94(47).083/084.8

В.А. ИСУПОВ

ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ В КОНТЕКСТЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ: ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XX СТОЛЕТИЯ

д-р ист. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: Vladimir_2004_@mail.ru

В статье исследуется процесс демографической модернизации одного из крупнейших регионов России – Западной Сибири. Характеризуются социально-исторические условия и факторы демографической модернизации. Большое внимание уделяется анализу региональных и субрегиональных особенностей процесса, его промежуточным и конечным результатам, трудностям и противоречиям. Демографическая модернизация, ядром которой являлся демографический переход, представлена как органическая составная часть модернизации традиционного общества.

Ключевые слова: демографическая модернизация, численность населения, традиционное общество, Западная Сибирь.

XX столетие, если рассматривать его с позиций исторической демографии, прошло в России под знаком мощных хаотичных потрясений всей демографической подсистемы. Но этот хаос, в значительной степени вытекавший из социально-политической природы государства, которое установилось в России после Октября 1917 г., являл собой своего рода деко-

рацию, на фоне которой протекали основополагающие процессы. Базовые изменения глубинного тренда демографического развития носили строго логичный и закономерный характер. Они получили наименование демографической модернизации. Концептуально под демографической модернизацией мы будем понимать качественные трансформации всего демографического фундамента России, соответствовавшие политическим, экономическим и социокультурным сдвигам в

¹¹ Там же. Ф. 4110. Оп. 5. Д. 309. Л. 30, 30 об., 33.

стране, подвергнутой форсированным процессам индустриализации. Эти трансформации достаточно легко читаются в изменениях количественных показателей демографического развития.

В ограниченной по объему статье доскональный анализ процесса демографической модернизации и факторов, его определяющих не осуществим. Поэтому мы ставим перед собой скромную задачу: выявить некоторые тенденции развития демографической подсистемы глубокой российской провинции – Западной Сибири на протяжении первой половины XX столетия.

В начале века в Российской империи, в том числе и в ее восточных провинциях, господствовала аграрная экономика, порождавшая социокультурную патриархальность и соответствовавший ей традиционный тип воспроизводства населения. Для него были свойственны очень высокие показатели смертности. Так, согласно исследованиям В.А. Зверева, в 1906–1909 гг. уровень смертности населения Западной Сибири составлял в среднем 35 ‰¹, в 1910–1914 гг. – 33 ‰ [1, с. 133]. Очень низкой была и продолжительность жизни населения: в Европейской России в 1896–1897 г. – 32 года², а в 1907–1910 гг. – не более 33 лет [2, с. 137]. В Сибири показатели продолжительности жизни были, по-видимому, еще ниже.

Повышенная смертность вызывалась низким уровнем материальной обеспеченности населения, недостаточным (даже по меркам начала XX в.) развитием здравоохранения, массовой антисанитарией и, как следствие этого, широким распространением инфекционной заболеваемости. В 1913 г. в Сибири на 10 тыс. чел. населения зафиксировано 24 заболевания брюшным тифом, 22 – корью, 26 – скарлатиной, 16 – дифтерией, почти 30 – дизентерией, 16 – бугорчаткой легких (туберкулезом), 7 – оспой³. В конечном итоге это вело к большим потерям человеческих жизней от инфекций и желудочно-кишечных болезней. Так, в Омске, крупнейшем городе Сибири, имевшем еще до революции врачебную регистрацию причин смерти, в 1913 г. удельный вес умерших от кори в общей совокупности смертей составлял почти 4 %, от скарлатины – 5, от бугорчатки (туберкулеза) – 10 % [3, с. 18].

Компенсировать высокую смертность и тем самым обеспечить прирост численности населения могла только очень высокая рождаемость. Соответственно в обществе были выработаны особые социальные механизмы, направленные на достижение максимального числа детей в семье. Среди этих механизмов выделялись: всеобщая и ранняя брачность, отсутствие средств контрацепции, безусловное общественное осуждение абортов, а на законодательном уровне их запрещение. В 1906–1909 гг. в Западной Сибири уровень рожда-

емости достигал 55 ‰⁴, а в 1910–1914 гг. – 53 ‰ [1, с. 138]. При таком сверхвысоком уровне рождаемости можно было бы ожидать и высоких показателей естественного прироста. Но они были средними, не превышали 20 ‰. Из этого следует, что большая часть рождений уходила на то, чтобы нейтрализовать повышенную смертность.

Такого рода нерациональный тип воспроизводства, означавший огромный перерасход человеческих ресурсов, фактическое закабаление женщины, превращение ее в «детородную машину», нуждался в коренной модернизации. Потребность в ней ощущалась уже в конце XIX – начале XX в. Социально-экономические и культурные изменения, происходившие на основе индустриализации и урбанизации, неизбежно усиливали изменения в демографической подсистеме российского общества. В сущности, в начале прошлого века наша страна стояла на пороге демографического перехода, составлявшего ядро демографической модернизации. Но процесс так и не развернулся. Первая мировая война и последовавшие за ней две революции и Гражданская война резко обострили демографическую ситуацию. И если в 1914–1917 гг. смертность населения Западной Сибири увеличилась незначительно, то в 1918–1921 гг. на регион обрушилась волна эпидемий брюшного и сыпного тифа, холеры и других опасных инфекций, вызвавших резкий рост показателей смертности. Так, в Томске, в ходе сыпнотифозной эпидемии 1920 г., показатели смертности повысились до редко встречающейся в демографической истории катастрофической отметки 103 ‰. При этом коэффициент смертности мужчин 18 лет составлял 344 ‰, 19 лет – 751 ‰ [4, с. 87].

Уровень рождаемости в годы революции и Гражданской войны характеризовался неупорядоченными колебаниями, зависимыми от пертурбационных факторов военно-политического характера, такими как армейские мобилизации мужчин, грубо нарушавшими демографическое равновесие. Если ориентироваться на данные переписи 1926 г. о половозрастной структуре населения, то минимальное число детей в семьях сибиряков фиксируется в 1916 и 1917 гг. В 1918 и 1919 гг. демобилизация из рядов русской армии привела к повышению числа детей, а следовательно, и рождаемости. В 1920 г. она сменилась очередным спадом⁵.

Выход из состояния демографической катастрофы наметился только после введения нэпа. К середине 1920-х гг. демографическая ситуация в Сибири стабилизировалась, возвратившись к состоянию предвоенных лет. Смертность к этому времени несколько понизилась, но оставалась, как и прежде, высокой (см.

¹ Общий коэффициент смертности: среднее число умерших на 1 тыс. чел. населения в течение определенного периода, в данном случае – одного года. Обозначаются знаком ‰ – промилле (от *lat. pro mille* – на тысячу). Соответственно, коэффициент 35 ‰ показывает, что из 1000 чел. умерло 35 чел.

² Население СССР: Справочник. М., 1983. С. 68.

³ ГАНО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 962. Л. 163–164.

⁴ Общий коэффициент рождаемости: среднее число родившихся на 1 тыс. чел. населения в течение определенного периода, в данном случае – одного года. Как и в случае со смертностью, используется значок ‰. Коэффициент 55 ‰ показывает, что на 1 тыс. чел. населения родилось 55 младенцев.

⁵ Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1928. Т. VI. С. 104.

Т а б л и ц а 1
**Воспроизводство населения
 Сибирского края во второй половине 1920-х гг.
 (на 1 тыс. чел. населения)***

Год	Родилось	Умерло	Естеств. прирост
1925	52,7	27,2	25,5
1926	51,3	25,6	25,7
1927	53,6	25,1	28,5
1928	56,5	23,0	33,5
1929	53,1	23,0	30,1

*Составлена по: Естественное движение населения в Сибирском крае за 1925–27 гг. Новосибирск, 1930. С. 6; ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 22. Л. 4–5, 16.

табл. 1). Повышенная смертность генерировала низкие показатели ожидаемой продолжительности жизни. В Сибирском крае в 1926–1927 гг. продолжительность жизни составляла всего 41,1 года⁶. Главными причинами, сокращавшими продолжительность жизни, были инфекционные и желудочно-кишечные болезни, а также заболевания органов дыхания. По расчетам Р.Н. Бирюковой, при устранении смертности от воспаления легких продолжительность жизни населения СССР в 1926–1927 гг. была бы выше на 5,5 года. Туберкулез уменьшал продолжительность жизни почти на 5 лет, скарлатина – на 1,5 года, дизентерия – на 0,6 года, сыпной тиф – на 0,4 года [5, с. 339]. Между тем именно эти болезни доминировали в структуре причин смерти. В городах (статистика причин смертности в сельской местности не проводилась) Сибирского края в 1928 г. эпидемические и инфекционные болезни стали причиной смерти для 25 % умерших. Удельный вес болезней органов дыхания в структуре причин смерти превышал 16 %. На долю умерших от болезней органов пищеварения приходилось почти 16 % [6, с. 64]. Таким образом, модернизация смертности предполагала установление контроля над смертностью экзогенного происхождения, зависимой от влияния внешних факторов, таких как условия жизни, развитие здравоохранения и санитарии.

Во второй половине 1920-х гг., как и в начале века, единственным способом компенсировать огромные потери человеческой жизнью оставалась повышенная рождаемость. Соответственно, социальные механизмы, поддерживающие ее, действовали в полную силу, генерируя нерациональный тип воспроизводства населения. Во второй половине 1920-х гг. в Сибири общий коэффициент рождаемости превышал 50 ‰. В сельских районах Западной Сибири показатели рождаемости превосходили все мыслимые пределы, достигая физиологического максимума. Так, в Каменском округе Сибирского края в 1928 г. общий коэффициент рож-

даемости составлял фантастическую величину – 62 ‰, в Рубцовском округе – 64 ‰⁷.

Усилия государства, направленные в 1920-е гг. на развитие здравоохранения и санитарии, вели к заметному сокращению инфекционной заболеваемости. В 1928 г. по отношению к 1913 г. заболеваемость населения Сибирского края брюшным тифом уменьшилась в 1,9 раза, сыпным тифом – почти в 4, оспой – в 10, скарлатиной – в 1,7, дифтерией – в 3,3, дизентерией – в 1,5 раза⁸. Снижалась и смертность. Казалось бы, рефлексией на снижение смертности должно было стать и сокращение рождаемости, так как необходимость в ее повышенных параметрах уходила в прошлое. Но этого не происходило. Мало того, высокая рождаемость на фоне понижавшейся смертности в конце 1920-х гг. вызвала демографический взрыв. В табл. 1 показано заметное нарастание показателей коэффициента естественного прироста во второй половине 1920-х гг.

Повышенная рождаемость была очевидным следствием демографической инерции. Переналаживание социальных механизмов, поддерживающих повышенную рождаемость, сильно отставало от действия факторов, побуждавших сокращение смертности. Это было особенно характерно для патриархальной сибирской деревни, население которой ориентировалось на ценности традиционного общества. В сельской местности брачность, определявшая показатели рождаемости, оставалась, как и прежде, всеобщей и ранней. В деревне Сибирского края в 1927 г. почти 59 % женщин вышли замуж в возрасте 19 лет и моложе [7, с. 27]. В сущности, мы сталкиваемся с примером консервации брачного и репродуктивного поведения, что свидетельствует о прочно укоренившемся феномене демографической архаики. Для того чтобы преодолеть эту рутину, требовалось время.

В городах края картина была несколько иной. Урбанизация способствовала ускоренному проникновению новых тенденций в толщу населения. Удельный вес ранних браков (в 19 лет и моложе) в городах Сибирского края в 1927 г. составлял всего 28 % [7, с. 27]. Соответственно в городских поселениях, особенно крупных, показатели рождаемости сокращались быстрее, чем в сельской местности. В городах Сибирского края с числом жителей 50 тыс. чел. и более рождаемость в конце 1920-х гг. колебалась в пределах 36–37 ‰ [7, с. 4].

Но главная причина снижения рождаемости в крупных городах коренилась в сознательном ограничении рождаемости. В условиях отсутствия контрацепции основным средством контроля над деторождением были искусственные аборты, число которых нарастало с каждым годом. В Новосибирске в 1924 г. на 100 родов приходился 21 аборт, в 1926 г. – 28, в 1928 г. – 31 аборт [8, с. 64]. В Омске за 1928–1929 гг. число абортов более чем удвоилось [9, с. 82]. Тем не менее контроль над

⁶ Смертность и продолжительность жизни населения СССР. 1926–1927. Таблицы смертности. М.; Л., 1930. С. 2, 134.

⁷ Сибирский край: стат. сб. Новосибирск, 1930. С. 16–17.

⁸ ГАНО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 962. Л. 163.

рождаемостью пока затронул лишь самый узкий слой населения крупных городов. Для большинства людей тех лет это было неприемлемо и решительно осуждалось. И все же конец 1920-х гг. явил собой очередную попытку развернуть процесс демографической модернизации. Все увереннее пробивала себе дорогу тенденция к снижению смертности, а вместе с этим объективно отпадала необходимость повышенной рождаемости как фактора, обеспечивающего естественный прирост. Стремительно нарастающая урбанизация, развитие здравоохранения и санитарии, сокращение смертности, втягивание женщин в производство, их стремление к образованию и карьере – словом, изменение всего образа жизни не могло не влиять на демографическую ситуацию. В народные массы постепенно проникала идея установления контроля над стихийно высокой рождаемостью.

Но и эта попытка демографического перехода оказалась фальстартом. Развернувшиеся в полную силу процессы индустриализации и коллективизации ввергли демографическую подсистему страны в состояние кризиса, который в ходе голода 1932–1933 гг. перерос в катастрофу. В ходе этой катастрофы смертность населения России выросла до 51 %, что привело к сокращению продолжительности жизни у мужчин до 15 лет, у женщин – до 20 лет [10, прил. 3]. Голод коснулся и Западной Сибири, поразив главным образом ее южные, хлебопроизводящие районы. По далеко неполным данным органов ЗАГС, в 1933 г. в Западно-Сибирском крае вследствие сокращения рождаемости и повышения смертности естественный прирост уменьшился до 7,9 %, в Обь-Иртышской области до 2,5 %⁹. Скорее всего, естественный прирост в Западной Сибири в 1933 г. характеризовался отрицательными величинами. Но погрешности учета были столь значительны, что установить реальные параметры воспроизводства населения в 1933 г. не представляется возможным. Во всяком случае, в

крупных городах, где полнота учета родившихся и умерших была относительно полной, фиксировались отрицательные величины естественного прироста. Так, в 1933 г. смертность превышала рождаемость в Новосибирске, Томске, Барнауле, Сталинске (ныне Новокузнецк), Кемерово, Тюмени, Омске, Прокопьевске и многих других крупных городах Западной Сибири¹⁰. В этих кризисных условиях говорить о демографической модернизации не имеет смысла.

Выход из голодной катастрофы наметился только в 1934 г. Но сведения, сосредоточенные в табл. 2, основаны на неточных материалах советской демографической статистики. Для 1934–1936 гг. невозможно определить даже общие коэффициенты естественного движения населения, поскольку отсутствуют данные о его численности, а показатели, характеризующие количество родившихся и умерших, очевидно, недостоверны. Колебания рождаемости и смертности в эти годы отражают не реальные изменения количества родившихся и умерших, а ухудшение или улучшение статистического учета. Но нет сомнения в том, что после голода 1932–1933 г. смертность сократилась. В конце 1930-х гг. она колебалась в пределах 20 %. Сократилась и рождаемость. Она составляла примерно 40–42 %. Тем не менее, консервативные социокультурные установки (особенно у жителей деревни, которые составляли еще большинство населения), традиционно направленные на достижение высокой рождаемости, трансформировались очень медленно. К тому же рост смертности в ходе голода 1932–1933 гг. в значительной степени стимулировал подъем рождаемости после его завершения, подняв компенсаторную волну.

Как это ни парадоксально, но роль своеобразного тормоза демографической модернизации играла политика государства. Стремясь быстро возместить людские потери, понесенные в ходе голода, правительство избрало топорный, но казавшийся эффек-

Т а б л и ц а 2

Количество рождений и смертей, зарегистрированных ЗАГСами Западной Сибири в 1934–1940 гг.*

Год	Всего, тыс. чел.			На 1 тыс. чел. населения		
	родилось	умерло	естеств. прирост	родилось	умерло	естеств. прирост
1934	311,8	184,6	127,2	-	-	-
1935	316,3	184,9	131,4	-	-	-
1936	334,7	196,0	138,7	-	-	-
1937	373,6	199,5	174,1	42,6	22,8	19,8
1938	364,0	184,3	179,7	40,8	20,1	20,7
1939	374,7	179,7	195,0	42,0	20,1	21,9
1940	343,6	191,9	151,7	36,9	20,3	16,6

*Составлена по: Исупов В.А. Главный ресурс Победы. Людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.). Новосибирск, 2008. С. 32, 76, 80; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 328. Д. 49. Л. 19.

⁹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 19. Л. 5, 10.

¹⁰ Там же. Л. 10.

тивным путь административно-командного воздействия на демографическую подсистему советского общества. Постановлением ЦИК СССР от 27 июня 1936 г. было запрещено производство аборт¹¹. Шоковый эффект, вызванный запретом, первоначально привел к некоторому увеличению рождаемости, коснувшемуся в основном городского населения. Так, в первом полугодии 1937 г. по отношению к первой половине 1936 г. показатель рождаемости в Анжеро-Судженске вырос на 51 %, в Кемерово – на 64, Новосибирске – на 61, Омске на 46, в Томске – на 49 %¹². В городах РСФСР в целом в 1937 г. по отношению к 1936 г. коэффициент рождаемости повысился сразу на 53 %, тогда как в сельской местности не изменился¹³. Понятно, что в деревне, где аборты были распространены незначительно, этот резерв повышения рождаемости не мог играть заметной роли.

Увеличение рождаемости в городских поселениях страны в 1937 г. противоречило всей логике индустриального роста. Урбанизация и связанные с ней кардинальные изменения образа жизни неизбежно вели к снижению числа детей в семье. Это было объективной платой СССР за вступление в «клуб индустриальных держав». Но вместо того, чтобы стимулировать выпуск средств контрацепции как цивилизованного инструмента контроля над рождаемостью, советское правительство пошло путем закручивания административных гаек. Повышение рождаемости в этих условиях могло стать только краткосрочным явлением. Женщины быстро приспособились к нелепому постановлению. В СССР разразилась эпидемия нелегальных прерываний беременности. И если в 1937 г. в Советском Союзе было проведено 568 тыс. абортов, то в 1938 г. – 681 тыс., в 1939 г. – 723 тыс.¹⁴ Аборты охватили как столицу, так и провинцию. В 1940 г. в Новосибирской области на 100 родов было сделано 24 аборта, в Омской – 14, в Алтайском крае – 15 абортов¹⁵. Чтобы охарактеризовать масштаб этого социального явления, укажем, что в 1931 г. в Западно-Сибирском крае было зафиксировано 16,9 тыс. операций по прерыванию беременности, тогда как в 1940 г. в Западной Сибири – 32,8 тыс.¹⁶ С одной стороны, столь широкое распространение абортов стало важным признаком втягивания населения страны, в том числе и западносибирской провинции, в процесс установления контроля над рождаемостью. С другой – этот инструмент был слишком грубым и неэффективным.

Один из парадоксов советской демографической модернизации состоит в том, что чрезвычайно важный шаг в этом направлении был сделан в годы Великой Отечественной войны. В табл. 3 показано резкое сокращение рождаемости в 1941–1945 гг. Но ее сни-

Т а б л и ц а 3

**Воспроизводство населения Западной Сибири
в годы Великой Отечественной войны
(на 1 тыс. чел. населения)***

Год	Родилось	Умерло	Естественный прирост (убыль)
1941	31,5	21,5	10,0
1942	20,7	26,9	-6,2
1943	12,6	18,4	-5,8
1944	12,3	12,5	-0,2
1945	15,4	8,7	6,7

*Составлена по: *Исунов В.А.* Главный ресурс Победы... С. 113, 180.

жение было вызвано главным образом ситуационными факторами, а именно аномальными нарушениями структуры населения. В сельской местности Западной Сибири в начале 1943 г. удельный вес мужчин в возрастной группе 18–24 года составлял всего 19 %, 25–49 лет – немногим более – 20 %. Аналогичный дисбаланс полов был характерен и для городов. Так, в 1946 г. удельный вес мужчин в возрасте 18 лет и старше в городских поселениях региона не превышал 39 %. В результате количество зарегистрированных браков в Западной Сибири за 1941–1943 гг. понизилось почти в 2 раза [11, с. 102, 104, 187]. Вместе с тем нельзя не учитывать, что число рожденных детей сократилось и в тех семьях, где брачно-семейные связи не были прерваны обстоятельствами военного времени. Это говорит о том, что война не могла полностью «отменить» процесс демографического перехода. Основным средством контроля над рождаемостью, как и прежде, оставалось нелегальное прерывание беременности. Так, в 1944 г. в городских поселениях Новосибирской области (без Новосибирска) на каждые 100 родов было произведено 30 абортов, в самом Новосибирске – 50 абортов¹⁷.

Но главные признаки демографической модернизации необходимо искать в изменениях, происшедших в смертности. Анализ имеющихся статистических материалов показал, что в военный период состоялась если не кардинальная то, во всяком случае, глубокая перестройка структуры причин смерти. Она выразилась в сокращении удельного веса смерти от инфекционных, желудочно-кишечных болезней и заболеваний органов дыхания. Так в Алтайском крае в общей совокупности умерших доля скончавшихся от сыпного тифа за 1942–1945 гг. уменьшилась в 8 раз, от коклюша – в 2, от дизентерии – почти в 6, от гемоколита – в 7, от токсической диспепсии – в 3,4, от воспаления легких – в 1,4 раза [11, с. 139]. Аналогичные процессы протекали во всех районах Западной Сибири.

Сокращение смертности от экзогенных причин обусловило, в конечном счете, заметное уменьшение

¹¹ Известия. 1936. 28 июня. С. 10.

¹² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 111. Л. 81, 82.

¹³ Там же. Д. 108. л. 35

¹⁴ Там же. Оп. 329. Д. 406. Л. 132.

¹⁵ ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 10. Д. 3491. Л. 13.

¹⁶ Там же. Д. 2076. Л. 28; Д. 3491. Л. 13.

¹⁷ ГАНО. Ф. 11. Оп. 4а. Д. 69. Л. 3.

общих коэффициентов смертности. Парадокс состоял в том, что смертность тылового населения снижалась в стране, которая вела самую кровавую в своей истории войну, а «тыловики» существовали в условиях крайне низкого уровня жизни. Сокращение смертности явилось следствием не улучшения качества жизни, а адаптации населения к выживанию в условиях военного времени.

Рост смертности в первые после завершения войны годы был обусловлен главным образом демографическим кризисом, вызванным голодом 1946–1947 гг. После преодоления этого социального бедствия демографическая модернизация в Западной Сибири приняла невиданные ранее темпы. В первую очередь это выразилось в резком сокращении смертности. С 1948 по 1960 г. общий коэффициент смертности в регионе понизился почти в 2 раза. В основе снижения смертности лежал давший о себе знать еще в военные годы процесс вытеснения из структуры причин смерти экзогенных факторов.

Из табл. 5 следует, что в течение двадцатилетия, прошедшего между 1939 и 1959 гг., коэффициент смертности от болезней органов дыхания в Новосибирской области уменьшился в 54 раза, от желудочно-кишечных болезней – в 21 раз, от инфекционных и паразитарных болезней – более чем в 10 раз. Соответственно сократился удельный вес этих заболеваний и в структуре причин смерти. Их место занимали эндогенные факторы смерти, связанные не столько с условиями жизни, сколько с процессом естественного старения человеческого организма, а именно: артериосклероз, гипертония, болезни сердца.

В результате смертность перемещалась в старшие возрастные группы. Из-за ограниченных объемов статьи приведем только один пример. В Алтайском крае в 1940 г. удельный вес детей моложе 4-х лет в совокупности скончавшихся составлял почти 66 %, тогда как в 1959 г. – 27 %. Между тем прослойка представителей старших возрастных групп (старше 60 лет) повысилась с 13 до 49 %¹⁸. Основным следствием «постарения» смертности стал рост продолжительность жизни населения. В 1958–1959 гг. ожидаемая продолжительность жизни мужчин Западной Сибири составляла 63 года, женщин – 72 года [12, с. 37], по Советскому Союзу в целом соответственно 64 и 72 года¹⁹.

Сокращение смертности происходило параллельно с сокращением рождаемости. К 1960 г. ее общий коэффициент уменьшился до показателя менее 7 ‰. Власти к этому времени отказались от самых одиозных методов социально-демографической политики. В августе 1954 г. была отменена уголовная ответственность беременных женщин за производство аборта. В ноябре 1955 г. запрет на искусственное прерывание беременности был снят полностью [13, с. 724, 771].

¹⁸ Текущий архив Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю.

¹⁹ Население СССР: справочник. С. 68.

Т а б л и ц а 4

Воспроизводство населения Западной Сибири в 1946–1960 гг. (на 1 тыс. чел. населения)*

Год	Родилось	Умерло	Естеств. прирост
1946	26,3	10,8	15,2
1947	30,5	14,1	16,4
1948	28,3	12,5	15,8
1949	31,8	10,6	21,3
1950	32,1	11,7	20,4
1951	32,5	10,7	21,8
1952	30,2	10,7	19,5
1953	28,2	9,5	18,7
1954	29,9	8,9	21,0
1955	30,8	9,1	21,7
1956	29,0	7,7	21,6
1957	29,0	7,5	21,5
1958	28,6	7,3	21,3
1959	27,6	7,2	20,4
1960	26,5	6,8	19,7

*Составлена по: ГА РФ. Ф. А-374. Оп. 30. Д. 3360. Л. 4, 8, 11, 13, 14; Д. 3368. Л. 44; Д. 4978. Л. 154; Д. 4981. Л. 189; Д. 4987. Л. 184; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 636. Л. 49, 50, 106, 107, 146, 148, 150, 152, 195, 196, 200, 201; Д. 696. Л. 110, 111, 113, 114, 155, 158, 159, 197, 199, 204, 205; Д. 758. Л. 18, 40, 55, 56, 58, 59, 75, 77, Д. 841. Л. 18, 40, 56, 57, 58, 59, 77, 79. Д. 909. Л. 18, 41, 58, 59, 60, 61, 77, 80; Д. 962. Л. 18, 41, 58–61, 77, 80; Д. 1011. Л. 2, 26, 42–45, 61, 64; Оп. 27. Д. 103. Л. 20, 48, 65–68, 84, 86; Д. 212. Л. 1, 6, 9, 11, 12; Д. 470. Л. 19, 43, 58–61, 80, 82; Д. 814. Л. 1, 5, 7, 9, 10.

Т а б л и ц а 5

Причины смерти городского населения Новосибирской области, 1939–1959 гг.*

Причина смерти	Удельный вес, %		Умерло на 10 тыс. чел. населения	
	1939 г.	1959 г.	1939 г.	1959 г.
Инфекционные и паразитарные болезни	32,7	9,6	61,6	6,1
Желудочно-кишечные болезни	17,6	2,0	42,3	2,0
Травмы	3,7	8,9	7,7	6,2
Убийства и самоубийства	7,0	2,8	2,1	0,2
Болезни органов дыхания	18,2	9,5	37,6	0,7
Злокачественные новообразования	3,1	34,0	6,4	7,9
Болезни сердца	6,2	20,3	12,8	14,1
Артериосклероз	1,1	9,2	2,2	6,4
Гипертония	н/св	н/св	н/св	0,2
Прочие и неопределенные причины	16,4	0,5	201,0	72,0

* Составлена по: ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 351. Л. 38–38 об.; Д. 8350. Л. 123–123 об., 124–124 об.

Подведем некоторые итоги. Обращает на себя внимание тот факт, что показатели естественного прироста в рассматриваемый период не претерпели изменений – как в начале века, так и в его второй половине они колебались в пределах 20 ‰. Но если в начале XX в. для достижения такого уровня естественного прироста требовалась рождаемость порядка 55 ‰, то в 1960 г. – всего 27 ‰. Сама возможность сократить рождаемость появилась только как результат еще более разительных изменений в смертности. В исследуемые годы она уменьшилась более чем в 5 раз. Еще в 1906–1909 гг. смертность составляла 35 ‰, а в 1960 г. около 7 ‰. Следовательно, воспроизводство населения стало более рациональным, не требовавшим «растранжиривания» людских ресурсов и крайнего перенапряжения всей демографической подсистемы общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зверев В.А.* Воспроизводство сибирского населения на начальном этапе демографического перехода в России // «Сибирь мой край...»: проблемы региональной истории и исторического образования. Новосибирск, 1999.
2. *Смулевич Б.Я.* Социальные и культурные сдвиги в населении СССР // Народное хозяйство СССР. 1932. № 1–2.
3. *Клячкин В.Е.* Естественное движение населения города Омска по параллельным данным за 1913, 1916, 1923–1926 гг. Омск, 1928.
4. *Сергеев А.* Гор. Томск в 1920 г. на экране санитарной статистики (по материалам Томского Губстатбюро, Губзагса и других источников) // Сиб. мед. журн. 1923. № 1.
5. *Бирюкова Р.Н.* Таблицы смертности по причинам смерти // Проблемы демографической статистики. М., 1959.
6. *Слуцкий А.* Причины смертности по городам Сибкрая // Статистика Сибири: сб. статей и материалов. Новосибирск. 1930. Вып. 3.
7. Естественное движение населения в Сибкрае за 1925–27 гг. Новосибирск, 1930.
8. *Баландин А.И., Абрамович Е.А.* Аборты в Новосибирске за 1927 и 1928 г. // Сиб. мед. журн. 1929. № 8–9.
9. *Бородухина.* Опыт работы абортария в г. Омске // Сиб. мед. журн. 1931. № 10.
10. *Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьковская Т.Л.* Демографическая история России: 1927–1957 гг. М., 1998.
11. *Исупов В.А.* Главный ресурс Победы. Людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.). Новосибирск, 2008.
12. *Левцкий Е.М.* Экономико-статистическое исследование воспроизводства населения Сибири и Дальнего Востока на основе таблиц продолжительности жизни. Новосибирск, 1962.
13. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного совета СССР. М., 1961.

Статья поступила
в редакцию 04.02.2013

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ

УДК: 351/354(075.8):947

В.Е. ЗУБОВ

ЭТАПЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ В РОССИИ (XVI – НАЧАЛО XX в.)

канд. ист. наук,
Сибирский институт управления РАНХиГС,
г. Новосибирск
e-mail: Zubov@sapa.nsk.su

В статье сравниваются два подхода к периодизации процесса реформ гражданской службы в России: традиционный, исходящий из изменения содержания служебных отношений, и авторский, в основу которого положены изменения требований к уровню квалификации государственных служащих. Изменения этих требований отражали стремление к решению главной задачи в сфере государственного управления – созданию эффективной гражданской службы. Эта задача являлась приоритетной при проведении соответствующих реформ и характеризует основную тенденцию развития государственной службы.

Ключевые слова: государственное управление, государственная служба, бюрократия, реформа государственной службы, государственный аппарат.

Различные аспекты организации и функционирования государственной службы в последние десятилетия находятся в центре внимания отечественных исследователей и рассматриваются как в специальных публикациях, так и в работах, посвященных более широкому кругу проблем [1–6].

Как правило, эволюция государственной службы связывается с основными этапами развития Российского государства, но между тем на ее развитие оказывали влияние и внутренние, присущие только данной отрасли управления, факторы. В связи с этим изучение развития системы государственной службы требует построения собственной периодизации, используемой для решения специальных проблем.

В основу ее могут быть положены различные основания. В настоящее время применяется подход, базирующийся на изменении содержания служебных отношений, или самого назначения государственной службы. Однако такая периодизация выглядит слишком общей, а главное, ориентированной вовне, без возможности учета ее внутренних особенностей, поскольку с точки зрения содержания служебных отношений в России можно выделить только два этапа: этап государственной и этап государственной службы. В первом случае служили конкретному лицу (царю), а во втором –

государству. Именно здесь, на наш взгляд, проявляется недостаточность содержательной периодизации, поскольку четко разграничить эти этапы не представляется возможным.

Как правило, начало этапа государственной службы связывают с эпохой феодальной раздробленности и доводят до начала XVIII в. (обычно – 1722 г.). Для данного этапа характерно отождествление государства с личностью царя. «Государю (царю) принадлежала верховная власть в стране и он, как самодержец, олицетворял собой государственное общенациональное начало» [7, с. 6–7]. Такое представление переносилось и на службу по управлению страной, поскольку ее корни лежат в отношениях, формировавшихся на базе княжеского хозяйства. По словам В.О. Ключевского, в то время «каждому званию соответствует известный постоянный круг правительственных дел, входящих вообще в состав княжеского хозяйства, потому что все удельное управление было, собственно, хозяйственное... должность остается учреждением единоличным» [8, с. 157].

Соответственно, возникновение «государственной службы» как особого рода управленческой деятельности, выходящей за рамки обслуживания хозяйственных интересов правителя и выполняемой специально

назначенными должностными лицами, можно связывать с моментом оформления Русского централизованного государства, т.е. со второй половиной XVI в.

Вместе с тем, особенности формирования государственного аппарата не позволили в полной мере осуществить переход от государевой службы к государственной. Причиной тому стало утверждение самодержавной формы правления (и управления), в рамках которой взаимоотношения правителя и подданных строились как отношения господина и вассала.

Показательно, что такой тип отношений складывается именно в период завершения формирования централизованного государства. Его базовый принцип формулируется Иваном Грозным – первым «официальным» русским царем: «...русские властители ни перед кем не отчитывались, но вольны были жаловать и казнить своих подданных... А жаловать своих холопов мы всегда были вольны, вольны были и казнить» [9, с. 136, 144].

Такого рода установки продолжали существовать на протяжении длительного времени, чему способствовала известная синкретичность государственного хозяйства, в котором царь не только олицетворял собой общенациональное начало, но и являлся крупнейшим феодалом-вотчинником. По мнению М. Б. Булгакова, «его (царя. – В. З.) личное хозяйство составляло часть национального достояния. Оно управлялось специальными приказами и, по мере необходимости, использовалось для общероссийских нужд, так же как и общенациональные (государственные) средства употреблялись для личных нужд царя» [7, с. 6–7].

Вопрос о разделении собственности монарха и государства может рассматриваться как ключевой при установлении грани между государевой и государственной службой, однако требует специального анализа. Исходным пунктом для такого разделения можно принять возникновение Кабинета е.и.в. Однако относительно окончательного размежевания государственной и кабинетской собственности существуют различные мнения. В частности, А.Н. Жеравина связывает этот процесс с передачей в собственность Кабинета Кольвано-Воскресенских заводов [10, с. 252], а М.Б. Булгаков – с принятием Учреждения об императорской фамилии [7, с. 7].

Для настоящей публикации важно констатировать, что этот процесс начался не ранее второй четверти XVIII в. В условиях отсутствия четкого размежевания императорского и государственного хозяйства не было возможности окончательно развести государеву и государственную службу. Поскольку вся страна могла рассматриваться как вотчина правителя, то, соответственно, всякая служба в ней становилась службой государевой.

Такой подход, как показано в публикации А.П. Черной [11, с. 31], зафиксирован уже в Соборном уложении 1649 г. и сохранялся в дальнейшем.

Если считать эталоном европейский вариант служебных отношений, то в России переход к государственной службе не завершился вплоть до 1917 г.,

поскольку в ней не сформировался один из важных элементов, характерных для государственной службы, – исполнение закона как смысл деятельности чиновника. До начала XX в. главной обязанностью государственного служащего являлась охрана интересов монарха. В ст. 706 Устава о службе гражданской указывалось, что «священный долг каждого служащего есть предостерегать и охранять, по крайнему разумению, силе и возможности, все к высокому его императорского величества самодержавству, силе и власти принадлежащие права и преимущества»¹. В то же время в Западной Европе «сложилось мнение, что вся деятельность чиновника должна строиться, исходя из государственных интересов, и чиновник, в случае необходимости, должен возражать монарху. В связи с этими новыми представлениями о стойкости чиновника в защите интересов государства, которая неизбежно была связана с определенным риском для его собственного положения, возникло и требование о необходимости гарантированного правового статуса для самого чиновника» [12, с. 37, 39, 41]. В России же чиновники зависели от своего непосредственного начальства больше, чем от закона. Начальству прямо вменялось в обязанность контролировать не только служебное, но и внеслужебное поведение подчиненных. Показательна в этом отношении знаменитая отставка «по третьему пункту», установленная в России в 1850 г.² Причем жалобы уволенных со службы «не только должны быть оставляемы без всякого действия и движения, но ни в Инспекторском Департаменте, ни в Правительствующем Сенате, ни в Комиссии Прошений не должны быть вовсе принимаемы к рассмотрению». Следовательно, даже если считать, что в России к XVIII в. произошел переход от государевой службы к государственной, то чиновники по-прежнему оставались слугами, прежде всего, государя, а не государства.

Таким образом, рассмотренный критерий не может быть признан достаточным основанием для периодизации развития гражданской службы в России. Мы предлагаем использовать в качестве такового изменение эффективности служебной деятельности, отраженное в требованиях, предъявляемых верховной властью к чиновникам.

Основанием для такого выбора может служить то, что именно задача повышения эффективности управления лежала в основе многочисленных реформ, происшедших в России в рассматриваемый период. В эффективном управлении нуждались и политическая власть, заинтересованная в оперативном и качественном проведении в жизнь ее установок, и население, поскольку эффективное управление позволяло, как правило, уменьшать расходы на содержание государственного аппарата, удовлетворять запросы населения и др.³

¹ Свод законов Российской империи. СПб., 1896. Т. 3: Свод уставов о службе гражданской.

² Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. 1825–1881 гг. (далее – ПСЗ. Собр. II). СПб., 1830–1881. Т. XXIV, отд. 2, № 24 606.

³ Детальное обоснование выбранного критерия и сопостав-

В этом плане первый этап развития государственной службы начинается с указа Ивана Грозного об ограничении местничества во время военных походов 1550 г., т.е. в тех случаях, когда ущерб от местных счетов был максимальным и требовались способные военачальники, хотя бы и не знатного происхождения. Эта линия выдерживалась и в начале XVII в., что и проявилось в росте числа неродовитых членов Боярской думы (думных дворян и дьяков).

Выбор начальной точки этапа может быть оспорен, она может быть перенесена на период правления Ивана III, принявшего, как известно, царский титул и осуществившего ряд шагов по усилению позиций великого князя как верховного правителя русских земель. Наше мнение обусловлено тем, что процесс формирования централизованного государства (в котором только и имеет смысл говорить о существовании государственной службы) включает несколько этапов. И если в период правления Ивана III в основном завершился этап «собираения земель», то развертывание второго этапа, в рамках которого формируется система внутренних связей (в том числе управленческих, делающих необходимым формирование собственно государственной службы), приходится на вторую половину XVI в. Именно в период правления Ивана IV формируется общегосударственная система управления, охватывающая высший, центральный и местный уровни (Боярская дума, приказы, губные и земские учреждения), требующая специальных работников, которые не всегда могут быть лично связаны с монархом, и особой системы отношений между политической властью и административным аппаратом, что и становится основой государственной службы.

Естественным завершением данного этапа может считаться отмена местничества 1682 г., с целью «совершенной в его государственных ратных и в посольских и во всяких делах прибыли и лучшего устройства» [13, с. 37].

Необходимо, впрочем, отметить, что сам по себе факт отмены местничества не вызвал принципиального улучшения управления. По мнению В. Нечаева, «воеводы, назначенные без мест, были так же бездарны и так же проигрывали сражения, как и те, которые размещались по полкам в порядке местнической иерархии. После реформы 1682 г. не замечается никакого прилива на государственную службу способных и честных людей» [14, с. 190]. Продолжалась и традиция отождествления государственной службы и службы царю. Военная, дипломатическая, приказная службы рассматриваются как «государское дело». Данный рубеж важен в плане признания невозможности создания эффективной государственной службы на основе «породы». Требовались иные основания, поиск которых происходил в рамках других этапов.

Первый этап охватывает около 150 лет и завершается к концу XVII в.

ление его с другими возможными критериями не входит в задачи данной статьи.

Второй этап характеризуется, главным образом, количественными изменениями, связанными с ростом числа государственных служащих, появлением новых сфер управления, требующих структурирования и согласования. В это время постепенно меняется характер чинов, которыми начинают награждаться не только лица, входящие в непосредственное окружение монарха либо оказавшие ему какие-то личные услуги, но и находящиеся на государевой службе (прежде всего военной), лично не связанные с царем. Эти изменения принято связывать с принятием Табели о рангах, но они прослеживаются и раньше. Так, первые пожалования в чины действительных тайных советников и тайных советников произошли в 1709 г., в надворные советники – в 1710 г. [15, с. 137]. Для дальнейшего развития государственной службы представляется важным и усиление сословной дифференциации, выделение дворянства, точнее – шляхетства, в качестве особого, благородного сословия, а не холопов государя, как было ранее. В 1721 г. членов царской фамилии стали называть благоверными, «понеже титуловаться благородством их высочествам по нынешнему употреблению низко, ибо благородство и шляхетству дается» [16, с. 235].

Одновременно повышаются квалификационные требования к гражданским служащим, что вместе с проведенной реорганизацией армии заставляет отдавать предпочтение принципу профессионализма против происхождения. Завершающим рубежом этого этапа можно считать принятие Табели о рангах – документа, сохранявшего свое значение вплоть до свержения монархии в 1917 г.

Значение Табели рассмотрено в отечественной исторической литературе [17–20], поэтому отметим лишь новые требования к уровню подготовки и квалификации государственных служащих (что можно рассматривать как одно из проявлений стремления к повышению эффективности государственной службы), зафиксированные в этом документе. К ним относятся зависимость присваиваемых рангов от заслуг должностного лица (пункт 3), дальнейшее разделение личности монарха и государства и, соответственно, выслуженного и жалованного дворянства (пункт 6), введение практической подготовки как условия для поступления на государственную службу (пункт 13).

Содержанием следующего этапа реформирования гражданской службы стало внесение изменений в структуру и практику реализации Табели о рангах. Задача обеспечения должной эффективности государственной службы в это время решалась в разных аспектах и нередко в контексте иных проблем. К их числу могут быть отнесены, например, борьба демократического и кастового начал (сословного и бессословного, статусного и компетентностного) в государственной службе, определение приоритетов в служебной карьере (заслуг или выслуги), а также их конкретизация в нормах закона.

Результатом этих процессов стало определение сроков выслуги, необходимых для производства в сле-

дующий чин, доминирование принципа выслуги как показателя квалификации при производстве в низшие классы Табели о рангах, а также установление минимального возраста, с которого начинался отсчет стажа службы⁴. Одновременно происходило уточнение новых характеристик гражданской службы, их согласование друг с другом. Одним из проявлений этого процесса стали законодательные акты, регламентирующие процедуру перехода из военной службы в гражданскую. Различия в порядке получения потомственного дворянства на военной и гражданской службе требовали детальной регламентации и контроля этого перехода⁵. В это же время вводятся ограничения на поступление в сферу государственной службы представителей купечества⁶ и на производство в чины гражданских служащих, не имеющих дворянства⁷.

Завершение этого этапа следует отнести к началу XIX в. Существующая традиция связывать рубеж с принятием Манифеста о вольности дворянству или Жалованной грамоты дворянству не показательна с точки зрения выбранного критерия, поскольку принятие данных документов не позволяет сделать однозначных выводов о повышении или снижении эффективности управления. С одной стороны, происходил отток с гражданской службы дворян и замена их лицами недворянского происхождения. О том, что подобные явления имели место, свидетельствует указ, принятый 20 апреля 1762 г., т.е. через два месяца после издания Манифеста. В этом документе, в частности, указывалось: «...в секретари произвождение чинить из приказных чинов, кои не из дворян, а в службе находятся без подозрения»⁸. В то же время Манифест о вольности дворянства мог сыграть некоторую роль в повышении эффективности государственной службы, поскольку им предусматривалась организация учета и контроль за обучением дворянских детей.

В качестве очередного рубежа в процессе реформирования гражданской службы более целесообразным представляется выбрать начало XIX в. – период, когда происходит значительное усиление требований к уровню квалификации гражданских служащих и вводится образовательный ценз для замещения определенных групп должностей. Начало этого этапа имеет смысл связать с указом «Об устройстве училищ», в пункте 24 которого указывалось, что «ни в какой губернии, спустя пять лет по устройении в округе, к которому она принадлежит, на основании сих правил, училищной части, никто не будет определен к гражданской должности, требующей юридических и других познаний, не окончив учения в общественном или частном училище»⁹. Затем последовал

не менее известный указ 1809 г., устанавливающий образовательный ценз при производстве в чины VIII и V класса¹⁰, а также указ от 14 октября 1827 г., определивший порядок обучения и деятельности канцелярских служащих¹¹. В рамках этого этапа происходит некоторое смягчение требований, предъявляемых к сословной принадлежности государственных служащих, и постепенно открывается доступ на гражданскую службу лиц из податных сословий, особенно при наличии специальной подготовки или по окончании учебного заведения. Эти принципы были зафиксированы в Своде законов Российской империи, в котором впервые была произведена систематизация законодательства о государственной службе.

Начало следующего (и одновременно конец предыдущего) этапа реформирования гражданской службы относится к 1890-м гг. При этом в качестве формального рубежа выбирается 1895 г. – дата создания комиссии по разработке нового Устава о службе гражданской¹². В подготовленном ею проекте предусматривались меры по повышению эффективности гражданской службы: отказ от чиновпроизводства за выслугу лет, учета сословного начала при поступлении на гражданскую службу и прохождении служебной лестницы и др. Глобальной целью проводимой реформы должно было стать создание государственной службы, способной эффективно функционировать в условиях быстрого развития буржуазных отношений, предъявлявших новые требования к качеству управления, и выдерживать конкуренцию с частной службой, в которой одним из главных требований к управленческим кадрам выступали квалификация и компетентность. Для обеспечения поставленной задачи не только повышалось требования к образовательному уровню поступавших на государственную службу, но и предполагалось введение так называемой подготовительной службы, имевшей целью дать необходимую практическую подготовку для выпускников учебных заведений. Более подробно содержание этого этапа реформирования государственной службы раскрыто в одной из наших публикаций [21].

Точную дату завершения работы комиссии установить сложно, но работа над проектом нового устава продолжалась до начала Первой мировой войны, в условиях которой дальнейшая реформа гражданской службы оказалась невозможной.

Таким образом, используя критерий эффективности гражданской службы¹³, в рассматриваемый период можно выделить следующие этапы реформирования гражданской службы:

1) середина XVI – конец XVII вв.;

⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. 1649–1825 гг. СПб., 1830. (Далее – ПСЗ. Собр. I). Т. XI, № 8195; Т. XV, № 11 066 и др.

⁵ ПСЗ. Собр. I. Т. IX, № 6836; Т. XI, № 8049.

⁶ Там же. Т. XII, № 8951.

⁷ ПСЗ. Собр. I. Т. VII, № 4449.

⁸ Там же. Т. XVI, № 11 510.

⁹ Там же. Т. XXVII, № 20 597.

¹⁰ Там же. Т. XXX, № 23 771.

¹¹ ПСЗ. Собр. II. Т. II, № 1469.

¹² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1200. Оп. 1. Д. 1. Ч. 1, 2; Д. Прил. 1. Л. 34–34 об. и др.

¹³ Данный термин используется здесь в широком смысле слова, без учета различий между государевой и собственно государственной службой.

- 2) начало XVIII – 20-е гг. XVIII в.;
- 3) вторая половина 20-х гг. XVIII в. – конец XVIII в.;
- 4) начало XIX в. – конец 80-х гг. XIX в.;
- 5) 1890-е гг. – 1917 г.

Предложенная периодизация реформирования гражданской службы не является единственно возможной, но использование иных критериев (например, изменение критериев поступления на службу или статуса должностных лиц) требует самостоятельных исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буравлев Ю.М. Реформы государственного управления и государственной службы в России. М., 2006. 238 с.
2. Вороников А.А. Бюрократия в Российском государстве: историко-теоретический анализ. Саратов, 2004. 320 с.
3. Мельников В.П., Нечипоренко В.С. Государственная служба в России: отечественный опыт организации и современность. М., 2003. 506 с.
4. Оболонский А.В. Кризис бюрократического государства. Реформы государственной службы: отечественный опыт и российские реалии. М., 2011. 448 с.
5. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 2003. Т. 1. LX+548 с.; Т. 2. 583 с.
6. Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII в.: эволюция бюрократической системы. М., 2007. 743 с.
7. Булгаков М.Б. Государственные службы посадских людей в XVII в. М., 2004. 348 с.
8. Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. М., 1989. Т. VI: Специальные курсы. 476 с.
9. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1981. 430 с.
10. Жеравина А.Н. Кабинетское хозяйство в Сибири (1747–1861 гг.). Томск, 2005. 324 с.
11. Черная Л.А. От идеи «служения государю» к идее «служения отечеству» в русской общественной мысли второй половины XVII – начала XVIII в. // Общественная мысль: Исследования и публикации: ежегодник. М., 1989. Вып. 1. С. 28–43.
12. Правовые основы государственной службы в Германии / сост. Р. Зуммер, К.-П. Пюлер; пер. на рус. яз. Р. Вульфвич. СПб.; Мюнхен, 2001. 396 с.
13. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. М., 1986. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма. 512 с.
14. Нечаев В. Царствование Федора Алексеевича и царевны Софьи // Три века. М., 1992. Т. IV. 575 с.
15. Порай-Кошиц И. История русского дворянства от IX до конца XVIII века. СПб., 1900; М., 2003. 328 с.
16. Романов-Славянский А. Дворянство в России. СПб., 1870; М., 2003. 328 с.
17. Атаманчук Г.В. Сущность государственной службы: история, теория, закон, практика. М., 2003. 272 с.
18. Берендтс Э.Н. О прошлом и настоящем русской администрации (записка, сост. в дек. 1903 г.). М., 2002. 280 с.
19. Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство. Формирование бюрократии. М., 1974. 396 с.
20. Шенелев Л.Е. Чиновный мир России. XVIII – начало XX в. СПб., 2007. 477 с.
21. Зубов В.Е. Реформа гражданской службы в России (конец XIX – начало XX века). Новосибирск, 2005. 368 с.

Статья поступила
в редакцию 02.02.2013

УДК 94(093)«18/1917» 316.342.4.

А.Ю. КОНЕВ

О ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ПРОЕКТЕ УСТАВА ОБ УПРАВЛЕНИИ ИНОРОДЦЕВ: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

канд. ист. наук,
Тюменский государственный
нефтегазовый университет
e-mail: aldimoks@mail.ru

В настоящей статье автор на основе изучения соответствующих архивных источников излагает свою версию появления подготовительного варианта Устава об управлении инородцев, сохранившегося в фонде I Сибирского комитета. Пересмотрено мнение об отнесении данного проекта к 1798 г. и обосновывается иная его датировка. Проведен анализ ключевых положений рассматриваемого документа.

Ключевые слова: история российского законодательства, законопроект, инородцы, М.М. Сперанский, Сибирь.

Изучение историко-правового положения ясачных народов Сибири в Российской империи проводится в тесной связи с основополагающим документом в этой сфере – Уставом об управлении инородцев. Трактуют идеи разработчиков, понятийный аппарат, правовые нормы этого законодательного акта, исследователи,

как правило, опираются на окончательный вариант Устава, высочайше утвержденный в Петергофе 22 июля 1822 г. Александром I¹. Вместе с тем вопросы исто-

¹ Полное собрание законов Российской империи 1-е собр. Т. XXXVIII. СПб., 1830 (далее – ПСЗ). № 29126.

рии и источников его создания, имеющие значение для понимания эволюции правительственного взгляда на социально-правовой статус разнообразных категорий инородческого сибирского населения остаются недостаточно изученными. Тем не менее, в историографии по этой теме сложилась определенная литература, сформировались точки зрения, анализом которых я предваряю рассмотрение самого проекта, ставшего основой для будущего Устава.

Зарождение идеи дать инородцам новое учреждение В.И. Вагин связывает с практической деятельностью М.М. Сперанского на посту сибирского генерал-губернатора, связанной с урегулированием споров и жалоб между представителями хоринских бурятских родов. Собрав в Верхнеудинске 5 марта 1820 г. в следственную комиссию главных родоначальников; генерал-губернатор произнес перед ними речь. Цитируя дневник Сперанского, обнаруженный в рукописях Императорской публичной библиотеки, В. Вагин сообщает о том, что в этой речи Михаил Михайлович выразил намерение, с целью пресечения беспорядков и злоупотреблений в управлении хоринцев, «составить общее и подробное об управлении сих родов положение». В положении должны были быть определены пределы власти тайшей и родоначальников, образ действий родовой конторы, ее обязанности по суду, расправе и сбору повинностей [1, с. 266, 269]. Указывая на «следы этой мысли в общем инородческом учреждении», Вагин обнаруживает их в факте введения Степной думы как органа хозяйственного управления, которая предусматривалась именно для хоринских бурят [1, с. 270]. Немаловажным, в контексте интересующего нас вопроса, представляется указание В. Вагина, со ссылками на труд М.А. Корфа, на роль Г.С. Батенькова в работе (по планам и под надзором Сперанского) над составлением «общего устава о сибирских инородцах» [1, с. 134–135; 2, с. 228].

Мнение Корфа и Вагина о том, что замысел создания особого учреждения о ясачных народах возник в ходе ревизии дел сибирского управления Сперанским получило развитие в советской историографии. В.Г. Карцов попытался обосновать определяющую роль Батенькова и идей будущих декабристов в формулировке основополагающих положений Устава об управлении инородцев [3]. Эта точка зрения нашла свое отражение в X главе второго тома обобщающего академического труда по истории Сибири, автором первых трех параграфов которой был Карцов [4, с. 458, 460–461]. Здесь также дана краткая характеристика Положения в подтверждение и восстановление действия узаконения и правил по предметам иноверческого и сельского управления – иркутского губернатора Н.И. Трескина и проекта березовского городничего Барташевича, касавшегося ясачного населения севера Тобольской губернии. Первый документ появился в 1812 г., второй относится, по-видимому, к самому началу XIX в. Карцов противопоставляет их прогрессивным идеям инородческого Устава, рассматривая эти документы как «феодално-охранительные» [4, с. 452–453].

По мнению Л.М. Дамешека, «Положение» Трескина «отражало интересы потомственной родовой знати», являвшейся опорой самодержавия и вместе с ним угнетавшей рядовых улусников [5, с. 33]. В записке Барташевича предлагалось оградить аборигенов севера Тобольской губернии в максимально возможной степени от внешнего влияния для обеспечения успешного сбора ясака. Н.А. Миненко отмечает, что при всей привлекательности этого проекта для властей «они хорошо понимали его неосуществимость в новых условиях» [6, с. 251–252]. Тем не менее в своей характеристике Устава Н.А. Миненко всячески подчеркивает его консервативную направленность, не соглашаясь с оценками В.Г. Карцова и Л.И. Светличной. Критикуя разработчиков реформы, она отмечает поспешность их законотворческих решений, не подкрепленных тщательным изучением быта ясачного населения Северо-Западной Сибири и состояния дел по управлению им [6, с. 253–255].

Важным шагом в исследовании совокупности идеологических, фискальных и административных мотивов правительственных кругов при реформировании системы управления народами Сибири стала статья А.А. Хоч [7]. Опираясь на архивные материалы, ранее не вводившиеся в научный оборот, исследователь приходит к выводу о том, что основные принципы, на которых создавался Устав, были сформулированы Сперанским. Батеньков руководствовался именно этими принципами, работая над проектом Устава [7, с. 44]. В качестве источников, которые были использованы последним, названы статистические отчеты, данные ревизских переписей, устные сообщения, выписки из сибирских летописей, материалы ревизий управления ясачными народами отдельных районов Сибири периода генерал-губернаторства Сперанского. Сохранился черновой вариант статьи «О Якутской области», подготовленный Батеньковым в 1819–1820 гг., в котором содержались конкретные предложения по улучшению положения коренного населения, нашедшие затем, по мнению Хоч, свое отражение в Уставе [7, с. 45].

Таким образом, при наличии существенных разногласий в оценке характера и идеологии Устава, степени проработанности его положений и соответствия сибирским реалиям, ни один из вышеназванных исследователей не поставил под сомнение принадлежность замысла его создания от начала и до конца Сперанскому и Батенькову. Но никто из этих историков не указал и на какой-либо подготовительный вариант Устава. Обращая внимание на некоторые проекты местных администраторов в сфере управления коренными народами, исследователи рассматривали их как возможные источники для разработчиков сибирской реформы 1822 г.

В 1978 г. в своей монографии, посвященной правовому положению народов Восточной Сибири, М.М. Федоров впервые обратился к черновому проекту Устава об управлении инородцев, который обнаружил в фонде I Сибирского комитета. Основанием для его датировки стала указанная на переплете дела

запись: «начато ___ 1798 ___ года»² [8, с. 179]. В 1994 г. он опубликовал статью, в которой подробно охарактеризовал первоначальные варианты Устава [9, с. 58–62]. М.М. Федоров попытался логически связать их возникновение с нереализованным проектом «Правам третьего или нижнего рода государственных жителей», составной частью которого был раздел «Права кочующих народов» [10, с. 275–286], подготовленный в 1769 г. одной из частных комиссий, работавших над составлением нового Уложения. В обнаруженных им черновиках Устава он отметил разделение народов Сибири только на две категории: живущие в городах и селениях и кочующие. Кочующие рассматриваются в них как особое сословие, они получали право продавать продукты своей выработки и промыслов. Это перекликалось с положениями соответствующей главы «Прав третьего рода государственных жителей». Вследствие этого Федоров пришел к заключению, что «еще в конце XVIII в. русские праведы предпринимали попытки составить “Устав о сибирских инородцах”». Такое сенсационное утверждение имело своим следствием и другой не менее важный вывод, что уже в конце XVIII в. была выдвинута «необходимость узаконения термина “инородцы” в качестве общего юридического наименования коренных жителей Сибири» [9, с. 59]. Эти предположения фактически означали, что Сперанский и Батеньков только доработали некий ранее созданный документ, заимствуя его основные идеи и терминологию. При этом они нигде о нем не упомянули, как и другие члены Сибирского комитета, имевшие отношение к обсуждению представленных Сперанским законопроектов. Подобные выводы должны были вызвать, как минимум, сомнения.

Тем не менее точка зрения якутского исследователя о первых шагах по закреплению термина «инородцы» в российском законодательстве была воспринята в зарубежной историографии. Соответствующие указания можно найти в широко известной публикации Дж.У. Слокума [11, р. 178] и в статье «Инородцы» Дж.Д. Клиера, подготовленной для *Encyclopedia of Russian History*, размещенной в электронной версии «Gale Virtual Reference Library»³.

Замечу, что зарубежные авторы оказались не знакомы с результатами изучения вышеназванных законопроектов томским историком В.Г. Марченко. Он пришел к совершенно иному заключению, полагая, что найденные Федоровым проект Устава о сибирских инородцах и проект Положения сибирских инородцев были черновыми вариантами собственно самого Устава об управлении инородцев 1822 г., составленного Сперанским и Батеньковым в 1820–1821 гг., а помечены 1798 г. ошибочно [12, с. 154–155]. Правда, его аргументация не носила развернутого характера, так как он, видимо, считал ошибочность оспоренного им

мнения очевидной. Отмечены лишь близость текстов проектов и Устава и наличие в деле записей об использовании составителями других документов. Для него остались неясными два вопроса – кто автор этого варианта и можно ли считать данный вариант первоначальным [12, с. 155–156].

Мнение В.Г. Марченко не оказало заметного влияния и на отечественных исследователей законодательной политики XIX в. в Сибири. Так, в диссертационной работе О.Д. Максимовой точка зрения М.М. Федорова не отвергается окончательно⁴, а в работе А.В. Сивковой принимается уже как установленный факт⁵. О.Д. Максимова подробно анализирует проекты Устава, уточняя их наименования: Учреждение о сибирских инородцах, Положение о сибирских инородцах. Она отмечает использование термина «инородцы», сомневаясь в его употреблении ранее начала 1820-х гг., указывает на дословные совпадения больших фрагментов текста проектов и самого Устава и на сходство структур этих документов, обращает внимание на отсутствие указаний на авторство проектов. Ее итоговый вывод весьма осторожен – нельзя с уверенностью утверждать, «что документы действительно были составлены в конце XVIII века», равно как и то, что это «рабочие проекты, составленные М.М. Сперанским и его помощниками»⁶. Другими словами, вопрос оставлен открытым.

Таким образом, в историографии имеются две противоположные точки зрения на время и обстоятельства появления первоначального проекта Устава об управлении инородцев. Налицо явные проблемы с внешней критикой соответствующего источника: не установлены место его появления, авторство исходного текста и внесенных в него правок, не ясно, на чем основана датировка, указанная в архивной описи и на обложке дела.

Чтобы попытаться прояснить эти вопросы, обратимся к самому источнику. Сразу отмечу, что записи с названием дела и датой его начала «1798» на лицевой стороне переплета относятся, судя по всему, к периоду 1950–1960-х гг. Первое, что бросается в глаза, это невнятный начальный протокол документа и отсутствие конечного протокола. Указанная дата нигде в тексте не встречается. То есть, нет никаких прямых указаний на время подготовки текста и на имя его автора/составителя или переписчика. Все это, в совокупности с многочисленными исправлениями и записями на полях, ясно указывает на черновой, рабочий характер исследуемого источника. Второе, что явно обнаруживается, это два различающихся почерка, которыми выполнены разные фрагменты документа. Первым, крупным и аккуратным (обозначим его литерой «А»), написан

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1264. Оп. 1. Д. 264.

³ *Klier J.D. Inorodtsy // Gale Encyclopedia of Russian History. URL: <http://www.answers.com/topic/inorodtsy> (дата обращения: 04.04.2013).*

⁴ *Максимова О.Д. Правовое регулирование общественных отношений якутов в Российской империи в XIX – начале XX века : дис. ... канд. юр. наук. М., 1998. С. 45–46.*

⁵ *Сивкова А.В. Сибирь в системе имперского законодательства в 70-е годы XVIII – 80-е годы XIX в. : дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2007. С. 205.*

⁶ *Максимова О.Д. Указ. соч. С. 46.*

первоначальный текст, подвергавшийся правке, в том числе «Введение» (л. 4–6 об. и 10–12 об.), глава «Разделение» части первой «О правах инородцев» (л. 7–9 об.) и текст «Положения о сибирских инородцах» (л. 99–200 об.). Во введении обосновывается необходимость подготовки правового акта, четко определяющего права и обязанности «племен, которые ныне известны под общим именем ясашных», состав их управления и правила для сбора с них повинностей. Другим, более мелким и небрежным, почерком (обозначим его литерой «Б») на л. 2–3 изложен план, «по которому Учреждение о сибирских инородцах может быть составлено», выполнены правка по всему документу и фрагмент с наброском Положения о сибирских инородцах (с л. 14). Им же написан л. 1, о содержании которого речь пойдет ниже.

Следует обратить внимание, что в тексте документа в отношении содержащегося законопроекта нигде не употребляется слово «Устав». Нет никаких признаков наличия двух проектов с различными наименованиями, как полагали наши предшественники. Есть несколько правленных вариантов Положения о сибирских инородцах, т. е. речь в данном случае может идти только об одном проекте.

Наиболее интересной для датировки и установления круга источников рассматриваемого документа является информация, содержащаяся на л. 1, которая почему-то не была внимательно проанализирована предшественниками. Этот лист имеет отличную от всех последующих пагинацию в виде римской, а не арабской цифры. Он изначально являлся титульным и, до появления нового переплета, фактической обложкой дела. В пользу этого свидетельствует наличие записи в самом верху «Г^{ви} Сибирский Комит[ет]» и штампов с прежними названиями РГИА – «Центральный архив внутренней политики, культуры и быта» и «Ц.Г.И.А.». На данном листе множество дефектов, текст местами утрачен. Заголовок имеет следующий вид: «Отделение II», «Разряд IV. (Основания к образованию управления особенных частей в Сибири)». «Статья I. Основания к образованию управления сибирскими инородцами», он содержит перечень документов, послуживших, судя по всему, основными источниками для разработки проекта:

№ 1. Инструкция секунд-майору Щербачеву 4 ию[ня] 17[63] года.

2^и. 7...ие товарища герольдмейстера Краснопеvk[ова] (... 1821) с копию/ями с проекта Грамоты ... бурятам на земли, и с известия ... в Герольдию.

[3^и]. Д[он]есение Хоринскоготайши Галсанова (4 Апр[еля] 1820 [с] описью и рисунком знамен, пожалованных Хо[рин]ским бурятам Императором Петром II^м.

4^и. Записка о ясачных Березовского края (Го[родничего] Баргашевича).

5^и. Выписка из дел Пестеля о то[рговле] с инородцами в Тобольской губернии.

⁷ Здесь и далее: многоточием обозначены утраченные и трудно читаемые фрагменты текста.

6^и. Программа составления сведений о законах и [обычаях] инородцев.

7^и. Сообр[ажения] по ... сибирских [инород]цев (в осо...ие).

8^и. ...[иноро]дцам (тоже).

9^и. Собрание сведений об инородцах Иркутской губернии.

Этот перечень дает основания для определения времени его составления. Чтобы точнее датировать записи на этом листе, выполненные, скорее всего, позднее, чем основной текст анализируемого источника, следует обратить внимание на дату появления одного из наиболее поздних документов из вышеприведенного списка. Таковым я считаю некий документ с копией проекта грамоты (жалованной) хоринским бурятам на земли, представленный товарищем герольдмейстера Краснопекковым. Он относится к 1821 г. и, вероятнее всего, был получен составителями интересующего нас законопроекта уже в Петербурге. Жаль, что месячная дата стерлась от времени. Как известно, Сперанский прибыл в столицу 22 марта 1821 г. [13, с. 275]. Таким образом, текст на л. 1 может быть датирован не ранее 23 марта 1821 г.

Еще одна не замеченная исследователями дата имеется на предпоследней странице (л. 200) документа. В форме квитанции на прием-сдачу ясака, которая, кстати, практически полностью совпадает с той, что будет закреплена в Уставе 1822 г., указан «1821 год». Данный фрагмент текста, как я отмечал выше, выполнен почерком «А», это та часть рукописи, которая подвергалась правке и была создана ранее текста на л. 1. Все это является бесспорным доказательством того, что рассматриваемый документ возник в самом начале 1820-х гг., а не в конце XVIII в.

Подготовка проекта будущего Устава, который первоначально разработчики именовали Положением, началась еще в Сибири. При этом следует учесть, что должно было пройти какое-то время, чтобы мысль Сперанского, высказанная в марте 1820 г., о намерении создать такое положение для хоринцев «уступила место более обширному плану» [1, с. 269]. Реальной работой над сибирским учреждением и большей частью его особенных уставов и положений реформаторы смогли вплотную заняться только в Тобольске с ноября 1820 г., когда у них для этого появилось время и, самое главное, были в основном собраны все необходимые материалы. Текст, выполненный почерком «А», подготовлен, скорее всего, в конце 1820 г. в расчете на то, что законопроект будет рассмотрен и утвержден в следующем году. Известно, что Сперанский и Батеньков, завершив все дела по ревизии дел сибирского управления и находясь в Тобольске, ожидали разрешения на отъезд в начале 1821 г. [14, с. 114–115, 258–259]. Правка текста (почерк «Б») могла начать осуществляться в январе этого же года, но, вероятнее, уже после приезда Сперанского в Петербург, куда он отбыл 8 февраля [13, с. 272]. Закончена же подготовка проекта Положения, на мой взгляд,

была к моменту официального учреждения в июле 1821 г. I Сибирского комитета.

Почему я связываю правку текста этого первоначального проекта именно со Сперанским. Дело в том, что сравнение почерка «Б» с образцами почерков Батенькова⁸ и Сперанского⁹ выявляет существенное отличие от первого и сходство, позволяющее идентифицировать его именно с последним. Следует также учесть, что Батеньков, покинув Сибирь, отбыл в отпуск, на время расставшись со Сперанским, и появился в Петербурге только осенью. Вносить правки в документ на данном этапе не мог кто-то другой, кроме Сперанского. Почерк «А» не принадлежит ни тому, ни другому. Это вполне объяснимо – чистовые тексты выполняли канцеляристы из круга ближайших помощников сибирского генерал-губернатора или кто-то из чиновников, состоявших при Батенькове, о которых упоминает Корф [2, с. 208]. Полагаю, что первичный вариант проекта будущего Устава, подготовленный, по мнению ряда исследователей, Батеньковым, затем, в переписанном виде, был отдан на прочтение и исправление Сперанскому.

Заключение относительно принадлежности почерков, которыми выполнен документ, приводит к выводу о том, что ключевая часть законопроекта, связанная с распределением народов Сибири по категориям и определением основ их социально-правового статуса, в ее окончательном виде являлась плодом мысли Сперанского. Первоначальная идея о «двух классах» инородцев («живущих в городах и селениях» и «кочующих»)¹⁰ заменяется идеей их деления на три разряда. Во втором варианте Положения глава «Разделение» подверглась существенной переработке. На полях содержится запись, по нашему предположению, сделанная рукой Сперанского:

Все обитающие в Сибири инородные племена, то есть коренные сей страны жители не Российского происхождения, именуемые по ныне ясашиными, по различному степени их гражданского образования и по настоящему образу жизни, разделяются на три разряда: в первый разряд включаются оседлые, то есть живущие в городах и селениях; во второй кочевые, занимающие определенные места, по временам года перемещаемые; в третий бродячие или ловцы, беспрестанно переходящие с одного места на другое, по рекам и урочищам¹¹.

В таком виде, с некоторыми поправками, § 1-й главы части 1-й предстанет в «Уставе об управлении инородцев»¹². Этот фрагмент интересен тем, что здесь не просто закрепляется, а впервые определяется поня-

⁸ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 20. К. 5. Ед. хр. 16; К. 6. Ед. хр. 19. Автор благодарит за помощь в поиске этих документов и ценные консультации канд. ист. наук В.Д. Юшковского и главного хранителя ОР РГБ О.Л. Солюмину.

⁹ РГИА. Ф. 1251. Оп. 1. Ч. 1. Д. 9. Л. 122, 130 об.; Д. 85. Л. 2–7 об.

¹⁰ Там же. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 264. Л. 7–9.

¹¹ Там же. Л. 99.

¹² ПСЗ. № 29126. С. 394.

тие «инородцы». Причем формулировка этого определения шире той, что содержится в самом Уставе, в котором фраза «то есть коренные сей страны жители не Российского происхождения» опущена.

Само употребление термина «инородцы» может служить признаком, указывающим на нижнюю хронологическую границу исследуемого источника. Насколько можно судить по документам, опубликованным В. Вагиным, и тем источникам, что обнаружены мною в архивах¹³, Сперанский, в период своего генерал-губернаторства в официальной переписке, при составлении каких-либо других проектов или записок не использовал данный термин до начала 1821 г. Показательным в этом отношении может быть текст проекта «Положения правил о разборе исков между крестьянами и ясашиными», направленный Сперанским в августе 1820 г., после его обсуждения в Иркутском губернском правлении, на рассмотрение Тобольскому губернскому правлению¹⁴. Как известно, он стал основой для «Положения о разборе исков по обязательствам, заключаемых в Сибирских губерниях обывателями разных сословий»¹⁵. Томский историк Л.И. Шерстова заметила, что, по свидетельству современников, слово «инородцы» было введено в широкий оборот по инициативе Батенькова [15, с. 129]. Но она не назвала ни одного источника, который бы это подтверждал. Вышеприведенные факты не опровергают полностью такое допущение. Они говорят лишь в пользу того, что определение понятия «инородцы» вышло из-под пера Сперанского в 1821 г. Вообще, история появления данного термина в российской политико-правовой лексике требует дальнейшего изучения, так как имеющиеся по этому вопросу работы не прояснили до конца всех обстоятельств его зарождения и применения.

Итак, по результатам проведенного исследования можно с уверенностью утверждать, что рассматриваемый документ является первым, рабочим проектом будущего Устава об управлении инородцев, но подготовлен он в самом конце 1820 г. – первой половине 1821 г., а не в 1798 г., на чем настаивал Федоров. В интересующем нас деле содержатся редакции одного проекта, а не двух, как ранее считалось. Он назывался «Положение о сибирских инородцах» и был разработан под руководством и при непосредственном участии Сперанского. Мнение о попытке узаконения в конце XVIII в. термина «инородцы» в качестве юридического наименования коренных народов Сибири также не находит своего подтверждения.

Причину ошибки в датировке данного архивного дела предстоит еще выяснить. Выскажу лишь предположение, что, возможно, произошло это по формальному признаку. Наличие под № 1 инструкции Щербачеву в перечне документов, указанных на листе I (он

¹³ Напр.: РГИА. Ф. 1251. Оп. 1. Ч. 1. Д. 24; Государственный архив в городе Тобольске (ГА в Тобольске). Ф. 329. Оп. 12. Д. 22. Л. 1–19.

¹⁴ ГА в Тобольске. Ф. 329. Оп. 12. Д. 22. Л. 5 об. – 17.

¹⁵ ПСЗ. №. 29134.

являлся до 1960-х гг. титульным), стало ориентиром для архивного работника, определявшего начальную дату документа. Но так как последние две цифры во фрагменте «1763 года» имеют на указанном листе характер угасающего текста, они, вероятно, были прочитаны как 1798 г. и внесены на тот переплет дела, в котором оно находится до настоящего времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вагин В. Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год. СПб., 1872. Т. 1.
2. Корф М.А. Жизнь графа Сперанского : [в 2 т]. СПб., 1861. Т. II.
3. Карцов В.Г. Организация управления народов Сибири и декабристы // Калининский государственный педагогический институт им. М.И. Калинина. Кафедра истории. Калинин, 1962. С. 118–134. (Учен. зап.: Т. 26).
4. История Сибири с древнейших времен до наших дней. Л., 1968. Т. 2.
5. Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма в России и народы Сибири XIX – начало XX века. Иркутск, 1986.
6. Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в.: историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975.
7. Хоч А.А. Административная политика М.М. Сперанского в Сибири и «Устав об управлении инородцев» 1822 г. // Вестник Моск. ун-та. Серия 8: История. 1990. № 5. С. 40–49.
8. Федоров М.М. Правовое положение народов Восточной Сибири. Якутск, 1978.
9. Федоров М.М. О первых проектах закона о правовом положении народностей Сибири // Сборник научных трудов Якут. гос. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. Якутск, 1994. С. 54–62.
10. Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1882. Т. 36.
11. John W. Slocum. Who, and When, Were the Inorodtsy? The Evolution of the Category of «Aliens» in Imperial Russia // The Russian Review. 1998 (April). Vol. 57, N 2. P. 173–190.
12. Марченко В.Г. Система управления сибирскими аборигенами в «Уставе об управлении инородцев» 1822 г. // Археология и этнография Приобья : сб. науч. стат. Томск, 1982. С. 153–164.
13. Томсинов В.А. Светило российской бюрократии: Исторический портрет М.М. Сперанского. М., 1991.
14. Юшковский В.Д. Батеньков в Томске. Томск, 2007.
15. Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. Новосибирск, 2005.

Статья поступила
в редакцию 29.01.2013

УДК: 93/94(47).083

И.В. ВОРОНЦОВА

«СВОБОДНОЕ ХРИСТИАНСТВО» ЕПИСКОПА МИХАИЛА (СЕМЕНОВА) И «СОЦИАЛЬНЫЕ» ПРОГРАММЫ 1905–1915 гг.

канд. ист. наук, канд. богосл.,
Православный Свято-Тихоновский
гуманитарный университет,
г. Москва
e-mail: irinavoronc@yandex.ru

Религиозный реформизм проявляется в периоды исторического обновления. В России в 1905 г. в реформистских структурах появились группы «свободного» или «социального христианства». Один из его руководителей еп. Михаил (Семенов) планировал создать новую, свободную церковь. Свободное христианство опиралось на программы, которые имели религиозное обоснование социальных требований. Какая из программ принадлежала Михаилу (Семенову)? Почему «неохристиане», поддержавшие «голгофское христианство», затем отказались от содействия «голгофцам»? Автор сопоставляет варианты программ и решает эти вопросы.

Ключевые слова: еп. Михаил (Семенов), свободное христианство, голгофские христиане, религиозный реформизм.

Прецеденты религиозного реформаторства в истории государств возникают в периоды социально-политической напряженности, когда представители духовенства также начинают вести политически ориентированную общественную деятельность. Такие периоды внутривластной активности влекут за собой попытки пересмотра церковно-государственных отношений, идея реформ в Церкви эксплуатируется гражданским обществом, где возникают группы деструктивного направления, воспринимающие ради-

кальные религиозные и революционные идеи, пропагандирующие их, но не способные решить ни одну из существенных для современности проблем. Таким явлением вскоре после 1905 г. стало «свободное» или «социальное христианство». В его популяризации сыграл видную роль С.Н. Булгаков [1, с. 16], в 1905–1907 гг. увлекшийся идеей создания «союзов христианской политики», издававший газету «христианских социалистов» «Народ», а также В.Ф. Эрн и В.В. Свенцицкий – издатели журнала «Живая жизнь», организаторы

«Христианского братства борьбы»¹, куда был приглашен доцент СПбДА, архимандрит Михаил (П.В. Семенов).

В последние годы «социальное христианство» в рассматриваемом нами контексте исследовалась философами² и историками³ или комментировалась в контексте творчества Михаила (Семенова) [2; 3] – руководителя одного из его направлений (голгофского). Значительный материал о Семенове собран в апологетических работах Н. Дзюбенко [4] и Д.А. Головушкина [5]. Последний разделил период увлечения Михаила (Семенова) «свободным» христианством на «социальный» и «голгофский» (считая, что в «социальном христианстве» архим. Михаил разочаровался). Очевидно, ученый считает «голгофское христианство» самостоятельным движением, но как классифицирует его – осталось не понятным. Между тем исторические документы (программы) истории развития этого направления, на треть состоят из социальных пунктов. Религиозные разделы выполняют функцию «обслуживания» идеи социального освобождения и имеют нравственно-этическое содержание⁴. Наиболее достоверно и полно «социальное христианство» представлено в книгах и статьях самого Михаила (Семенова) [6; 7]. Религиоведческий анализ «социального христианства» в его трактовке подробно проведен в «Собрании статей по делу епископа Михаила Канадского» [8]. В нашей статье это явление рассматривается на материале достаточно полно выразивших его «Программ» – ХББ, русских христианских социалистов, «Исповеданий» голгофского христианства и самого епископа Михаила.

ХББ было «первой попыткой создать в России христианскую политическую организацию» [9, с. 3]. Наряду с политическими, оно преследовало религиозно-реформистские цели [Там же, с. 9, 11]. Причем ХББ переняло ряд неохристианских идей (например, об «освящении» Христом всех проявлений человеческой жизни и прогресса; мертвенности исторического христианства, создании христианской общественности [Там же, с. 21]). Проект программы представлял собой религиозную проповедь с конкретизацией общественной задачи на последнем, 12-м пункте. Программа состояла из реформистских религиозных и социальных пунктов, идеалом отношений политических, общественных и экономических объявлялась Церковь [Там же, с. 22]. Социальная часть гласила о необходимости устранения частной собственности, обобществления

орудий производства, отмены эксплуатации, религиозная требовала демократизации в Церкви, свободы в богослужбных чинах, отмены наказаний за религиозные преступления и духовной цензуры, отделения Церкви от государства, созыва Собора [Там же, с. 22–28.]. В «политической» и «экономической» частях значились характерные для 1905 г. Учредительное собрание, демократическая республика, гражданские свободы, в том числе совести, отмена статуса царя как «помазаника Божия», переход земли в собственность трудящихся, 8-часовой рабочий день.

Архимандрит Михаил участвовал в ХББ как проповедник в среде рабочих. До 1905 г. его публикации и проповеди отвечали духу и букве церковного христианства и успешно противостояли популярным докладам в ПРФО⁵ «неохристиан» о церковном и религиозном обновлении⁶. Пока никому не удалось объяснить, что заставило архимандрита Михаила (Семенова) стать сторонником «неохристианства» в 1907–1910 гг.⁷ Д.А. Головушкин и С.Л. Фирсов по-разному объясняют причины его увлечения религиозным реформизмом: Фирсов видит в нем форму противодействия «церковному радикализму “белых священников”», желавших реорганизовать церковный строй «на началах первых веков христианства» и «осуществить идеалы соборности во всех отраслях церковной жизни» [3, с. 325.]. Головушкин отмечает то же самое как область идеалов самого Михаила (Семенова)⁸, а причины видит в *прогрессивности* архимандрита. Вряд ли такая полярность мнений является свидетельством их обоснованности. К 1905 г. Михаил (Семенов) был на пике популярности как религиозный писатель⁹, подпись его под запиской «32-х петербургских священников» о необходимости церковных перемен говорит о его присоединении к церковно-реформаторскому движению. В 1906 г. он рассуждал о разнородности христианства и социализма и одновременно цитировал компромиссные высказывания К. Каутского о том, что можно быть «хорошим христианином и... питать горячее сочувствие к классовой борьбе пролетариата» [7, с. 15]. Разделив христианство и Церковь, «закон Евангелия» от «законодателя Христа», Михаил (Семенов) нашел, что христианин может идти к Христу и через социал-демократию. Идеи французского «социалиста» Ф. Ламенне [10] подсказали ему направление деятельности – «социальное христианство» [11, с. 9–10]. Признаваясь в своих книжках, что ему не дает покоя «зло мира», он решал стать социалистом, чтобы бороться с «мамо-

¹ Далее – ХББ.

² *Останина О.В.* Обновленчество и реформаторство в Российской православной церкви в начале XX века : дис. ... канд. филос. наук. Л., 1991; *Шиманская О.К.* Социальная проблематика Петербургских религиозно-философских собраний 1901–1903 гг. и современное богословие : дис. ... канд. филос. наук. Нижний Новгород, 1995.

³ *Головушкин Д.А.* Обновленческое движение в Русской Православной Церкви в 1905–1925 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2002.

⁴ «Верующая часть народа... только на религиозной почве и может присоединиться к освободительному движению» [9, с. 15].

⁵ Петербургское религиозно-философское общество.

⁶ Лекция иером. Михаила 03.12.1903 г. была посвящена Д.С. Мережковскому – как объединившему культ Дионисия с христианством.

⁷ В 1907 г. он осудил свою проповедническую деятельность 1901–1903 гг., назвав себя «заблуждавшимся», вместо «жизненной правды» защищавшим церковные догматы [11, с. 5, 8].

⁸ Д.А. Головушкин пишет, что переход к старообрядцам органичен, так как между обновленчеством и старообрядчеством имеется типологическое сходство [5, с. 7, 24].

⁹ В 1904 г. им издано более 10 книжек религиозно-нравственного содержания.

ной» изнутри. Отрицавшаяся им ранее «борьба» (как не характерная для Церкви) становится доминантой его последующих программ-«исповеданий». В 1907 г. в контексте социальных поисков представителей западного христианства архимандрит Михаил опубликовал варианты программ «христианских социалистов». «Программа русских христианских социалистов» была помещена после статьи и программы немецкого социалиста Ф. Наумана [12, с. 13–37, 38–39] и критики на нее [12, с. 39–46] (убеждавшей, что «христианство Наумана не знает Бога живого» [12, с. 39–46]). «Программа русских христианских социалистов», видимо, должна была показать прогрессивность социальных христиан в России, но состояла преимущественно из экономических требований, заявленных в программе ХББ, и хорошо демонстрировала трудности в задаче связать Христа, вероисповедание и борьбу за социальную справедливость; ее тоже можно было упрекнуть в незнании «Бога живого». Программа была свободна от реформистской риторики ХББ, не захватывала ни Церковь, ни церковность. После 1907 г. архимандрит Михаил оказался единственным идеологом «социального христианства»: «Народ» закрыли (1906), «Живая жизнь» самостоятельным печатным органом «социального христианства» стать не смогла, Булгаков от «неохристиан» ушел в лагерь ортодоксов. Идеологическая платформа «социального христианства» не была разработана. Это был год возобновления заседаний ПРФО и новой волны религиозного реформизма.

Первое известие о намерении архимандрита Михаила (Семенова) создать «свободную церковь свободного обряда» относится к лету 1908 г. [13, с. 1430–1435], когда он перешел к старообрядцам. Около него группируются лишенные сана священники Колокольников, Тихвинский, Огнев, Брихничев, из их числа предполагалось рукоположить епископа для будущей общины, на этом формальная связь со старообрядчеством заканчивалась, религиозная жизнь должна была идти на новых началах. Позднее Михаил (Семенов) подтвердил: в 1907 г. «еще не было» «свободных христиан», а лишь «православные», которые «желали отделиться от Церкви синодской в свободную (от государства и Синода) Церковь» [14, с. 349]. Беседовавший с ним священник сообщал и о другом варианте у архимандрита Михаила – поиске епископства «в славянских землях»; от приглашения католиков он отказался, считая, что «католическая церковь держится тех же ересей», что и Русская [13, с. 1431]. Тем же летом Михаил (Семенов) был возведен в епископский сан.

М. Шагинян писала о самовозникновении «голгофского социализма» в среде петербургских рабочих вскоре после 1905 г., считая, что они восприняли идеи Михаила (Семенова) из его статей [15, с. 312–349]. Но понятие «голгофское христианство» не могло родиться в рабочей среде, так как в его основе лежит доктринальная идея «неохристианства» о мире как едином Теле Христовом, которое мир (христианский и нехристианский) представляет так же; Телом Христа является, согласно православному вероучению, Церковь. В

1915 г., вынужденный оправдаться перед старообрядцами, еп. Михаил писал, что составил обобщение религиозно-реформистских идей – своих и (социальных) рабочих [16, с. 602]. Такое объяснение подходит к тексту «Исповедания голгофского христианства».

Вскоре Михаил (Семенов) стал запрещенным в священнослужении старообрядческим Освященным собором 1909 г. епископом без епархии; но ему удалось заинтересовать возглавляемым им «голгофским христианством» совет ПРФО (не исходила ли идея епископства от четы Мережковских?). Д.С. Мережковский, Д.В. Filosofov, секретарь С.А. Каблуков намеревались принять участие в съезде представителей общин «голгофского христианства» [17, с. 91]¹⁰. Съезд должен был утвердить программу, которая, согласно Каблукову, писалась и переписывалась еп. Михаилом при непосредственном руководстве З.Н. Гиппиус. Возможно, окончательным вариантом, представленным на съезд, был текст программы, которая хранится в фонде ПРФО в РГАЛИ¹¹ под названием «Исповедание еп. Михаила». Выдержки из этого текста приводил С.А. Панкратов, беседовавший с еп. Михаилом. Согласно этой беседе, «голгофцы» были свободны от соблюдения церковного обряда [18, с. 124], Михаил (Семенов) был не против богослужений на русском языке, но противился, желая сохранить свой старообрядческий статус. «Свободное, или... социальное христианство... – “новая вера”, – передавал слова еп. Михаила Панкратов. – Она может возникнуть только на пепелище старых форм» [18, с. 124]. От традиционного Евангелия, по еп. Михаилу, надо было отказаться, чтобы обрести «истинное». Догматы он считал делом второстепенным. «Нужна земная вера, которая может основаться только на пепелище старого христианства» [18, с. 124].

Названные им заповеди Панкратов изложил тезисно: «1. Не слишком смотри в небо: посмотри – рядом для твоей сестры строится новый публичный дом. 2. Не благотвори и ненавидь благотворительность: это мошенническая сделка буржуа с Богом, которому они хотят заплатить две копейки со ста¹². 3. Не жалеи и не будь слишком милосердным самарянином; хорошее стало ложью. ... Жалость самарянина – теперь только блуд, бегство в сладострастие жалости от ужаса перед зрелищем мира, погибающего от насилия... 4. Разрушь злую заповедь терпения... эта антихристова заповедь есть дважды душеубийство: по отношению к тем, кто слишком терпелив... и... к тем, чье зло терпят... 5. Разрушь злую заповедь о святом труде, потому что труд – грех и преступление: рабий и подлый, он делает душу годной только для алкоголя и разврата. 6. ... Христианство может быть только общественным. Христианство личного спасения – лживые выдумки тех, кто во имя Христа создал рабство. Подожди спасать свою

¹⁰ Открылся 27 февраля 1910 г., лидеры ПРФО участия в нем не принимали.

¹¹ РГАЛИ. Ф. 2176. Оп. 1. Ед. хр. 40.

¹² В другой редакции – «взятка Богу».

душу: она принадлежит другим, и, спасая её, ты воруюшь» [18, с. 125].

Эти же заповеди есть в «Исповедании еп. Михаила» и в «Исповедании голгофских христиан», опубликованном и откомментированном в «Собрании статей». Сами программы включают высказывания из книги «12 писем о Христе подлинном» [19].

«Исповедание еп. Михаила» разделено на теоретическую часть реформистского содержания, где церковное христианство представлено «убогим и серым»¹³, изложено «учение» о перманентной Голгофе, врагом объявлены «учреждения», где «кристаллизировалось» зло «ветхих понятий, внушенных столетиями лжи»¹⁴. Второй раздел раскрывает слово «учреждение» и содержит обвинения в адрес «господствующей Церкви» – в насилии, лжи, служении «власти земной», «поддержке суеверия и религиозного невежества, «подложных рассказах о небывалых чудесах», уничтожении «истины и догмы христианства», клевете на «учение Церкви и таинства»¹⁵. Третий посвящен социальной сфере («Христос пришел, чтобы в его царстве не было господ и рабов», отменить смертную казнь, проституцию, землю отдать работающим на ней) и «исповедную» (провозглашалась свобода толкования Св. Писания, признания догматов, Символа веры; поклонение иконам и мощам признавалось язычеством, искусство – «богодухновенным») ¹⁶. Каблуков писал в дневнике, что радикальность этого представленного еп. Михаилом «исповедания» озадачила самих теоретиков¹⁷ «неохристианства».

«Исповедание голгофских христиан» с приложениями, обращенными к баптистам, «евангельским» и «духовным христианам», отличается от «Исповедания еп. Михаила» значительной стилистической правкой, сократившей религиозно-реформистскую риторику и пересказ церковного учения о Голгофе. Из ступления ясно, что «Исповедание» было обнародовано в апреле 1910 г. С первых же строк усилен акцент на «подмене» и «великой лжи» церковного христианства, внесены императивы с призывами отказаться от «ложных вождей» (церковных) как «клеветников» на учение Христа и «кошунников», забывших о земле; внесен «неохристианский» тезис об «общественном» спасении; четче изложено учение о перманентной Голгофе. Второй раздел пополнился обвинением в «переделке Евангелия» [8, с. 97], в искажении Нагорной проповеди (социальный подтекст), превращении «брака в проституцию». Третья часть была дополнена: «исповеданием», что «нищеты не должно быть в царстве Христа», «черта оседлости» названа «величайшим богохульством», обосновано запрещение смертной казни, объявлена свобода «искания» «живого смысла... догматов веры», продолжающееся Откровение, уточнено отношение к посту, евхаристии, таинствам, подчеркнута, что все не-

решенные вопросы должны быть решены «новой церковью», которая внесет «вторую половину Христовой правды... о земле» [8, с. 103–107]. Кроме того, добавлено обращение к желающим присоединиться.

Некоторые исследователи¹⁸ считают составителем «исповедания» о. Иону Брихничева. Но брошюра Брихничева [20, с. 5–6] излагала концепцию «голгофского христианства» в самом общем виде; возможно, сомневающиеся имеют в виду письмо еп. Михаила старообрядческому еп. Одесскому и Балтскому Кириллу (1910), где он отказался от причастности к посылке в Самару рукописи под тем же названием, однако эта «непричастность» была выражена лишь в том, что рукопись «не во всем моя» и «искажена»¹⁹.

«Программа русских христианских социалистов» (1907) схожа с «Исповеданиями» в отдельных пунктах, по содержанию и оформлению. Согласно программе, «свободный» христианин считал делом «личного духовного роста» осуществлять завет Христа, основанного «церковь для создания царства Божия в душах, организациях, общественных отношениях», был обязан отстаивать «конституционную монархию», «реформу брачного права»; а священник – проповедовать «свободу совести, слова, собраний, союзов, личности... черты оседлости» [12, с. 46–47].

Таким образом, «программы» социального христианства имели задачей – религиозное обоснование социальных требований. Михаилу (Семенову) не удалось «подыскать формулу нового религиозного мышления и действия» для народа [18, с. 125], этим объясняется смущающий исследователей стилистический разнобой в текстах «исповеданий». Хотя «голгофцы» написали заявление о выходе из Русской Церкви, составленная совместно с «неохристианами» программа вызвала их неодобрение, руководители стали покидать общины. «Неохристиане» разочаровались в еп. Михаиле, как только поняли, что новую Церковь ему создать не удастся. После 1915 г. движение перестало существовать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Михаил (Семенов), архим. Как я стал народным социалистом? М., 1907.
2. Головушкин Д.А. «Петербургские дни» архимандрита Михаила (Семенова): от идей христианского социализма к теологии «новой Голгофы» // Материалы по исследованию религиозной ситуации на Северо-Западе России. СПб., 2006. Вып. III. С. 63–70.
3. Фирсов С.Л. К вопросу о церковном реформаторстве начала века: штрихи к портрету старообрядческого епископа Михаила (Семенова) // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX вв.: сб. памяти В.С. Дякина и Ю.Б. Соловьева. СПб., 1999.
4. Дзюбенко Н. Старообрядчество и церковное обновление // Материалы Междунар. богослов. конф. «Живое предание». М., 1999.
5. Головушкин Д.А. Апостол XX века: жизнь и творчество о. Михаила (Семенова). СПб., 2010.
6. Михаил (Семенов), еп. Собр. соч. / сост. В.В. Боченков. М.; Ржев, 2011.

¹³ РГАЛИ. Ф. 2176. Оп. 1. Ед.хр. 40. Л. 2.

¹⁴ Там же. Л. 3.

¹⁵ Там же. Л. 3.

¹⁶ Там же. Л. 4–5.

¹⁷ З.Н. и Д.С. Мережковских, Д.В. Философова.

¹⁸ В том числе В.В. Боченков.

¹⁹ НИ ОР РГБ. Ф. 246. К. 213. Ед. хр. 27. Л. 1–1об.

7. А.М. [Михаил (Семенов), архим.] Христианство и демократия. СПб., 1906.
8. Собрание статей по делу епископа Михаила Канадского. М., 1914.
9. Свенцицкий В.В. Христианское братство борьбы и его программа. М., 1906.
10. Михаил (Семенов), архим. Пророк христианской свободы и свободного христианства. СПб., 1906.
11. Михаил (Семенов), архим. Проклятые вопросы и христианство. М., 1906.
12. Христос в век машин: вопросы религии и общественной жизни. СПб., 1907.
13. Прибавления к «Церковным ведомостям». 1908. № 30. 26 июля. С. 1430–1435.
14. Михаил, еп. Ответ о. Карабиновичу // Старокатолическая мысль. 1915. № 4. С. 349–351.
15. Шагинян М. Человек и время. История человеческого становления. М., 1982. С. 312–349.
16. Михаил, еп. Ответ о. Карабиновичу // Старокатолическая мысль. 1915. № 7. 596–607.
17. Ермичев А.А. Религиозно-философское общество в Петербурге. 1907–1917: хроника заседаний. СПб., 2007.
18. Панкратов А.С. Ищущие Бога: очерки современных религиозных исканий и настроений. М., 1911. Т. 1.
19. Михаил (Семенов), архим. Двенадцать писем о свободе и христианстве. Письма «о Христе подлинном». СПб., 1909.
20. Брехничев И. Что такое голгофское христианство. М., 1912. С. 5–6.

Статья поступила
в редакцию 12.01.2013

УДК: 94 (98+571)

А.А. СУЛЕЙМАНОВ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АКАДЕМИИ НАУК СССР ПО ИЗУЧЕНИЮ ЯКУТИИ В 1930-е – 1941 гг.

канд. ист. наук,
Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
г. Якутск
e-mail: alexas1306@mail.ru

В статье на примере Якутии показана исследовательская деятельность учреждений и сотрудников Академии наук СССР на Азиатском Севере в период, начало которого связано с реорганизацией научного центра и его фактической «советизацией», а окончание – с перестройкой работы в соответствии с требованиями военного времени. В связи с этим определены факторы, оказавшие воздействие на масштабы и векторы проведенных исследований; рассмотрена история реализации ряда академических инициатив, выявлены их основные направления и значение, а также отмечены специфические моменты, характеризующие работу Академии наук на Азиатском Севере в 1930-е – 1941 гг.

Ключевые слова: Академия наук СССР, Азиатский Север, Якутия, научные исследования, экспедиции.

В конце 1920-х – 1930-е гг. в нашей стране произошли масштабные трансформации, затронувшие все сферы общественной жизни и, естественно, они не обошли стороной крупнейший отечественный научный центр.

Академия наук в рассматриваемый период была фактически инкорпорирована в сложившуюся модель организации государственной власти и стала, как справедливо заметил В.Н. Кудрявцев, «министерством фундаментальной науки» [1, с. 5]. Влияние произошедшей «советизации» на исследовательскую деятельность АН СССР достаточно подробно освещено в научной литературе [2–5 и др.]. Ее авторы сходятся во мнении, что на первый план в работе Академии наук вышли проблемы, связанные с решением задач экономического развития страны и, прежде всего, с изучением и освоением природных ресурсов (показательны в этом плане следующие данные: в 1937 г. в экспедициях АН

СССР работало 54 отряда, из которых 48 были горно-геологическими¹).

Подобная «ресурсоориентированность» в полной мере проявилась и при исследовании академическими структурами северных районов европейской части Советского Союза – территорий Кольского полуострова и Северного края (современные Республика Коми, Архангельская и Вологодская области) [6, с. 18–68; 7, с. 30; 8, с. 338–341, 350–355; 9, с. 302–317; 10, с. 35–39, 65–84]. Последствия же реорганизации АН СССР для академических исследований на Азиатском Севере к настоящему времени остаются «белым пятном» в исторической науке, равно как и влияние на деятельность Академии в этом регионе различных внешних факторов, включая приоритеты, отданные правительством страны при его освоении. Не исследована также спе-

¹ Архив РАН. Ф. 174. Оп. 26. Д. 32. Л. 17.

цифика организации и развития изысканий Академии наук в Якутии в рассматриваемый период. В данной статье предпринята попытка очертить основные контуры указанной проблематики.

Территория Азиатского Севера была одним из основных ареалов концентрации усилий Академии наук в 20-е гг. XX в., когда проводились Якутская и Североуральская комплексные, а также Таймырская экспедиции. Причем Якутская комплексная экспедиция (ЯКЭ) стала крупнейшей академической инициативой своего времени. Только в полевых исследованиях этой экспедиции приняли участие 246 научных и научно-технических работников. Для ее организации были привлечены 16 академиков, 9 членов-корреспондентов Академии наук, 30 профессоров вузов. В течение 1925–1930 гг. отряды ЯКЭ совершили маршруты общей протяженностью свыше 130 тыс. км, обследовав в том числе территории Булунского, Верхоянского, Колымского и Якутского округов [11, с. 66–103; 12].

В рассматриваемый период исследования Якутской комплексной экспедиции, несмотря на заинтересованность ученых и местных властей [11, с. 110–111], продолжены не были. Среди возможных причин их сворачивания академик А.Г. Гранберг выделяет две основные. Первая – «напряженная политическая ситуация... больно ударившая по якутской интеллигенции и академической среде...». Среди имен пострадавших в годы репрессий участников и организаторов экспедиции он называет В.В. Никифорова, Г.А. Попова, Г.В. Ксенофонтова, М.К. Аммосова, П.В. Виттенбурга, С.В. Бахрушина и С.Ф. Ольденбурга [13, с. 1134]. Этот список следует дополнить именами Д.Н. Халтурина (управляющий делами Академии наук, игравший главную роль в решении финансовых вопросов экспедиции и ушедший в отставку во время работы печально известной комиссии Ю.П. Фигатнера), а также Я.Н. Ростовцева (редактор издательства), А.А. Бялыницкого-Бируля (активный участник полевых исследований), получивших соответственно 10 лет и 3 года исправительно-трудовых лагерей [14, с. 138–139].

Более существенной, однако, представляется вторая причина прекращения работы ЯКЭ, названная А.Г. Гранбергом. Ею стало «появление новых прагматических приоритетов в размещении производительных сил страны: создание Урало-Кузнецкого комбината, освоение Второго Баку, Ангаро-Енисейская проблема, формирование дублирующих промышленных комплексов с целью повышения экономической безопасности страны. Для научного обеспечения этих задач активно привлекалась Академия наук. Без целевой государственной поддержки невозможно было приступить к новому этапу масштабных исследований Якутии» [13, с. 1134–1135]. Действительно, представляется вполне логичным, что в условиях форсированного развития тяжелой промышленности и обострения международной обстановки академические учреждения были ориентированы на проведение крупномасштабных исследований в более доступных в географиче-

ском и инфраструктурном отношении территориях, расположенных значительно ближе к важнейшим промышленным объектам Советского Союза. Это позволило бы получить, например, экономическую отдачу от средств, вложенных в изучение Колымского полуострова и Северного края уже к началу Великой Отечественной войны.

Обеспечение необходимой АН СССР государственной поддержки осложняли и еще два фактора. Как справедливо отмечает Ю.Н. Ермолаева, разведанных участниками ЯКЭ источников полезных ископаемых казалось тогда достаточным для развития горнодобывающей промышленности Якутии. Другие же направления исследовательской деятельности экспедиции являлись для власти фактически приложением к этой основной задаче и считались уже не столь важными [11, с. 114].

Кроме того, рассматриваемый период – время расцвета деятельности Главного управления Северного морского пути (ГУСМП) при СНК СССР, взявшего на себя колоссальный объем функций, включая исследование северных районов страны, и ставшего среди структур, занимавшихся изучением Севера, главным получателем финансовой и политической поддержки со стороны государства. Не случайно яркие знаковые события арктического бума, происходившего в рассматриваемый период в Советском Союзе (вспомним «папанинцев», «челюскинцев» и «седовцев»), связаны именно с ГУСМП. При этом ареалом деятельности данной организации, согласно постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по развитию Северного морского пути и северного хозяйства» от 20 июля 1934 г., объявлялись острова и моря Ледовитого океана европейской части страны и территории к востоку от Урала, расположенные севернее 62-й параллели (на ней находится Якутск) [15, с. 222]. Подразделения ГУСМП, таким образом, при исследовании всего Азиатского Севера получили своего рода право «*prima noctis*» перед другими исследовательскими организациями СССР, включая Академию наук.

В результате в 1930-е гг. структуры ГУСМП только в Якутии организовали крупнейшую Лено-Хатангскую экспедицию (180 участников), Особую Индигирскую и Янскую комплексную экспедиции, осуществили исследования гидрографии Оленёка, Хатанги, Анабара, Лены, Яны, Индигирки и Колымы, провели геологические работы по поиску месторождений угля, золота, олова, полиметаллов, нефти и др. [16, с. 38–51].

Именно в рамках ГУСМП в 1932 г. было создано одно из первых стационарных исследовательских учреждений в Якутии – Якутское отделение Всесоюзного арктического института. Решение СНК ЯАССР, которое обязало все организации, ведущие научно-исследовательские работы в республике, передать свои материалы этой новой структуре [16, с. 42], служит одним из индикаторов места Главсевморпути в иерархии учреждений, занимавшихся изучением Азиатского Севера в 1930-е гг.

Наряду с отмеченными выше гидрографическими и геологическими изысканиями ГУСМП также активно занималось организацией изучения вечной мерзлоты. Для этого на территории Азиатского Севера Горно-геологическим управлением (ГГУ) ГУСМП было сооружено несколько мерзлотных станций.

В год организации Якутской мерзлотной станции (1935 г.) столицу Якутии по приглашению ГГУ ГУСМП посетил и.о. ученого секретаря Комиссии по изучению вечной мерзлоты (КИВМ) (с 1936 г. – комитет) АН СССР В.К. Яновский. Целью его визита были оценка существующего положения и разработка рекомендаций по эффективному развитию работы станции. В ходе поездки В.К. Яновский составил планы и программы исследований для станции. Сотрудникам станции, по замыслам ученого, с одной стороны, следовало проводить всестороннее научно-теоретическое изучение вечной мерзлоты на территории ЯАССР как геофизического факта, а с другой – исследовать вечную мерзлоту в связи с решением прикладных практических задач. В.К. Яновский определил оптимальную штатную структуру станции (12 чел.), конкретные направления изысканий (изучение проблем, связанных с транспортом, промышленным и коммунальным строительством в условиях вечной мерзлоты; вопросы земледелия, водоснабжения, канализации и мелиорации ЯАССР), разработал методику исследований, включая выбор площадок для наблюдения, обосновал рекомендации по способам добычи и обработки полученного материала².

Масштабное присутствие ГУСМП на Азиатском Севере в 1930-е гг., а также структур НКВД, которые занимались главным образом освоением природных ресурсов на севере современного Красноярского края и Колыме, способствовало таким образом развитию научно-консультационной деятельности Академии наук СССР. Помимо деятельности В.К. Яновского сотрудники академических учреждений оказывали экспертно-методическую помощь в организации изучения криолитозоны на мерзлотных станциях ГГУ ГУСМП в Игарке и Анадыре, НКВД СССР в Норильске и Дудинке, проводили специальные изыскания с целью выработки рекомендаций по оптимизации добычи полезных ископаемых, а также повышения устойчивости промышленных и жилищных конструкций на территориях хозяйственной деятельности Главсевморпути и Наркомата внутренних дел³. Эта особая форма деятельности Академии наук способствовала накоплению эмпирического материала в различных академических структурах, развитию на его основе фундаментального знания об арктическом регионе, а также совершенствованию практических навыков проведения исследований в северных широтах у молодых сотрудников. На мерзлотных станциях ГГУ ГУСМП первый опыт научного познания Севера получили ко-

мандированные Комиссией по изучению вечной мерзлоты АН СССР П.Ф. Швецов и П.И. Мельников, которые вскоре, в возрасте 29 лет и 31 года соответственно, возглавили уже самостоятельные академические изыскания в Якутии.

В 1935 г. в Якутии работала также Нижне-Ленская экспедиция Ботанического института АН СССР, в состав которой входили научные сотрудники Б.Н. Городков и Б.А. Тихомиров⁴. В ходе исследований в окрестностях р. Булун и бухты Тикси ученые собрали материал, характеризующий состояние растительного покрова, происхождение тундровой флоры и ее разнообразие в зависимости от рельефа местности, а также составили описание отдельных видов растений.

Такого рода эпизодическая деятельность академических структур в Якутии имела место вплоть до организации Якутской экспедиции Совета по изучению производительных сил (СОПС) АН СССР в 1938 г. Ее созданию предшествовали ходатайство правительства Якутии перед руководством страны о возобновлении полноценного академического изучения республики, поддержанное в феврале 1936 г. на II сессии ВЦИК XVI созыва⁵, а также энергичная позиция заместителя председателя КИВМ АН СССР, патриарха отечественной геофизиологии М.И. Сумгина в вопросе о необходимости проведения в Якутии систематических мерзловедческих изысканий [17].

В первый, 1938-й год своей работы Якутская экспедиция проводила полевые исследования под общим руководством М.И. Сумгина силами трех отрядов: агротехнического, мерзлотно-сельскохозяйственного и зоотехнического. Следует отметить, что ни в 1938 г., ни в последующие годы работы Якутской экспедиции, в ее исследованиях, как и в других выявленных академических инициативах, которые были реализованы на Азиатском Севере в 1930-е – 1941 г., не принимало участие более 10 научных сотрудников.

Часть исследований зоотехнического отряда Якутской экспедиции СОПС АН СССР охватывала северные широты, а в их рамках впервые предметом подробного научного анализа стала якутская лошадь. Работы по договоренности с СОПС АН СССР вели сотрудники ведущего иппологического учреждения страны – Всесоюзного научно-исследовательского института коневодства ВАСХНИЛ: М.И. Рогалевич (руководитель), П.А. Скрипин, зоотехники И.И. Чудинов и М.М. Сидоров. В марте-сентябре 1938 г. они совершили маршруты общей протяженностью 9100 км в пять районов республики: Амгинский, Верхоянский, Мегино-Кангаласский, Орджоникидзеvский (сейчас – Кангаласский) и Чурапчинский. В Верхоянском районе ученые обследовали 307 лошадей.

В результате специалисты составили зоотехническое описание якутской лошади, определили ее тип и происхождение, методы разведения, кормления и ис-

² Там же. Ф. 268. Оп. 1. Д. 88. Л. 2–27.

³ Там же. Д. 86. Л. 74–90; Д. 87. Л. 180–193; Д. 129. Л. 2; Д. 185. Л. 2–6.

⁴ Там же. Ф. 174. Оп. 106. Д. 23. Л. 5.

⁵ Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф. 605. Оп. 1. Д. 627. Л. 13.

пользования животных. Кроме того, была дана краткая характеристика кормовых условий и кормовой базы, изучено влияние экологических условий на изменения типа лошади. Полученные материалы позволили ученым разработать ряд основных мероприятий по оптимизации разведения лошадей в ЯАССР (определение районов возможной метизации, выбор улучшающих пород, организация племенной работы и др.) и фактически заложить основы научной деятельности по коневодству в Якутии, что в условиях, когда основной мощностью «двигателей» хозяйства республики по-прежнему оставались в буквальном смысле лошадиные силы, имело важнейшее практическое значение⁶.

Якутская экспедиция СОПС АН СССР 1938 г. также дала старт последовательным исследованиям по оптимизации строительства в условиях северных широт. В Якутске инженеры М.М. Крылов и А.Т. Морозов провели оригинальные работы по опытному повышению устойчивости зданий (в грунте у основания фундамента ученые помещали зероторы – сосуды с замерзающими при отрицательной температуре специальными рассолами, удерживающими летом отрицательную температуру)⁷.

В 1939 г. участники экспедиции осуществили уже несколько геокриологических изысканий. Мерзлотно-строительный отряд продолжил опыты по управлению тепловым режимом вечномерзлых пород для повышения устойчивости сооружений. Гидрологический отряд выяснил гидрологические и геологические условия района Якутска, установил характер и мощность водоносных горизонтов, разработал и передал в СНК ЯАССР программу разведки подмерзлотных вод и наметил перспективы их эксплуатации⁸.

Значительный интерес представляют работы Кыра-Нехаранского отряда Якутской экспедиции. Отряд, в состав которого входили 2 научных сотрудника, инженеры П.Ф. Швецов и В.П. Седов, 8 марта 1939 г. выехал из Москвы на место исследований – восточный склон хребта Тас-Хаяхта (Яно-Индибирское междуречье), на речку Кыра (в 500 км северо-восточнее Верхоянска). В задачу отряда входило исследование наледи в нижнем течении Кыры, впервые обнаруженной и бегло описанной руководителем Чукотской экспедиции 1868–1870 гг., колымским исправником Г. Майделем. Отряд 7 мая 1939 г. прибыл на увиденную чиновником наледь в долине р. Кыры. При первом же осмотре ученые определили, что фактически здесь расположена не одна наледь, а три, которые соединяются между собой узкими горловинами. Исследователи дали этим наледям названия, выяснили их размеры и измерили максимальную мощность льда. При изучении генезиса тарынов П.Ф. Швецов и В.П. Седов обнаружили выходы трех источников подземных вод, соответствующих наледям и не замерзающих круглый год. Ученые установили суммарный дебит этих источников (он

оказался колоссальным, равным примерно 3 куб. м/с), состав и температуру воды⁹. По итогам исследований П.Ф. Швецов и В.П. Седов подготовили и в 1941 г. издали монографию [18]. В ней впервые подробно была рассмотрена проблема образования наледей, источником которых, по мнению авторов, являются подмерзлотные глубинные воды.

В том же 1939 г. Комитет по изучению вечной мерзлоты был реорганизован в Институт мерзлотоведения (ИМЗ) им. В.А. Обручева АН СССР. В его состав перешли научно-исследовательские станции в Воркуте, Чульмане, Игарке, Анадыре и Якутске (последние три были переданы в ведение Академии наук ГУСМП годом ранее). 8 февраля 1940 г. Президиум АН СССР «в целях концентрации научных работ по мерзлотоведению» передал Якутскую экспедицию из СОПС в состав Института мерзлотоведения¹⁰. Передача формально завершилась в 1941 г., когда постановлением СНК СССР на базе Якутской экспедиции было организовано первое в республике постоянное академическое учреждение – Якутская научно-исследовательская мерзлотная станция Института мерзлотоведения им. В.А. Обручева (ЯНИМС) АН СССР. Руководство работами Якутской экспедиции Института мерзлотоведения 1940 г., а затем ЯНИМС осуществлял П.И. Мельников.

В 1940 г. сотрудники Якутской экспедиции пробурили первую разведочную скважину на подмерзлотные воды в Якутске и на глубине более чем 300 м установили источник пресной воды. Эти работы позволили А.И. Ефимову, П.И. Мельникову и П.А. Соловьеву открыть Якутский артезианский бассейн [19, с. 25].

Значительное развитие получило инженерное направление исследований, связанное с геотермическими наблюдениями и регулированием температурного режима вечномерзлых грунтов, а также изучение их свойств в процессе оттаивания и промерзания почвы, что, естественно, имело большое значение для повышения прочности строительных сооружений.

Так, в течение 1940–1941 гг. были проведены работы по изучению влияния покрытий на тепловой режим грунтов. С этой целью ученые провели эксперименты, один из которых должен был выявить значение для температуры почвы отсутствия снежного покрова зимой и травяного в течение теплого времени года, другой – определить влияние наличия теплоизоляционных покрытий. На основе данных, полученных в ходе проведенных опытов, специалисты разработали рекомендации по понижению среднегодовой температуры грунта, включающие способы повышения отражательной способности поверхности почвы и применения в весенне-летнее время теплоизоляционных материалов [20, с. 44–51]. Кроме того, на станции под руководством А.Е. Федосова в 1941 г. были организованы работы по изучению состава вечномерзлых пород в районе Якутска и реакции содержащейся в них воды на процессы промерзания и оттаивания. В ходе проведенных опытов

⁶ Архив РАН. Ф. 174. Оп. 26. Д. 77. Л. 8–9.

⁷ Там же. Л. 10.

⁸ Там же. Ф. 2. Оп. 1-1939. Д. 161. Л. 79–80.

⁹ Там же. Ф. 174. Оп. 26. Д. 91. Л. 2–29.

¹⁰ Там же. Ф. 2. Оп. 1-1939. Д. 161. Л. 71.

была установлена температура, при которой начинается промерзание грунтов, изменение удельной доли воды и показателей сжатия объема льда в процессе охлаждения почвы, а также разработан метод прогнозирования усадки фундамента возводимых сооружений в случае оттаивания вечномерзлых грунтов [19, с. 18–43, 52–85]. Следует отметить, что рекомендации, подготовленные сотрудниками ЯНИМС АН СССР по результатам исследований, стали наряду с работой Н.А. Цытовича, проводившего параллельно аналогичные изыскания, новым словом в геокриологической науке.

Таким образом, значительная часть академических исследований, организованных в Якутии в 1930-е – 1941 г., была подчинена практическим нуждам экономики и хозяйства республики, что соответствовало общему тренду развития АН СССР. Существенный импульс при этом был придан инженерной геокриологии. К началу 1940-х гг. Якутия становится одним из полигонов испытания на практике разнообразных проблем прикладного мерзлотоведения. Именно геокриология оказалась тем ядром, вокруг которого в республике происходил переход к стационарным исследованиям Академии наук, к качественно новому этапу академической деятельности в Якутии. Кроме того, рассмотренные инициативы позволяют отметить характерные для работы АН СССР на всем Азиатском Севере особенности: активная научно-консультационная деятельность; ограниченные силы, которыми располагали академические структуры при проведении своих изысканий и их скромные масштабы, а также фактическое отсутствие исследований, связанных поисками и добычей полезных ископаемых. Все эти моменты обусловлены, прежде всего, теми приоритетами, которые существовали в деятельности Академии наук в интересующий нас период, а также появлением в регионе новых акторов – структур ГУСМП и НКВД СССР. Вместе с тем даже такие относительно локальные инициативы позволили значительно раздвинуть границы академического знания о северных районах азиатской части Советского Союза.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кудрявцев В.Н. Новый статус Академии // Вестник АН СССР. 1990. № 11. С. 5–9.
2. Гранберг А.Г., Штульберг Ю.М., Адамеску А.А. и др. Совет по изучению производительных сил. Этапы становления и развития. 1915–2005. М., 2005. 176 с.
3. Козлов Б.И. Академия наук СССР и индустриализация России: очерк социальной истории. 1925–1963 гг. М., 2003. 272 с.
4. Колчинский Э.И. Переезд Академии наук и ее ленинградские учреждения в 1930-е годы // Академическая наука в Санкт-Петербурге в XVIII–XX веках: исторические очерки / отв. ред. Ж.И. Алферов. СПб., 2003. С. 457–481.
5. Кольцов А.В. Роль Академии наук в организации региональных научных центров СССР, 1917–1961 гг. Л., 1988. 261 с.
6. За Полярным кругом. Работы Академии наук на Кольском полуострове за годы Советской власти. 1920–1932 гг. Л., 1932. 81 с.
7. Макарова Е.И. От Тьетты – к Кольской базе АН СССР: история организации Геологического отдела по архивным документам // Минералогия во всем пространстве сего слова. Труды III Фермановской научной сессии, посвященной 50-летию Кольского отделения РМО. Апатиты. 27–28 апреля 2006 г. Апатиты, 2006. С. 27–30.
8. Экспедиции Всесоюзной Академии наук 1931 г. Л., 1932. 378 с.
9. Экспедиции Академии наук СССР 1933 г. Л., 1934. 320 с.
10. Экспедиции Академии наук СССР 1934 г. М.; Л., 1936. 510 с.
11. Ермолаева Ю.Н. Якутская комплексная экспедиция 1925–1930 гг. Развитие науки в Якутии. Новосибирск, 2001. 162 с.
12. Ширина Д.А. Изучение Колымского края (по материалам геологической экспедиции 1928–1930 гг.) // Проблемы социально-экономической и политической истории Сибири XX – начала XXI в.: сб. материалов Всерос. науч. конф. (г. Якутск, 14–15 июня 2012 г.). Якутск, 2012. С. 131–134.
13. Гранберг А.Г. О развитии производительных сил Якутии. К 80-летию Якутской комплексной экспедиции // Вестник Российской академии наук. 2005. № 12. С. 1132–1135.
14. Виттенбург Е.П. Комиссия Академии наук по изучению производительных сил Якутской АССР (1925–1930 гг.). Организация и методика работы. Якутск, 2008. 200 с.
15. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) о мероприятиях по развитию Северного морского пути и северного хозяйства (извлечение) // Изучение и освоение Арктической зоны России в XVIII – начале XXI в.: сб. документов и материалов. Новосибирск, 2011. С. 220–225.
16. Боякова С.И. Главсевморпуть в освоении и развитии Севера Якутии (1932 – июнь 1941 г.). Новосибирск, 1995. 128 с.
17. Сумгин М.И. К вопросу о перспективах изучения вечной мерзлоты в Якутской Республике // Труды Комитета по вечной мерзлоте. М., 1940. Т. IX. С. 5–26.
18. Швецов П.Ф., Седов В.П. Гигантские наледы и подземные воды хребта Тас-Хаяхатах. М.; Л., 1941. 83 с.
19. Анисимова Н.П. Якутская научно-исследовательская мерзлотная станция // Академическое мерзлотоведение в Якутии. Якутск, 1997. С. 23–27.
20. Исследование вечной мерзлоты в Якутской Республике. Якутск, 1942. Вып. 1. 100 с.

Статья поступила
в редакцию 31.01.2013

УДК 94(574)«19»

К.К. АБДРАХМАНОВА

**НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧЕНЫХ –
ЗАКЛЮЧЕННЫХ КАРЛАГ В 1930–1950-е гг.**

Карагандинский государственный
университет им. Е.А. Букетова,
Республика Казахстан
e-mail: kimbat_abd@mail.ru

В статье на основе архивных материалов и воспоминаний бывших заключенных изучена деятельность ученых-заключенных, работавших на сельскохозяйственной опытной станции и в других подразделениях КарЛАГ в 1930–1950-е гг. Показано, как в экстремальных лагерных условиях репрессированные специалисты добивались крупных научных и практических результатов в областях селекции, генетики, семеноводства. Проводившиеся ими исследования сыграли видную роль в развитии сельского хозяйства Центрального Казахстана в целом.

Ключевые слова: репрессированная наука, ГУЛАГ, КарЛАГ, ученые-заключенные, интеллигенция, Центральный Казахстан.

Одной из актуальных как в научном, так и в общественном отношении проблем новейшей истории советского государства является исследование феномена репрессированной науки. Созданная советским государством система концентрационных лагерей была направлена на освоение слабозаселенных и труднодоступных, но богатых природными ресурсами регионов страны путем эксплуатации подневольной рабсилы и человеческого интеллекта. Вклад репрессированных ученых в развитие экономики, в том числе сельского хозяйства Центрального Казахстана, до сих пор изучен слабо: фамилии их упоминаются выборочно, условия, в которых им приходилось проводить научные исследования, остаются также не раскрытыми. В настоящей статье, базирующейся на архивных источниках и воспоминаниях, ставится задача дать более полные и систематизированные сведения о работе ученых в условиях КарЛАГ и их дальнейших судьбах после освобождения из лагеря.

Созданный 19 декабря 1931 г. Карагандинский исправительно-трудовой лагерь (КарЛАГ) являлся одним из крупнейших лагерных комплексов на востоке страны, он имел протяженность территории с севера на юг 300 км, и с востока на запад 200 км. Структура лагерного управления включала отделы: административно-хозяйственный (АХО), учетно-распределительный (УРО), оперчекистский, контрольно-плановый (КПО), культурно-воспитательный (КВО), отделы кадров вольнонаемных, снабжения, торговли, финансовый, транспортный, политотдел¹.

При организации КарЛАГ в качестве одной из приоритетных задач ставилось создание крупной продовольственной базы для бурно развивающейся угольно-металлургической промышленности в Центральном Казахстане: Карагандинский угольный бассейн, Джезказганский и Балхашский медеплавильные комбинаты. Для реализации поставленной цели был создан совхоз «Гигант», где применялся дешевый труд заключенных, работавших в тяжелых условиях. Заключенных размещали в мало отапливаемые деревянные лагерные бараки с двух- и трехъярусными нарами. На каждого человека приходилось площади всего по 1–1,8 кв. м. Такие болезни, как дизентерия, пеллагра, тиф, крупное воспаление легких, туберкулез, были обычными лагерными реалиями [1, с. 190].

Созданному лагерному производственному комплексу требовались не только рабочие руки, но и «мозговой центр», который призван был обеспечить научное сопровождение программ освоения. Таковой стала сельскохозяйственная опытная станция (СХОС), образованная в КарЛАГ в 1938 г. на базе ранее уже действовавших научно-исследовательских лабораторий. В ее состав вошли следующие отделы: 1) селекция; 2) семеноводство; 3) полеводство; 4) кормодобывание; 5) плодоягодные культуры и лесомелиорация; 6) овощеводство; 7) защита растений; 8) агрохимлаборатория; 9) агрометеорологическая станция; 10) контрольно-семенная лаборатория; 11) животноводство; 12) механизация².

¹ Николаев В.Н. Новые тайны ГУЛАГа // Казахстанская правда. 1993. 26 марта.

² Архив УВД Карагандинской области (УВД КО). Ф. 4. Оп. 73. Д. 1/315. Л. 28.

Начальник планового отдела лагеря А. Хатемкин в своем донесении в ГУЛАГ НКВД СССР от 17 декабря 1940 г. указывал: «Вся территория лагеря разграничена на 19 отделений, запасной фонд и сельскохозяйственную станцию. В лагере 106 животноводческих ферм, 7 огородных участков и 10 пахотных участков без наличия в них ферм» [2, с. 33].

Удельный вес сельского хозяйства в лагерном производственном комплексе составлял более половины. В нем, в свою очередь, преобладало растениеводство (51,8 %) [3, с. 19]. Совхоз «Гигант» КарЛАГ выполнял государственные задания по продаже государству хлеба и обеспечению хлебом «спецконтингентов». Так, в 1940 г. было собрано 6 820 т картофеля, 9 023 т овощей, 2 700 т ржи, 3 326 т пшеницы, 2 600 т овса, 3 900 т проса и т. д. КарЛАГ был полностью обеспечен овощными культурами [2, с. 35].

За годы войны от лагерного комплекса потребовалось резкое увеличение посевных площадей зерновых, овощных культур и картофеля. В 1945 г. было посеяно 51 952 га посевной площади, в том числе зерновые занимали 40 619 га, остальные площади отводились под овощебахчевые и технические культуры. Это позволило получить сверх плана зерна – 42 554 ц, овощей – 2 065 ц, картофеля – 11 459 ц [3, с. 96]. Лаготделения оснащались новой техникой. Так, если в 1941 г. КарЛАГ имел 296 тракторов, 97 комбайнов, то в 1947 г. здесь было 455 тракторов, 101 комбайн, 200 тракторных сеялок, 2000 косилок и 700 граблей [4, с. 180].

Развитие земледелия и в первую очередь зернового хозяйства в КарЛАГ являлось важнейшим фактором подъема животноводства. Из справки начальника планового отдела А. Хатемкина следует, что на начало 1940 г. количество КРС составило 17 710 голов, овец – 193 158, лошадей – 5 814, свиней – 567, рабочих волов – 3 789 голов [2, с. 33].

Столь значительный и разветвленный агропромышленный комплекс, каковым являлся совхоз «Гигант», требовал квалифицированного обслуживания научными силами. На опытной станции проводились научные опыты в области генетики по выведению лучших пород в животноводстве и лучших сортов в растениеводстве. Кроме того, ученые из КарЛАГа активно занимались изучением осваиваемой территории, проводили топографические, гидротехнические, почвенные, ботанические, метеорологические и другие исследования. Одни попали в лагерь уже сложившимися, опытными специалистами, для некоторых лагерь оказался местом и временем их профессионального становления. Ниже рассматриваются жизнь и деятельность в КарЛАГ ряда ученых, для которых практика работы в специфических лагерных условиях дала прирост научных результатов.

Одним из первых в этой когорте ученых стал профессор, доктор сельскохозяйственных наук, ботаник, растениевод и селекционер Леонид Адольфович Пельцих (1885–1971). До ареста (13 декабря 1930 г.) он проживал в Баку. Был обвинен Коллегией ОГПУ 18 февраля 1931 г. по ст. 58-7, 58-10, 58-11 как «враг народа»

и приговорен к заключению в концлагере на пять лет с конфискацией имущества и высылкой семьи. Оказавшись в КарЛАГ, Пельцих попал в научно-исследовательскую лабораторию совхоза «Гигант», где им было написано свыше десятка работ. Среди них особое значение имеет исследование «Растительный покров Тельманского и Жана-Аркинского районов Карагандинской области», опубликованное в «Трудах научно-исследовательской лаборатории КарЛАГа» (Казахский институт экономики сельского хозяйства. Алма-Ата, 1933 г.). Издание вышло небольшим тиражом и распространялось только на территории КарЛАГ³.

Л.А. Пельцих, будучи высоко эрудированным специалистом, занимался изучением новых сельскохозяйственных культур и их внедрением в производство (кукуруза, подсолнечник, суданская трава, кунжут, шафран). После окончания срока заключения он работал с 1937 по 1959 г. в Чувашском сельскохозяйственном институте на кафедре растениеводства. 28 мая 1957 г. Пельцих был полностью реабилитирован [3, с. 38].

Среди тех, кто с первых лет КарЛАГ определил региональную сельскохозяйственную стратегию, был крупный ученый, биолог, селекционер и генетик Василий Степанович Пустовойт (1886–1972). До революции он организовал под Екатеринодаром (Краснодар) опытно-селекционное поле «Круглик» и руководил им до ареста, одновременно заведя кафедрой в Кубанском сельскохозяйственном институте. В августе 1930 г. он был арестован в Краснодаре. Получив срок 10 лет заключения, он прибыл в КарЛАГ. В мае 1934 г. был освобожден по сокращению срока. После освобождения некоторое время ученый продолжал работать в научно-исследовательской лаборатории КарЛАГ [5, с. 88]. В марте 1935 г. его назначили директором Центрального опытного поля КарЛАГ. Результаты не замедлили сказаться: талантливый селекционер вывел урожайный сорт ржи и два вида проса – так называемые долиньские. Его селекционные работы помогли в 3 раза поднять урожайность полей. Изучив местные почвы, он предложил отказаться от глубокой пахоты, при которой 14–15-сантиметровый слой чернозема оказывался внизу, а бесплодные солончаки – сверху, и заменил пахоту дискованием⁴.

С мая 1936 г. он продолжил работу на Кубани. За выдающиеся научные достижения в области селекции В.С. Пустовойт был дважды удостоен звания Героя Социалистического Труда, стал академиком ВАСХНИЛ (1956 г.) и АН СССР (1964 г.) [6, с. 519].

Значительный вклад в выведение новых сортов сельскохозяйственных культур на территории КарЛАГа внес Игорь Константинович Фортунатов (1909–1987). В 1931 г. он окончил Сельскохозяйственную академию им. К.А. Тимирязева по специальности «агроном-садовод». В январе 1933 г. был арестован как «член контрреволюционной организации христианс-

³ Государственный архив Карагандинской области (ГАКО). Ф. 1487. Оп. 1. Д. 275. Л. 5.

⁴ Там же. Л. 14.

кой молодежи» и осужден на пять лет по ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР с пребыванием в ИТЛ. 2 мая 1933 г. был этапирован в КарЛАГ [7, с. 7].

В совхозе «Гигант» он заложил первый в Центральном Казахстане сад, где занимался испытанием 85 сортов плодов и ягод, 30 пород деревьев и кустарников. В местных сопках он обнаружил дикорастущую землянику и заготовил для ее разведения более 200 кустов⁵. В своей работе активно сотрудничал с другими учеными и садоводами-практиками, также оказавшимися в лагере. Среди них – профессор В.С. Пустовойт, В.М. Савич, В.И. Сазонов, техник-агроном А.Г. Разба, садовник-практик М.Ф. Воротыко, садоводы Д.Р. Христовлюбов, А.С. Попов, И.А. Здесюк, Я.К. Бычек и др.⁶

Освободившись из заключения в 1938 г., он принял участие в изучении пустыни Бетпакдалы, работал в системе АН Казахской ССР. Защитил кандидатскую диссертацию на тему «Культурная дендрофила Джезказгана». Впоследствии участвовал в разных экспедициях, работал в Институте лесного хозяйства в г. Пушкино под Москвой, был избран действительным членом Географического и Ботанического обществ СССР [3, с. 122].

Учеными, занимавшимися в заключении проблемами создания лесных полос, посадок деревьев и кустарников в Сары-Арке, была тщательно изучена территория КарЛАГ в почвенно-ботаническом отношении. Вот что вспоминает директор племзавода «Красная поляна» Н.Д. Дворук: «Лесополосы-то одинаковые. Только если на Дону их сажали вольные казаки, то в Сары-Арке – заключенные. Немало среди них было и ростовчан, и москвичей, и волжан – их опыт, как видишь, очень пригодился Казахстану» [3, с. 135].

Отбывал свой срок в КарЛАГ и один из крупных отечественных селекционеров – Яков Кондратьевич Бычек. Он был арестован в мае 1936 г. за «антисоветскую агитацию». До ареста его исключили как «сына кулака» перед последним государственным экзаменом из Нежинского педагогического института им. Н.В. Гоголя, агробиологический факультет [7, с. 14]. Я.К. Бычек вспоминает: «15 сентября 1936 г. я прибыл на станцию Карабас. Отсюда переправился в Долинку, где меня закрепили за поливным опытным полем. Стал вникать в вопросы акклиматизации и выведения новых сельскохозяйственных культур»⁷. После отбытия срока в 1941 г. Бычек остался работать на СХОС НКВД, где заведовал отделом селекции зерновых культур и многолетних трав. Он говорил, что «за пять лет так вжился в дело селекционера, что бросить начатое было бы жалко. Для выведения нового сорта требуется 5–10 лет, а то и 15 лет непрерывных опытов» [7, с. 15]. Ученый стал автором нового эспарцета (растение из семейства бобовых), называли его «песчаный улучшенный долинский». Кроме того, вывел три сорта пшеницы: «алабасская», «кызылбасская», «карагандинская-2».

Всего за 1938–1946 гг. сотрудниками Карагандинской сельскохозяйственной станции опубликовано более 200 научных статей, обобщающих научно-исследовательскую и экспериментальную работу по растениеводству. В подтверждение вышесказанного приведем воспоминания репрессированного Г. Левина: «В Карлаговское время это был цветущий уголок, оазис в пустыне. Грандиозная оросительная система, шумящая среди степей, леса и дубравы. Поселок Долинка утопал в зелени»⁸.

Благодаря проведению ирригационных работ, а также выполнению комплекса агротехнических мероприятий учеными-заключенными здесь ежегодно наблюдалось увеличение площади орошаемых земель, что способствовало повышению валового сбора зерна, овощей и картофеля. Так, в 1942 г. хозяйство КарЛАГ перевыполнило план по зерновым культурам. При плане 272 850 ц было получено 320 804 ц, или 117,5 %. Валовой сбор подсолнечника составил 16 258 ц при плане 12 120 ц, или 134 %. Урожайность многолетних трав (на сено) составила 13 ц, или 200 % плана. Общий сбор сена с учетом сеянных трав и естественных покосов составил 116,6 %⁹.

Помимо СХОС при управлении КарЛАГ была создана научно-исследовательская станция по животноводству с экспериментальными (опытными) базами, здесь также трудились специалисты-заключенные, внесшие немалый вклад в развитие животноводства не только Карагандинского региона, но и всей страны.

Борис Константинович Фортунатов (1886–1940), брат И.К. Фортунатова, окончил Военную академию Генерального штаба и в звании штабс-капитана принимал участие в Первой мировой войне. Во время Гражданской войны, командуя кавалерийским отрядом, перешел на сторону Красной армии. Его отряд вошел в Первую Конную армию. В 1920-х гг. трудился управляющим заповедника Украины и Крыма, затем заместителем директора заповедника Аскания-Нова. Как бывший эсер, был осужден на 10 лет. По ходатайству К.Е. Ворошилова и С.М. Буденного заключение ему заменили ссылкой. Он был отправлен на работу в совхоз «Гигант», где его назначили начальником НИС по животноводству. Б.К. Фортунатов возглавлял работу по выведению полутонкорунных курдючных овец камвольной шерсти¹⁰.

Порода полутонкорунных курдючных овец выводилась для районов с круглосуточным пастбищным содержанием животных. Выращивание молодняка и содержание животных осуществлялось в суровых условиях. Удалось получить породы тонкорунных овец, характеризующиеся высокой мясной продуктивностью, качественной шерстью, а также приспособленностью к климатическим условиям района. Жизнь ученого трагично оборвалась. Заразившись бруцеллезом,

⁵ Архив УВД КО. Ф. 4. Оп. 73. Д. 1/315. Л. 36.

⁶ Там же. Л. 38–39 об.

⁷ ГАКО. Ф. 1487. Оп. 1. Д. 275. Л. 22.

⁸ ГАКО. Ф. 1487. Оп. 1. Д. 257. Л. 56.

⁹ Архив УВД КО. Ф. 4. Оп. 73. Д. 18. Л. 24.

¹⁰ Берг А. Остров в степи // Индустриальная Караганда. 1989. 27 апр.

он умер в Долинской лагерной больнице в 1940 г., а начатая им работа была прекращена.

В 1989 г. в газете «Индустриальная Караганда» впервые были опубликованы воспоминания бывшего заключенного А. Берга, работавшего в НИСе в 1940-х – начале 1950-х гг. Автор статьи дает, к сожалению неполную, но ценную информацию о некоторых ученых – заключенных КарЛАГ. В частности, профессор Ленинградской военно-ветеринарной академии, микробиолог Райнольд Арнольдович Цион был в НИС директором ветлаборатории. Во время войны им в КарЛАГе была создана биофабрика по производству медикаментов, вакцин и сывороток. После освобождения из КарЛАГ он издал монографию «Определитель 1000 микробов»¹¹.

Профессор Курского ветеринарного института Яков Ефимович Васильцев трудился в КарЛАГ в качестве ведущего специалиста по борьбе с сапом лошадей. Он возглавлял экспедиции по выявлению больного конного поголовья, разрабатывал мероприятия по изоляции заболевших животных. После лагеря работал главным ветврачом Карагандинского треста совхозов¹².

Анна Владимировна Ланина – бывший сотрудник Всесоюзного института животноводства (г. Москва). В лагерь прибыла в 1939 г., работала главным зоотехником отдела животноводства лагеря. С 1940 г. стала начальником НИС, занималась селекционной работой с крупным рогатым скотом. Ею была выведена новая порода – казахская белоголовая мясного и мясомолочного направления. Средний живой вес коров составлял 540 кг, лучших – 800 кг, бычков – 1100 кг. Коровы молочно направленного давали до 3000 кг молока¹³. В 1951 г. Ланина стала лауреатом Сталинской премии первой степени. Присуждение премии позволило снять с нее судимость. Позже она преподавала в Алма-Атинском зооветеринарном институте, а после защиты докторской диссертации работала в ВАСХНИЛ до 1988 г. [3, с. 125].

Из архивных материалов известно, что до войны в КарЛАГе содержалось 159 высококвалифицированных агрономов, 70 зоотехников-специалистов по крупному рогатому скоту, 32 ветврача, 56 ветфельдшеров, 15 зоотехников-специалистов по овцеводству, а после войны их количество значительно увеличилось. В 1950 г. в хозяйствах лагеря работало более 200 агрономов [3, с. 136]. Труд квалифицированных специалистов позволил совершенствовать экономику даже такого специфического хозяйства, каким являлся лагерный комплекс.

Сказанное выше позволяет сделать вывод, что научная и практическая деятельность ученых, работавших в заключении на сельскохозяйственных научно-

исследовательских и опытных станциях КарЛАГ, была направлена на осуществление одной из главных задач совхоза «Гигант» – освоение степных и полупустынных земель Центрального Казахстана. При этом ученые КарЛАГ оставались в статусе заключенных (частью «спецконтингента»), а их труд подвергался жестким формам эксплуатации. Спектр изысканий – чрезвычайно широкий (селекция, генетика, полеводство, семеноводство), а сроки устанавливались минимальные. В первые годы репрессированные ученые жили в КарЛАГе в землянках и лагерных бараках, работая «по памяти», не имея полноценного доступа к научной информации и необходимого оборудования для исследований. Лишь годы спустя появились научная библиотека, лабораторное оборудование и т. п. На основе первых «мозговых трестов» возникали научно-исследовательские учреждения – лаборатории, научные базы и станции. В КарЛАГ отбывали срок многие как известные, так и получившие известность в дальнейшем ученые: селекционеры, генетики, агрономы, зоотехники, ветеринарные врачи. Научная деятельность ученых – заключенных КарЛАГ сыграла значительную роль не только в региональном развитии сельского хозяйства Центрального Казахстана, но и отчасти сельскохозяйственной науки страны в целом. Следует сказать о другой, крайне негативной стороне воздействия репрессий на сферу науки. Изъятие видных ученых разрушало, деформировало деятельность тех научно-образовательных учреждений, где они трудились до ареста. Кроме того, далеко не все арестованные ученые и специалисты могли продолжить свою работу за «колочкой»... Часть из них, даже после освобождения, продолжали работать в той же системе НКВД–МВД или в пределах Казахстана, не надеясь в сталинскую эпоху найти работу в центральных научных учреждениях и вузах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузнецова Е. КарЛАГ: по обе стороны «колочки». Сургут: Дефис, 2001. 355 с.
2. Шубин А.М. Карлаг в 40-х годах. Из фондов Центрального архива МВД СССР // Советские архивы. 1991. № 6. С. 30–38.
3. Шаймуханов Д.А., Шаймуханова С.Д. КарЛАГ. Караганда, 1997. 175 с.
4. Дильманов С. Трудовое использование заключенных в сталинских лагерях в 30–50 годы // Высшая школа Казахстана. 2001. № 2. С. 176–191.
5. Дик В. Карлаг: история судеб // О чем не говорили. Алматы, 1990. 254 с.
6. Репрессированная наука. Л.: Наука, 1991. 720 с.
7. Мозильницкий В.М. Звезды ГУЛАГа. Караганда, 2001. 168 с.

Статья поступила
в редакцию 05.12.2012

¹¹ Берг А. Остров в степи.

¹² Там же.

¹³ Там же.

УДК 930(477) “1954/1960”–“1991/2013”

А.И. ЧУМАК

**УЧАСТИЕ УССР В «ЦЕЛИННОЙ КАМПАНИИ»:
СОВРЕМЕННАЯ УКРАИНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ**Гимназия № 9 им. О.М. Луценка,
г. Черкассы, Украина
e-mail: ototak@yandex.ua

В статье рассматривается роль трудовых, материальных и других ресурсов Украинской ССР в освоении целинных и залежных земель Советского Союза (Сибири, Казахстана и других территорий). Речь идет об оценках «целинной кампании» в современной украинской историографии. Автор делает вывод о том, что историки Украины достаточно критично подошли к исследованию этого вопроса, хотя некоторые аспекты «целинной кампании» остаются малоизученными или исследованными поверхностно, в большинстве случаев – в контексте «стандартов» национального исторического нарратива современной Украины.

Ключевые слова: целина, «целинная кампания», ресурсы, Украина, украинцы, украинская историография.

В 1954 г. начался очередной коммунистический проект модернизации социально-экономического уклада в Советском Союзе – освоение целинных и залежных земель (целины). Его реализация требовала значительных материальных и человеческих ресурсов, а значит – и обществоведческого (или же политически-экономического) обоснования их использования. Вследствие этого имеются все основания утверждать, что в научных исследованиях тема «целинной кампании» вовсе не новая. Но после распада СССР она обогатилась новыми интерпретациями в рамках формирования новых государственных или альтернативных им исторических взглядов. В Украине новые взгляды на эту тему стали возможными по двум причинам: значительно расширившегося доступа к архивным источникам и налаживания реального научного диалога не только с исследователями постсоветских республик, но и представителями западной научной мысли.

Едва ли не самым первым ориентиром для украинских исследователей начала 1990-х гг. стала лаконичная концептуальная книга канадского историка Ореста Субтэльного «Украина: история» [1], адаптированная для украинского читателя из англоязычного издания 1988 г. «Целинная кампания» представлена в ней как первый сельскохозяйственный проект Н.С. Хрущева, который предусматривал освоение для дальнейшей культивации около 16 млн га нетронутых земель Казахстана и Сибири. Большую часть финансовых, материальных и человеческих ресурсов для этой кампании, по мнению исследователя, взяла на себя как раз Украина. На 1956 г. Субтэльный насчитал 80 тыс. квалифицированных специалистов по сельскому хозяйству и «тысячи тракторов», переброшенных на целину. Он насчитал также сотни тысяч украинских студентов, отправленных на освоение распахан-

ных земель. Программа освоения целины, по мнению Субтэльного, дала неоднозначные результаты, но вполне очевидно, что «выкачивала из Украины ресурсы и ослабляла сельскохозяйственное производство республики» [1, с. 617]. Несмотря на определенные неточности в статистических данных работы канадского историка украинского происхождения (в частности, февральско-мартовский (1954 г.) Пленум ЦК КПСС намечал освоить 13 млн га целины, а не 16), стоит отметить, что его небольшие тезисы стали в дальнейшем исходной точкой для многих исследователей этой темы в Украине.

Необходимо отметить, что сугубо оценочно современные украинские историки, наверное, значительно реже своих российских коллег отнесли к изучению «целинной кампании». Отчасти это было эмоциональным желанием выработать самостоятельное видение научно сформулированной проблемы, которое в свою очередь представляло общую тенденцию сепарации украинского обществоведения от российского. Вместе с тем, ученые Украины получили более широкий доступ к архивным источникам, которые стали активно анализировать и интерпретировать по большей части в контексте так называемых постколониальных студий, «украинский стандарт» которых весьма четко охарактеризовал Георгий Касьянов [2, с. 86–90].

Более-менее удачные методологические попытки отойти от этого стандарта позволили украинским исследователям выйти на новые горизонты в изучении советской политики по освоению целинных и залежных земель. Ярослав Грыцак, например, не берется утверждать, чего больше принесла распахка целины – пользы или вреда? Хотя в целом констатирует, что в сельском хозяйстве хрущевские реформы на 1963 г. потерпели полное фиаско. Вместе с тем, ученый вы-

сказывает предположение: если бы Хрущеву удалось добиться успеха в освоении целинных земель, это коренным образом изменило бы традиционную роль Украины как «великой житницы Российской империи». С этим, по его мнению, связано как раз то, что сельское хозяйство республики должно было сосредоточиться на производстве мяса, молока, сахара и другой продукции, что, как известно, также не удалось осуществить [3].

Однако большинство исследователей в Украине придерживаются критических взглядов относительно «целинной кампании» и ее последствий для Украинской ССР. И если на начало 1990-х гг. анализом постановления пленума ЦК КПСС «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель» (февраль – март 1954 г.) исследователи, по существу, и ограничивались [4, с. 55], то чуть позже украинская историография пополнилась более широкими трудами о «целинной кампании».

На практике весьма примитивные взгляды Хрущева на экономику вылились в то, что в организации сельскохозяйственного производства самыми популярными стали экстенсивные методы по расширению фонда эксплуатируемых земель, а из-за перераспределения капитальных вложений больше всего пострадала Украина. Леонид Беренштейн указывает на большой вклад аграриев Украинской ССР, который они были вынуждены внести в пользу как раз такого экстенсивного освоения целинных земель. В первую очередь из Украины было вывезено большое количество техники. Например, летом 1954 г. МТС и совхозы республики отправили на целину Российской Федерации 9,4 тыс. комбайнов и 1 тыс. зерноочистительных машин. В середине 1950-х гг., выполняя задание ЦК КПСС, на кампанию освоения целинных земель работало 90 промышленных предприятий Украины [5, с. 81].

По мнению Беренштейна, «целинная кампания» стоила Украине десятки тысяч трудовых мигрантов для районов Российской Федерации и Казахстана. Исследователь утверждает, что в 1954–1955 гг. 60 % выпускников сельскохозяйственных, зоотехнических, ветеринарных институтов и техникумов, училищ механизации сельского хозяйства Украины оставили республику именно ради труда на целине. И это в условиях трудного материально-технического положения и кадрового голода в селах собственной республики. Только в северные районы Казахстана за 1954–1961 гг. было направлено на работу свыше 163 тыс. граждан УССР, из них – большое количество механизаторов [5, с. 81-82].

Во втором томе коллективного труда «Украина и Россия в исторической ретроспективе» Виктор Даниленко рассматривает освоение целины с точки зрения давней политики еще Российской империи «по перемешиванию народов», которая в СССР приобрела, дескать, еще более мощную социальную и национальную унификацию. Ученый утверждает, что немалое евразийское пространство (и особенно Северный Кав-

каз, Кубань, Нижнее Поволжье, Башкирия, Казахстан, Западная Сибирь, Дальний Восток) в XX в. удерживалось в значительной степени благодаря этническим украинцам и их ассимилируемым потомкам: крестьянам-переселенцам, военным и инженерам оборонных предприятий, нефтяникам, «кулакам», изгнанным из Украины во время коллективизации, и т.п. «Целинную кампанию» он сравнивает с «первобытной азиатской колонизацией» (переселение времен Столыпина). В освоении целины украинцы, на его взгляд, представляли значительную, иногда доминирующую часть и в многочисленных «постройках коммунизма» в Сибири, Казахстане, на Крайнем Севере. Как следствие, в России непрестанно росло количество людей, которые имели родственников в Украине [6, с. 399].

Составители учебной литературы для школ и высших учебных заведений Украины также отмечают преобладание экстенсивных методов ведения хозяйства, которые преобладали в аграрной политике Хрущева. Освоение нетронутых земель, на их взгляд, происходило за счет хозяйств европейской части СССР и главным образом Украины. Несмотря на то, что республика испытывала собственный недостаток в технике, кадрах, финансах, из нее в районы освоения целины было вывезено большое количество техники. Юрий Мыщик и Олег Бажан лишь в 1954–1955 гг. насчитали свыше 93 тыс. украинцев, прибывших на целину в Казахстан. Политика освоения целинных земель дала лишь кратковременный эффект, – утверждают они. Общие потери урожая на освоенных землях были слишком высокими, а производство зерна на 20 % дороже, чем в среднем по СССР [7].

На начало XXI в. в украинской историографии наметилась тенденция более глубоких, а также локальных исследований «целинной кампании». Так, в монографии Ивана Романюка предпринята попытка понять логику реформ Хрущева в целом. Исследователь приходит к выводу, что решение об освоении целинных и залежных земель принималось, прежде всего, как составляющая общего увлечения Хрущевым идеей наладить сельскохозяйственное производство по образцу промышленности в городах, в частности, с помощью советских хозяйств (совхозов). Идея осовхозивания, по мнению исследователя, тревожила Никиту Сергеевича постоянно, ведь он был убежден, что государственные предприятия на селе будут и должны работать так, как и в городе. В совхозах он видел ростки коммунистического способа хозяйства, а для него они представляли высшую и совершенную форму собственности [8, с. 51].

С другой стороны, И. Романюк доказывает, что «осовхозивание села проводилось без учета материальных и финансовых возможностей государства, вследствие чего много только что созданных совхозов не были в достаточной мере обеспечены средствами производства» [8, с. 54]. Следовательно, сам акцент советской системы ведения хозяйства на обобществленный способ производства, сосредоточение и перераспределение ресурсов в обход рыночных механизмов

ставил перед государством вопрос о достижении плановых показателей лишь с помощью нематериальной мотивации (социалистических соревнований и других проявлений «трудового энтузиазма» и «кампанейщины») и беспощадной эксплуатации природных ресурсов – ярким примером чего и была, собственно, «целинная кампания».

Олег Малярчук в своем диссертационном исследовании сосредоточился на анализе «целинной кампании» в самой Украине, в частности в западноукраинском регионе (в принципе – на мало известной стороне истории освоения целины). Исследователь на локальном материале характеризует деятельность партийных и советских органов по решению кадровых, финансовых и других вопросов сельскохозяйственного производства во времена Хрущева. Как предполагалось, обеспечить реформы аграрного сектора и улучшить политико-экономическую ситуацию в Западной Украине должны были коммунисты, направлявшиеся на постоянную работу в сельские районы из городов и промышленных центров. Официальная пропаганда утверждала, что «призыв партии помочь селу нашел широкий отклик среди трудящихся города». Однако анализ архивных партийных документов дал основания О. Малярчику утверждать, что значительная часть коммунистов, особенно областного руководящего звена, всячески уклонялась от такой миссии. Например, к началу 1954 г. Дрогобычский обком КП(б)У вместо 115 чел. согласно плана отправил на постоянную работу из городов в села области только 16 коммунистов, в том числе из аппарата обкома – 4 чел.; Львовский обком вместо 141 – 15, из аппарата обкома – 4; Ровенский из 150 – 38, из аппарата обкома – никого; Станиславский из 44 аппаратчиков – ни одного [9, с. 11]. И это тогда, когда все хорошо знали, что далеко не каждый деятель с партийной карьерой является успешным руководителем-хозяйственником. Острейшей кадровой проблемой оставался довольно низкий образовательный и организаторский уровень председателей колхозов именно в сфере производства. Хотя качественный состав руководителей хозяйств, в результате проведенных в первой половине 1950-х гг. мероприятий, улучшился, однако поставленные партией часто нереальные хозяйственные задания выполнялись неудовлетворительно [9, с. 14].

Главное задание первичных партийных организаций, согласно исследованию О. Малярчука, было в том, чтобы «правильно расставить» коммунистов на главных участках производства сельскохозяйственной продукции. По мнению партийного аппарата, ситуация прежде всего определялась тем, что в животноводстве работало наименьшее количество коммунистов и комсомольцев, особенно в горных районах. Правление колхозов и первичные партийные организации создали общественные комиссии, утвержденные на заседаниях бюро райкомов партии, по контролю над правильным использованием и хранением кормов в хозяйствах. Несколько позже при них же на общественных началах были организованы комиссии партийного контроля

над деятельностью администрации колхозов [9, с. 16]. Все это вело к бюрократизации и только мешало производству, а не помогало ему.

Что касается расширения посевных площадей за счет целинных земель в Западной Украине, то здесь активно внедрялась пахота горных пастбищ в Карпатах. Показательным в этом плане О. Малярчук считает колхоз им. Кирова Глыбоцкого района Черновицкой области, где в течение трех лет распахали сенокосы и пастбища площадью в 300 га. Ежегодно на возделывание этой территории колхоз тратил 200 тыс. руб. Нарращивание сельскохозяйственного производства поглощало огромные ресурсы, однако надлежащей отдачи не было. В 1955 г. урожаем кукурузы составлял здесь 1,6 ц/га, тогда как раньше на этом участке заготавливали 20 ц/га качественного сена [9, с. 12]. Следовательно, использование человеческих ресурсов и материально-технической базы в рамках «целинной кампании» на Западной Украине было таким же нерациональным, как и в целом в СССР. А это в который раз свидетельствует о непродуманности и противоречивости всей кампании, как на глобальном, так и на локальном уровнях. Что в большинстве случаев и отмечают исследователи как в Украине, так и за ее пределами.

Таким образом, грандиозный хрущевский проект освоения целинных и залежных земель, который «надолго законсервировал экстенсивный характер сельского хозяйства» [10, с. 390], получил пока первичное освещение в современной украинской историографии. Исследователи делают акцент на миграционных процессах, которые изменили социальный облик как Украины, так и огромных пространств Казахстана и Сибири. Зачастую отмечают, что «целинная кампания» подорвала внутреннее обеспечение Украинской ССР высококвалифицированными трудовыми ресурсами. Впрочем, исследователям украинских историков все еще недостает адресного подхода к отдельным аспектам рассматриваемой проблемы, более глубокого и всестороннего анализа, не только учитывающего национальный контекст, но и включающего критический пересмотр имеющейся статистики и других источников.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Субтельний О.* Україна: історія / пер. з англ. Ю.І. Шевчука; вст. ст. С.В. Кульчицького. 3-тє вид., перероб. і доп. К.: Либідь, 1993. 720 с.
2. *Касьянов Г.* «Пикник на обочине»: осмысление имперского пришлого в современной украинской историографии // Новая имперская история постсоветского пространства: сб. ст. (Библиотека журнала «Ab imperio») / под ред. И.В. Герасимова, С.В. Глебова, А.П. Каплуновского и др. Казань: Центр исследований национализма и империи, 2004. С. 81–108.
3. *Грицак Я.* Нарис історії України. Формування модерної української нації XIX–XX ст. К.: Генеза, 1996. 360 с.
4. *Михайлюк В.* Історіографія розвитку аграрних відносин в Україні (70-ті – початок 90-х рр.). К.: ред.-вид. рада Укрдержагроуніверситету, 1992. 181 с.
5. *Беренштейн Л.* Аграрні проблеми у діяльності М.С. Хрущова // М.С. Хрущов і Україна: матеріали наукового семінару 14 квітня 1994 р., присв. 100-річчю від дня народження М.С. Хрущова. К.: Інститут історії України НАН України, 1995. С. 79–87.

6. Україна і Росія в історичній ретроспективі: нариси в 3 т. Т. 2: Радянський проект для України / В.А. Гриневич, В.М. Даниленко, С.В. Кульчицький, О.С. Лисенко. К.: Наукова думка, 2004. 532 с.

7. Мицик Ю.А., Бажан О.Г., Власов, В.С. Історія України: навч. посіб. / К.: Києво-Могилянська академія, 2008. 586 с.

8. Романюк І. Українське село в 50-ті – першій половині 60-х рр. ХХ століття. Вінниця: Книга-Вега, 2005. 256 с.

9. Малярчук О. Аграрна політика партійно-радянської влади (1944–1964 рр., західні землі України): Автореф. дис ... канд. іст.

наук: 07.00.01 / НАН України. Ін-т українознав. ім. І. Крип'якевича. Ін-т народознав. Львів, 2005. 20 с.

10. Економічна історія України: Історико-економічне дослідження: в 2 т. / [ред. рада: В.М. Литвин (голова), Г.В. Боряк, В.М. Гець та ін.; відп. ред. В.А. Смолій; авт. кол.: Т.А. Балабушевич, В.Д. Баран, В.К. Баран та ін.]; НАН України, Ін-т історії України. К.: Нчіка-Центр, 2011. Т. 2. 608 с.

Статья поступила
в редакцию 19.01.2013

УДК 32.01

Л.Н. МАЗУР

СЕЛЬСКАЯ БЮРОКРАТИЯ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

д-р ист. наук,
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург
e-mail: Lmaz@mail.ru

В статье рассматривается возможность использования топографического подхода для изучения бюрократии. Анализируются особенности формирования и функционирования сельской бюрократии в советской России, ее состав, социально-профессиональные характеристики, механизмы рекрутирования. Сельская бюрократия появляется в середине XIX в. и реализует более разнообразный спектр моделей господства, среди которых наиболее распространенными были патриархально-демократическая и азиатская.

Ключевые слова: советская Россия, сельская бюрократия, социальный состав, функции.

Среди проблем истории бюрократии наименее изученными остаются вопросы ее внутренней стратификации, имеющей не только вертикальную, но и горизонтальную (пространственную) структуру. В этом отношении правомерно говорить о сельской бюрократии как особой социальной группе, становление и развитие которой приходится в России на XIX–XX вв. Усложнение социальной структуры бюрократии можно рассматривать как основную тенденцию развития, связанную с ее интеграцией во все общественные макро- и микроструктуры (община, общественные организации, предприятия, учреждения).

Бюрократизация общества (по вертикали и горизонтали), реализация бюрократией функций государства разворачивается как исторический процесс, включающий несколько стадий:

– XVI–XVIII вв. – бюрократизация государственного центрального аппарата управления, которая в России получает развитие вместе с формированием централизованного государства и продолжается вплоть до губернской реформы 1775 г.;

– конец XVIII–XIX в. – бюрократизация не только органов центральной власти, но и местного аппарата управления, в том числе в сельской местности;

– XX в. – бюрократизация социальных микроструктур (учреждений, организаций, предприятий).

Этот этап связан с формированием профессионального менеджмента, который претендует на универсальность и всеобщность, доводя до логического завершения отчуждение системы управления от человека.

В России бюрократизация аппарата управления начинается достаточно рано, уже в период формирования централизованного государства. На каждом этапе она постепенно охватывает все новые общественные структуры, изменяясь количественно и качественно. По данным Б.Н. Миронова, в первой половине XIX в. количество чиновников выросло более чем в 3 раза (с 0,6 чел. на 1 тыс. чел. населения до 2,0), затем следует относительное сокращение их численности (до 1,6 чел. на 1 тыс. чел. населения в 1913 г.), хотя в абсолютных показателях она увеличивалась. К 1880 г. чиновников было около 129 тыс., к 1897 г. – 145 тыс., а к 1913 г. их численность достигла 253 тыс. [1, с. 200–201]. Новый скачок численности чиновников наблюдается в советский период: 1922 г. – 5,2 чел. на 1 тыс. чел. населения, 1940 г. – 9,5, 1950 г. – 10,2, 1985 г. – 8,7 чел. [с. 204]. Постсоветская Россия дает нам пример абсолютного торжества бюрократии, не ограниченной никакими нормами, законами и механизмами контроля. На сегодняшний день ее численность составляет около 1 млн чел. (не считая депутатов и сотрудников

МВД, ФСБ и т. д.)¹. По данным на 2010 г., в среднем на 1 тыс. чел. населения в РФ приходилось 11,5 работников государственных органов и органов местного самоуправления².

Положительная динамика численности чиновников характерна для любой страны: в этом видится объективная закономерность, связанная с усложнением системы управления, ее профессионализацией. Помимо общих закономерностей развития российской бюрократии, получивших достаточно полное освещение в российской историографии [1–6 и др.], следует учитывать *топографические/пространственные* особенности ее эволюции. В России фактор пространства всегда играл большую роль, он также наложил свой отпечаток на процессы бюрократизации. Топографический подход к изучению бюрократии основан на понимании закономерностей реализации власти не только на разных уровнях управления, но и с учетом особенностей ее пространственной организации (см. таблицу).

В рамках топографического подхода выделяют три типа бюрократии: столичная, провинциальная (губернская/областная), сельская. Каждый из типов характеризуется определенным ареалом проживания; уровнем концентрации; для них свойственны особые механизмы рекрутирования; социально-профессиональные характеристики; и, как результат, свои

модели господства. А.В. Оболенский, рассматривая концепцию бюрократии и ее исторические варианты, выделил четыре основных типа [7, гл. 1]: «веберовский» идеальный тип рациональной бюрократии; «марксовый» критический тип [8]; «азиатский»/имперский; и «западный»/реалистический тип. Первые два имеют ярко выраженный теоретический характер и рассматривают явление бюрократии с разных концептуальных позиций: либо как рациональную деятельность (социологический подход), либо как абсолютное зло (политологический подход). Другие два типа представляют собой исторические модели, связанные с определенной системой государственности – имперской или демократической. Выделенные модели представляют методологическую ценность для понимания особенностей сельской бюрократии.

Топография бюрократии позволяет учесть ареалы ее концентрации – прежде всего столичные города, где она зародилась и где сила и влияние бюрократии максимальны. Далее выделяются провинциальные города – административные центры, где ряды бюрократии рекрутируются за счет столичной (она занимает высшие посты, так центральная власть пытается контролировать местную) и местной элиты. Наименьшая концентрация бюрократии наблюдается в сельской местности. Здесь формируется специфическая про-

Типология бюрократии с учетом топографии

Критерии	Столичная бюрократия	Провинциальная бюрократия	Сельская бюрократия
Ареалы проживания	Столичные города (Москва, Санкт-Петербург)	Губернские/областные города	Уездные/районные города, сельская местность
Органы управления	Центральный гос. аппарат	Местные органы гос. управления	Органы местного самоуправления/управления
Степень концентрации	Высокая (предельная) плотность	Очаговая концентрация в местных (губернских, областных) адм. центрах	Низкая плотность, дисперсное расселение в сельской местности
Механизмы рекрутирования	Назначение преимущественно из элиты	Назначение из представителей столичной и местной элиты, разночинцев	Назначение и частичная выборность из представителей местного сообщества
Социально-профессиональные характеристики	Высокий уровень профессионализации и разделения труда с тенденцией к корпоративности, сословной замкнутости	Низкий уровень профессионализации и разделения труда	Отсутствие профессионализации, разделения труда, многофункциональность
Модели господства	Зависимость от вышестоящих, адм. механизмы контроля, авторитарная система управления Азиатская модель господства	Зависимость от центра и от региональных элит, авторитарная система управления Традиционная азиатская модель господства	Зависимость от местного (деревенского) сообщества. Демократическая модель господства , основанная на признании традиционных ценностей и патриархальности

¹ Сколько чиновников в России? URL : <http://skolko-vo.ru/art/skolko-chinovnikov-v-rossii.html/> [Дата обращения: 15.12.2012].

² Рейтинг субъектов РФ по численности чиновников государственных органов и местного самоуправления на 10 тыс. жителей в 2010 году. URL : http://vid1.rian.ru/ig/ratings/r_goswork.pdf. [дата обращения : 15.12.2012]

слойка управленцев, очень немногочисленная, но достаточно влиятельная.

Сельская бюрократия появляется сравнительно поздно, во второй половине XIX в., вместе с формированием системы местного самоуправления. В досоветский период она включала группу должностных лиц, наделенных административными функциями – это земский начальник, волостной старшина, староста, писарь, волостной судья. Для них были характерны выборность, подотчетность обществу, что отличало их от «городского» бюрократа. Но самое главное, в сельской местности не было завершено отчуждение должностных лиц от сельского сообщества, они продолжали оставаться членами социальных сетей, в том числе общинных, семейных, соседских и проч. Таким образом, в отличие от городской среды, в сельской местности объективно получает развитие демократический вариант контролируемой бюрократии, основанный на традиционно-патриархальных отношениях власти.

Созданная в советской России система управления в целом сохранила черты имперской модели, в том числе фактическое отсутствие демократических институтов, подмену их централизованными формами управления. Несмотря на официальное осуждение и борьбу с бюрократией, на практике была создана ее советская разновидность – номенклатура. Она рекрутировалась преимущественно из социальных низов, обладающих низким уровнем образования, особыми ментальными характеристиками (преобладание традиционалистского и революционного типов сознания [9]), что способствовало усилению азиатских черт бюрократической модели господства.

В советский период бюрократизация охватила российскую деревню с новой силой. Правда, ее влияние почувствовалось не сразу, только в 1930-е гг. – в условиях коллективизации и массового строительства совхозов. Первоначально (в 1920-е гг.) сельскую бюрократию составлял административный аппарат сельсоветов, малочисленный и слабо бюрократизированный, воспроизводивший типичные черты земской системы самоуправления [10].

Новая система сельского управления получила отражение в Конституции РСФСР 1918 г. и в ряде законодательных актов³. Она включала местные Советы двух уровней – районные и поселковые/сельские. Численность депутатов райсовета колебалась от 200 до 300 чел. Совет собирался периодически на сессии (4 раза в год) для утверждения различных решений, подготавливаемых исполнительным комитетом. Высшим должностным лицом на уровне района выступал председатель совета. В его подчинении находились заместители и аппарат райисполкома, включающий несколько отделов, в том числе организационно-распорядительный, информационно-статистический, агитации

и пропаганды, земельный и проч. Каждый отдел отвечал за определенное направление работы, в его составе работали специалисты и уполномоченные, главной функцией которых являлся контроль выполнения распоряжений райсовета.

Институт *уполномоченных* был основным связующим звеном с низовыми организационными структурами и своеобразным символом бюрократической власти. Сотрудники отделов, в отличие от председателя исполкома, не избирались, а принимались на работу в соответствии с трудовым законодательством, т. е. по административному принципу. Исполком совета подчинялись местные районные отделы внутренних дел, здравоохранения, соцобеспечения, народного образования, финансов, комитет народного контроля и т. д. В подчинении Советов фактически находились также народные суды.

В условиях советского режима власть в районе была сосредоточена в руках не советских, а партийных органов. Главное слово было за первым секретарем райкома, который являлся фактическим хозяином района. В каждом районе на партийной конференции выбирался районный партийный комитет. Райком избирал бюро, состоящее из секретарей и членов бюро. В структуре райкома создавался аппарат, включающий отраслевые отделы, в их задачи входила работа с партийными организациями предприятий и учреждений района и фактически контроль над руководителями этих предприятий. В составе отделов райкома самой массовой должностью (невыборной) были инструкторы, они осуществляли непосредственные контакты с первичными организациями.

В социальном отношении эти две категории советских чиновников (в терминологии того времени «ответственных лиц») – *инструкторы* райкома и *уполномоченные* райисполкома – составляли низовой бюрократический аппарат новой системы управления. В отличие от имперской модели, они, как правило, не были связаны с сельским сообществом, это были преимущественно городские жители, ничего не понимавшие в сельскохозяйственном производстве. Но они фактически диктовали, как работать, как жить советскому крестьянству.

В сталинский период, когда система контроля приобрела тотальный характер, в колхозах практически постоянно находилось 3–5 уполномоченных от различных управленческих структур (исполкома, райкома, ревизионной комиссии, заготовительных, судебных органов и т. д.). Их содержание ложилось на плечи колхозников, причем оно включало не только ночлег и питание, но и подарки, ставшие традиционным элементом взаимоотношений крестьянства и власти. Неоднократно предпринимались попытки изжить эти недостатки (в частности, кампания борьбы с нарушениями устава 1946 г. [11]), но они оказывались малоэффективными.

Структура сельского управления в советский период, помимо районного звена, включала еще сельсоветы, которые представляли собой выборный орган

³ Положение ВЦИК «О сельских Советах» от 15.02.1920 (опубликовано в «Известиях» ВЦИК № 34); «Положение о сельских Советах», утвержденное ВЦИК 26.01.1922; «Положение о сельских Советах» от 16.10.1924. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=16870> (дата обращения: 10.12.2012).

(1 депутат на 100 чел. населения, позднее – на 200 чел.), избираемый сроком на два года. Сессии сельского совета проходили не реже одного раза в месяц. Для выполнения текущей работы формировался исполнительный комитет из председателя, его заместителя и секретаря и членов. В небольших поселениях исполнительный комитет мог отсутствовать, и тогда все необходимые функции выполнял только председатель, его заместитель и секретарь⁴.

Задачи сельсоветов и их председателей были обширными. Они выполняли административные, фискальные функции, вели статистический и военный учет, обеспечивали руководство местным хозяйственным и культурным строительством, формировали местный бюджет. Роль местных органов во многом определялась их финансовыми возможностями: бюджет формировался частично из местных источников (примерно на 50 %), частично – из районного бюджета⁵, что ставило сельсовет в зависимое положение и от районных органов власти, и от местных сельскохозяйственных организаций (колхозов и совхозов).

Особое место в системе сельской власти занимала управленческая верхушка колхозов, совхозов, МТС, прежде всего председатели колхозов. М.А. Безнин и Т.М. Димони отнесли их к «протобуржуазии», подчеркивая их особую власть и положение в сельском сообществе, а также важность делегируемых им организационно-управленческих функций [12]. Здесь возникает вопрос, насколько возможно руководителей сельскохозяйственных предприятий относить к категории бюрократии? Без сомнения, можно, поскольку, во-первых, они входили в состав номенклатуры; во-вторых, вся аграрная сфера находилась под жестким контролем государства. Несмотря на существование в советский период кооперативной (колхозной) формы собственности, она мало чем отличалась от государственной; в-третьих, колхозы и совхозы переживали в 1930–1950-е гг. этап механизации и интенсификации сельскохозяйственного производства, что способствовало профессионализации административно-управленческого аппарата. Председателей колхозов в РСФСР в 1932 г. насчитывалось более 150 тыс., в 1987 г. – 12 тыс. Численность директоров совхозов в начале колхозно-совхозного периода отставала от численности председателей колхозов, но догнала ее в конце 1980-х гг.: в 1930 г. директоров российских совхозов насчитывалось около 3 тыс., в 1987 г. – почти 13 тыс. [13, с. 268].

Председатель колхоза был одной из центральных фигур в российской деревне 1930–1980-х гг. По Уставу высшим органом управления в колхозе явля-

лось собрание колхозников, которое избирало председателя и правление. На практике демократические процедуры существенно деформировались: кандидатура председателя колхоза вначале подбиралась и утверждалась на уровне райисполкома и райкома, а затем уже проводились выборы на общем собрании колхозников, т. е. фактически председатель – это государственный чиновник, на которого возлагалась персональная ответственность за выполнение колхозом производственных планов, сдачу сельхозпродуктов, выплату налогов и т. п. Довольно часто руководители колхозов демонстрировали авторитарный стиль руководства, принимали решения по важнейшим производственным вопросам единолично, что противоречило уставным нормам сельхозартели, но было явлением повсеместным [14, с. 111]. Директора МТС и совхозов, в отличие от председателей колхозов, не выбирались, а назначались. Они были менее свободны в принятии управленческих решений, хотя формально выше по статусу.

Следует отметить такую особенность сельской бюрократии советского периода, как специфический источник рекрутирования – это преимущественно городские жители: представители рабочего класса, служащих и только частично сельское население. В конце 1920-х гг. были апробированы механизмы массового привлечения коммунистов (рабочего класса) на руководящие должности в сельское хозяйство. Большую известность в годы коллективизации приобрело движение 25-тысячников, в результате которого в колхозы страны на работу в качестве председателей и секретарей парткома были присланы 27 519 чел. [15]. В 1950-е гг. проводилась кампания 30-тысячников, целью которой было «укрепление» руководящего звена колхозов передовыми представителями рабочего класса, а также специалистами с высшим образованием. На протяжении 1950–1980-х гг. пополнение руководящего звена колхозов и совхозов, а также советского и партийного аппарата районного уровня происходило в основном за счет выпускников высших учебных заведений. Сельские административные структуры нередко служили начальной ступенькой для административной карьеры. Так начиналось восхождение многих видных деятелей советской эпохи, в том числе Л.И. Брежнева, М.С. Горбачева, М.А. Сулова и др.

Таким образом, за годы советской власти сложился достаточно мощный, отличный от имперской модели, слой сельской бюрократии, обладавшей следующими чертами:

– она лишь частично опиралась на номенклатурный принцип (номенклатуру составляли только руководящие работники – председатели райисполкома, секретари райкома, директора совхозов и председатели колхозов, секретари парторганизаций);

– имела сложную социальную структуру, включающую административную, партийную, колхозную, производственную бюрократию;

– отличалась низким уровнем профессионализации и специализации;

⁴ Конституция СССР (Утверждена Постановлением VIII чрезвычайного съезда Советов СССР от 05.12.1936). Гл. VIII // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1936. 6 дек. № 283. URL: <http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/> (дата обращения: 07.01.2013).

⁵ Анимца Е.Г., Тертыйный А.Т. Основы местного самоуправления. М., 2000. URL: http://gendocs.ru/v37142/анимца_е.г._тертыйный_а.т._основы_местного_самоуправления?page=5 (дата обращения: 15.12.2012).

– работала в условиях двойной системы административного контроля (советской и партийной), что затрудняло формирование местных элит;

– реализация принципа выборности при формировании советских и колхозных органов управления способствовала поддержанию определенного уровня ответственности выборных лиц перед своими выборщиками;

– сохранялось влияние социальных сетей на низовой уровень управления;

– наблюдалось разнообразие моделей господства в зависимости от местных условий (восточная; патриархальная; демократическая).

Таким образом, предложенный топографический подход к изучению структуры бюрократии позволяет исследовать механизмы господства с учетом пространственных факторов ее функционирования. Сельская бюрократия появляется в середине XIX в. и проходит значительный путь развития, оформившись в специфическую категорию с особым социальным статусом, механизмами рекрутинга и моделями господства, отличными от провинциальной и столичной разновидности. Благодаря сложившейся в сельской местности системе контроля, основанной на совокупном влиянии административной, патриархальной и демократической традиций, в сельской местности реализуется более разнообразный спектр моделей господства, среди которых наиболее распространенными были патриархально-демократическая и азиатская. На протяжении всего изучаемого периода (XIX–XX вв.) сохраняются тесные контакты и включенность сельских чиновников и управленцев в крестьянское общество, что ограничивало уровень бюрократизации сельской власти и влияло на незавершенность отчуждения населения от власти. Такая ситуация сохраняется вплоть до 2000-х гг. – времени реализации муниципальной реформы, существенно ускорившей процессы бюрократизации сельской власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мионов Б.Н.* Социальная история России. СПб., 2003. Т. 2.
2. *Архипова Т.Г., Румянцев М.Ф., Сенин А.С.* История государственной службы в России в XVIII–XX вв. М., 1999.
3. *Шепелев Л.Е.* Чиновничий мир России XVIII – начала XX в. СПб., 1999.
4. *Восленский М.С.* Номенклатура: господствующий класс Советского Союза. М., 1991.
5. *Бондаренко С.Я., Малахов Р.А., Перебинос Ю.А.* Провинциальное чиновничество на Европейском Севере России в 1918 – начале 1950-х гг.
6. *Оболонский А.В.* На государственной службе: бюрократия в старой и новой России. М. 1997.
7. *Оболонский А.В.* Бюрократия и государство: очерки. М., 2007.
8. *Макаренко В.П.* Анализ бюрократии классово-антагонистического общества в ранних работах Карла Маркса. Ростов н/Д., 1985.
9. *Поршнева О.С.* Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат в России в период Первой мировой войны (1914 – март 1918 г.). Екатеринбург, 2000.
10. *Безгин В.Б.* Крестьянская община и сельсовет в 1920-е годы // Проблемы общества и политики. 2013. № 2. С. 119–160.
11. Постановление от 19 сентября 1946 г. № 2157 «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах» // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 8-е. М., 1985. Т. 8: 1946–1955. С. 55–61.
12. *Безгин М.А., Димони Т.М.* Социальные классы в российской колхозно-совхозной деревне 1930–1980-х гг. // СОЦИС. 2011. № 11. С. 90–101.
13. *Глумная М.Н.* К характеристике колхозного социума 1930-х годов (на материалах Европейского Севера России) // XX век и сельская Россия. Российские и японские исследователи в проекте «История российского крестьянства в XX веке». Токио, 2005. С. 265–286.
14. *Изьмова Л.В.* Колхозный социум 1930–1960-х гг.: социальная трансформация, идентификация и престиж // Известия Уральского гос. ун-та. 2008. № 59. С. 103–118.
15. *Ершков Н.В.* Двадцатипятидесятники // Советская историческая энциклопедия / под ред. Е.М. Жукова. М., 1963. Т. 4. Стлб. 1027–1028.

Статья поступила
в редакцию 19.01.2013

АРХЕОЛОГИЯ

УДК 902/903

В.Е. ЛАРИЧЕВ

«НЕДОСТАЮЩЕЕ ЗВЕНО» – МЕЗОЛИТИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ (к проблеме сохранения информационных традиций в культурах постпалеолитической эпохи Евразии)

Часть IV: «Тайны богов» – системы счисления времени в культурах мезолита Северо-Запада Европы*

д-р ист. наук,
Институт археологии и этнографии СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: alkin-s@yandex.ru

Статья написана во исполнение программы анализа проблемы устойчивого сохранения информационных традиций в культурах каменного века Евразии. Она завершает обзор образцовых источников европейской части континента и посвящена «предмету искусства», обнаруженному на северо-западе данной территории (Дания, поселение Хьёринг (Hjorring); культура маглемозе).

Ключевые слова: Северо-Запад Европы, маглемозе, мезолит, астроархеология, знаковые записи, расшифровка, календари, культурные традиции.

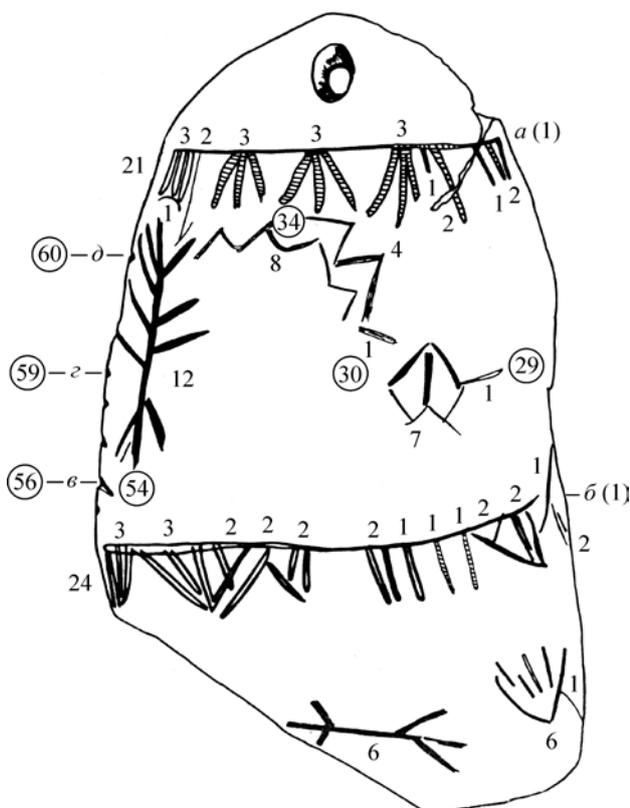
Вводные замечания и программная цель исследования. Завершение последнего оледенения времени верхнего плейстоцена и связанное с этим событием исчезновение обширных ледниковых полей на Крайнем Севере Европы (следствие наступления потепления в голоцене) привело к формированию в регионе, прилегающем к берегам северных морей, ареала весьма своеобразных культур маглемозе эпохи мезолита и начала перехода к неолиту. Творцы их, успешно приспосабливаясь к новым условиям хозяйственного бытия, продолжили традиции интеллектуально-духовной деятельности сообществ охотников и собирателей, «художественная» культура которых представлена выдающегося уровня образцами «искусства» малых и монументальных форм палеолита Португалии, Испании, Франции, Англии Германии и Чехии.

Подтверждает эту мысль серия загадочного назначения находок, именуемых «украшениями, декорированными орнаментального вида узорами». Такие изделия «первобытного художественного творчества» заключают в себе информацию высочайшей ценнос-

ти. Задача публикации состоит в следующем: осуществить «прочтение» строчек «орнамента» на одном из «оберегов» и, подтвердив продолжение палеолитической традиции тщательного отслеживания течения лунного и солнечного времени ради гармонизации бытия своего с бытием Природы, направить в последующем усилия на отыскание того же самого в «искусстве» культур Европы, хронологически следующих за мезолитом Балтии и Скандинавии («предметы искусства» малых форм неолита, бронзы, железа и того же времени святилища с наскальными изображениями).

Источник. Датировка и традиционное восприятие «художественного антуража» подвески. Методическая установка иного истолкования «предмета искусства». Трапециевидная по очертаниям плитка камня (или галька) с отверстием по центру верхнего, плавно закругленного конца, покрыта «символическими знаками» (см. рисунок). По мнению А. Маршака [1, р. 357], они гравировались на объекте культуры маглемозе Дании, датированном временем около 10 тыс. л. до н. э., несколькими инструментами и делалось это не сразу, а на протяжении некоей длительности времени [1, р. 357; fig. 216, a и b]; (вывод сделан на осно-

Начало публикации см.: Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 4; 2011. № 3; 2012. № 2.

Мезолитическая подвеска с поселения Хьёринг (Дания). Числовые «записи» верхнего и нижнего отделов «орнаментальной» композиции.

вании анализа резных линий с помощью микроскопа). Из образно распознаваемых фигур он упомянул изображение растения, лежащего на боку антропоморфа с фаллосом, «ромбовидную (вувлюобразную?) структуру», пальцы рук (?) и скопления резных линий, примыкающих снизу к двум горизонтальным линиям, соединяющим противоположные края плитки. Протяженные линии *a* и *б*, стержневые основы композиций, возможно, символизировали Небо и Землю. Как ни странно, числовой аспект композиций (ключ к интерпретациям) А. Маршак оставил вне рассмотрения. Восполним пробел, поставив во главу угла пифагорейскую значимость числа в распознавании непонятного, определим порядок считывания знаков и реконструируем систему счисления времени.

Презентация знаковой системы подвески. Числовой аспект каждой из структур композиции. Общее количество знаков в двух структурах. Тестирование чисел. «Орнаментальное» поле подвески подразделяется на два отдела: 1 – верхний, с резной линией *a* и связанными с нею знаками, ниже которых располагаются ромбовидная фигура, две зигзагообразные (змеевидные) линии, «древо», а по левому краю – мелкие насечки; 2 – нижний, с резной линией *б* и связанными с нею знаками, ниже которых располагаются угловатая (пальцы?) и антропоморфная фигуры.

В пределах границ верхнего отдела основных знаков 59:21 (знаки резной линии *a* – [2→1]–2→1–3→3→3→2→3→1+[7+1] (ромбовидная фигура) + [1+4] (правая зигзагообразная линия) + 8 (левая зигзагообразная линия) + 12 («древо») + [5] (краевые насечки в нижней части «древа») = 59 (*д* (факультатив) не учитывается).

В пределах границ нижнего отдела знаков 37:24 (знаки резной линии *б* – [2→1]→[2→2][1→1→1→2]–[2→2]–[2→3→3]–[6+1] (угловатая фигура) + 6 (антропоморфная фигура) = 37. Всего знаков 59+37=96.

Если за факультативные знаки принять 2 резные линии *a* и *б*, миниатюрную насечку *д* в ветвях «древа», то получим $96+2+1=99$. Это число, как и число 21 (знаки резной линии *a*), а также вычисленные ранее 59 и 37, календарно-астрономически значимы: 21 сут. : 27,32 сут. = $0,7686 \approx \frac{3}{4}$ сид. мес.;

59 сут. : 29,5306 сут. = $1,9979 \approx 2$ син. мес. Такой длительности цикл составляет базовую часть счисления лунного года, когда оставляется вне внимания дробная часть синодического месяца (0,5306 сут.) – 59 сут. $\times 6 = 354 \approx 354,367$ сут.;

37 сут. : 29,5306 сут. = $1,2529 \approx 1 \frac{1}{4}$ син. мес. Этот цикл составляет базовую часть календарной системы, удобной для выхода в последующем на рубеж окончания сидерического и драконического годов, что будет подтверждено далее;

99 – число, широко известное в календаристике и астрономии ранних цивилизаций Средиземноморья, Ближнего и Среднего Востока; это период примерного равенства по количеству суток синодических оборотов Луны и Венеры, а также годовых оборотов Солнца – 99 син. мес. $\times 29,5306$ сут. = 2923,5294 сут.; 583,9 сут. $\times 5 = 2919,5$ сут.; 365,242 сут. $\times 8 = 2921,936$ сут. Несоответствия, учитывая различия в скорости движения светил и длительность циклов, ничтожны, что и определяло в эпоху первобытности идею о близком родстве трех светил, великих небесных божеств (символические изображения их составляли ожерелья владык государств Ближнего Востока).

Реконструкция систем счисления лунного, солнечного и лунно-солнечного годов по числовым «записям» верхнего отдела композиции. Фиксация саросных циклов. После счисления 21 знака резной линии *a* считывались 7+1 знак трапециевидной фигуры. Рациональность такого порядка объяснима: $21+7=28$ – есть \approx длительность сидерического оборота Луны (27,32 сут.), а подключение к 28 обособленного от ромба знака 1 выводит на рубеж окончания синодического месяца без учета дроби (29). Отсюда следует, что 21 знак резной линии следует считать справа налево, ибо 2+1 с наибольшей вероятностью отражают сутки новолуния (2 дня невидимости) и сутки появления на западном небосклоне серпа «новорожденного месяца» (неомение).

Понятое определяет дальнейший порядок считывания знаков: сначала считывался обособленный знак 1 правой (короткой) змеевидной линии, что выводило на рубеж окончания иной длительности синодическо-

20 месяца, 30 сут., если календарист отслеживал время парами месяцев – 29→30 с целью оставить вне внимания дробные части двух синодических оборотов Луны. Остальные четыре знака той же правой короткой змеевидной линии определяют длительность интеркалярия (34 сут. от начала счисления «записей»); интеркалярий следовало подключить к третьему лунному году для выравнивания трехлетия лунного с трехлетием солнечным [(354 сут. × 3) + 34 сут. = 1096 сут.; 1096 сут. : 365,242 сут. = 3,0007 ≈ 3 солн. года; 34 сут. – сидерический цикл – 34 сут. : 27,32 сут. = 1,2445 ≈ 1 ¼ сид. мес.]. Далее считывались восемь знаков левой змеевидной линии, двенадцать знаков «древа» и пять краевых насечек, что и выводило на рубеж окончания двух синодических месяцев – 59 сут. (знак ε), базового цикла счисления лунного года.

Счисление лунно-солнечного года велось с использованием 60 знаков верхнего отдела композиции (т. е. с подключением к 59 факультатива δ – насечки в ветвях «древа»: 59+1=60); 60 сут. × 6 = 360 сут. Выравнивание с годом солнечным производилось по пяти краевым насечкам, расположенным ниже факультатива δ: 360 сут. + 5 сут. = 365≈365,242 сут.

В заключение остается обратить внимание на два особо календарно-астрономически значимых числа верхнего отдела «символического» текста – 54 (последний знак «древа») и 56 (большой длины краевая насечка в). Если каждый знак «записи» 59 означает не сутки, а год, то первое число определит длительность Большого солнечного сароса (54), а второе (56) – Большого лунного сароса (периоды повтора затмений в месте проведения астрономических наблюдений; подробности см. [2, с. 285]).

Реконструкция систем счисления сидерического и драконического годов, а также саросных циклов по «записям» нижнего отдела композиции. После девятикратного счисления 24 знаков резной линии б и знаков фигур (6+1) и 6 получим 333, период, кратный синодическому обороту Луны, – 37 сут. × 9 = 333 сут.; 333 сут. : 29,5306 сут. = 11,2764≈11 ¼ син. мес. При девятом проходе по «записи» числа 37 знаки фигуры 6+1 выведут на рубеж окончания сидерического года – (37 сут. × 8) + 24 + (6+1) сут. = 327 сут. (≈327,84 сут.), а при десятом проходе учет лишь знаков фигур (6+1) и 6 (24 не считаются) выведет на рубеж окончания драконического (затменного) года – 333+(6+1)+6 сут. = 346≈346,62 сут.

Знаки фигур (6+1) и 6, возможно, воспринимались также информацией о количестве месяцев в простом и эмболосмическом (с интеркаляционным (дополнительным) месяцем) лунных годах – 6 (знаки угловатой

фигуры без учета знака 1 за пределами линий угла) + 6 (антропоморф) = 12 мес.; но (6+1)+6 = 13 мес.

Помимо того, те же «записи» чисел могли использоваться как формулы отслеживания многолетий (при условии, что каждый знак есть символ года): 1–19-летия (6+1→6→6 (1 не учитывается) = 19; это так называемый цикл Метона, в котором 6+1=7 лун. лет были с 13 мес., а 6+6=12 – простыми, что и позволяло почти идеально выравнивать лунный поток времени с временем солнечным: 7 лун. лет × 13 = 91 син. мес.; 12 лун. лет × 12 син. мес. = 144 син. мес.; 91+144 син. мес. = 235 син. мес.; 235 син. мес. × 29,5306 сут. = 6939,691 сут.; 6939,691 сут. : 365,242 сут. = 19,0002≈19 солн. лет); 2–18-летия (6→6→6) = 18 (7 лун. лет включали 13 син. мес., а 11 лет – 12 син. мес., что (как и в 19-летнем цикле) выравнивало лунный поток времени с солнечным); 3–54-летия (Большой солнечный сарос – 18×3=54);

4–56-летия (Большой лунный сарос – 19→18→19=56). Знание многолетий 54 и 56, четко зафиксированных в счетной системе верхней композиции, позволяло предсказывать время повторения затмений в месте проведения астрономических наблюдений.

Краткие итоги исследования. «Подвеска» из Хьёринга представляет собой вовсе не «оберег», испещренный «магическими» символами, а подобие клинописных табличек Месопотамии эпох Шумера и Вавилонии с «записями» правил счисления лунного и солнечного времени. Это их выдающийся астроном и календарист протоцивилизаций Ближнего Востока Киддину именовал словами «Тайны богов», призывая не разглашать записанное на табличках «всем подряд», «показывать таковые лишь знающему, а не знающему – не показывать».

Мудрое речение Киддину сохраняет свою силу доселе, о чем свидетельствуют никчемные результаты хода дискуссий астроархеологов со своими критиками, оспаривающими календарный характер числовых «записей» на объектах искусства малых форм и астрономические аспекты археологических памятников. Скепсис оппонентов питает неосведомленность в астрономии и календаристике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Marshack A. The Roots of Civilization. The Cognitive Beginnings of Man's First Art, Symbols and Notation. N.Y., 1999. 445 p.
2. Ларичев В.Е. Сотворение Вселенной: Солнце, Луна и Небесный дракон. Новосибирск: Наука, 1993. 285с.

Статья поступила
в редакцию 05.02.2013

УДК 902.01

А.А. АНОЙКИН

ПАЛЕОЛИТ ПРИМОРСКОГО ДАГЕСТАНА: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ

канд. ист. наук,
Институт археологии и этнографии СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: anui1@yandex.ru

Статья посвящена исследованиям палеолитических стоянок Приморского Дагестана. Используя большое количество полученного в ходе археологических работ эмпирического материала, автор реконструирует основные этапы развития древней материальной культуры на территории Приморского Дагестана на протяжении плейстоцена, с начальных этапов заселения Кавказа (1,8–2 млн л. н.) до появления здесь верхнепалеолитических культур, связанных с человеком современного антропологического типа. Раннепалеолитические комплексы стоянок Рубас-1 и Дарвагчай-1 позволяют рассматривать Кавказ как один из очагов развития доашельских микроиндустрий.

Ключевые слова: палеолит, мелкоорудийные комплексы, ашель, леваллуа, морские трансгрессии, Дагестан.

В ходе первоначального заселения Евразии, которое началось около 2 млн л. н., одним из основных транзитных коридоров являлся Кавказ. Наиболее ранние памятники на этой территории принадлежат палеомагнитной эпохе Матуяма, т. е. относятся к периоду древнее 0,68 млн л. н. [1–3]. Причем большинство известных стоянок сосредоточено в ее центральной части, в Закавказье или вдоль черноморского побережья. Территория Северо-Восточного Кавказа, особенно прибрежные районы Каспийского моря, до недавнего времени была изучена крайне слабо. Новые археологические изыскания позволили значительно увеличить объем наших знаний о древнейшей истории каспийского побережья Кавказа. Начиная с 2003 г. в долинах рек Рубас и Дарвагчай (Приморский Дагестан) было открыто более 20 памятников палеолита.

На настоящий момент можно выделить три основные проблемы палеолитоведения Дагестана и всего Кавказа, в целом – первоначальное заселение данной территории; появление и развитие здесь ашельских индустрий, а также переход от среднего палеолита к верхнему и его возможная связь с освоением Кавказа человеком современного типа.

Наиболее древние комплексы в Приморском Дагестане были обнаружены на стратифицированных памятниках Рубас-1 (нижний комплекс) и Дарвагчай-1 [3].

Памятник Рубас-1 расположен в Табасаранском районе Республики Дагестан (РД), в среднем течении р. Рубас, на 30-метровом террасовидном уступе. Археологический материал на местонахождении зафиксирован на трех высотных уровнях. Наиболее ранний комплекс артефактов обнаружен в гравийно-галечной прослойке (сл. 5), которая за-

легает в основании разреза (глубина 16–18 м) и накопление которой происходило в бурной зоне древнего пляжа в одну из фаз древней трансгрессии Каспийского моря. Среди обломков кремня в слое часть предметов была определена как артефакты (рис. 1). Этот комплекс находок Рубаса-1 характеризуется изделиями малых размеров (~ 2–4 см), а также слабой типологической выраженностью и неустойчивостью орудийных форм. Последнее может быть связано как с примитивной техникой обработки камня, так и с использованием нестандартизированных заготовок (осколки, обломки). Среди орудий преобладают предметы с разнообразными выемками, шиповидными выступами и скребловидные изделия. Изделия крупнее 5 см малочисленны. Предполагаемый, на основании комплекса естественнонаучных данных, возраст вмещающих отложений, который соотносится с финалом акчагыльского времени (1,8–2,0 млн л. н.), а также специфический характер артефактов позволяют отнести эти материалы к числу мелкоорудийных индустрий начальных этапов раннего палеолита. Таким образом, нижний комплекс Рубаса-1 является одной из древнейших археологических индустрий на Кавказе. На сегодняшний день наиболее близкие аналогии ему прослеживаются в материалах расположенной в 30 км стоянки Дарвагчай-1, которая датируется бакинским временем (Q₁b), что свидетельствует о длительном существовании индустрий с мелкоорудийными ассамбляжами на территории Северо-Восточного Кавказа [3].

Археологические материалы многослойной **стоянки Дарвагчай-1** (Кайтагский район РД) приурочены к прибрежно-морским осадкам бакинской террасы (~ 750–550 тыс. л. н.) (рис. 2). Как и на Рубасе-1, облик индустрии определяется в первую очередь размерами

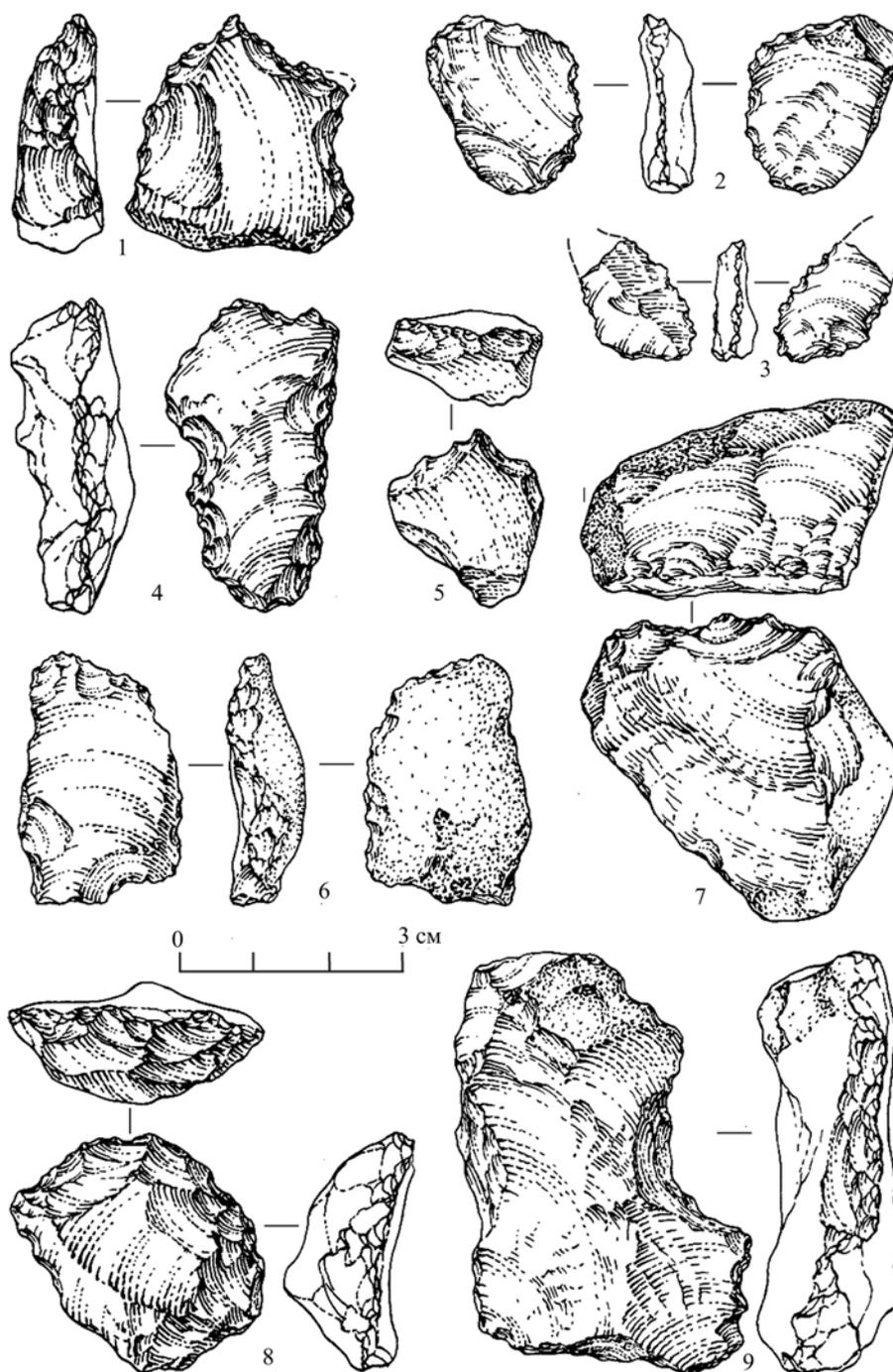

Рис. 1. Рубас-1 (нижний комплекс). Каменные артефакты.

1, 5 – шиповидные; 2, 3, 6 – сколы; 4 – зубчато-выемчатое; 7 – макроскребок (?); 8 – скребок; 9 – выемчатое.

артефактов (в среднем ~ 3 см). При этом микролитический облик индустрии, судя по всему, не зависит от размерности и особенностей расщепления исходного сырья. Набор основных категорий орудий включает скребловидные (скребки, скребла) и остроконечные (шиповидные, клвовидные, острия) формы, а также

зубчато-выемчатые изделия и практически не изменяется по культурно-литологическим подразделениям. Стоит отметить только появление в верхнем культурном слое (сл. 8) ручных рубил.

В настоящее время наиболее древние каменные мелкоорудийные ассамбляжи известны в Восточной

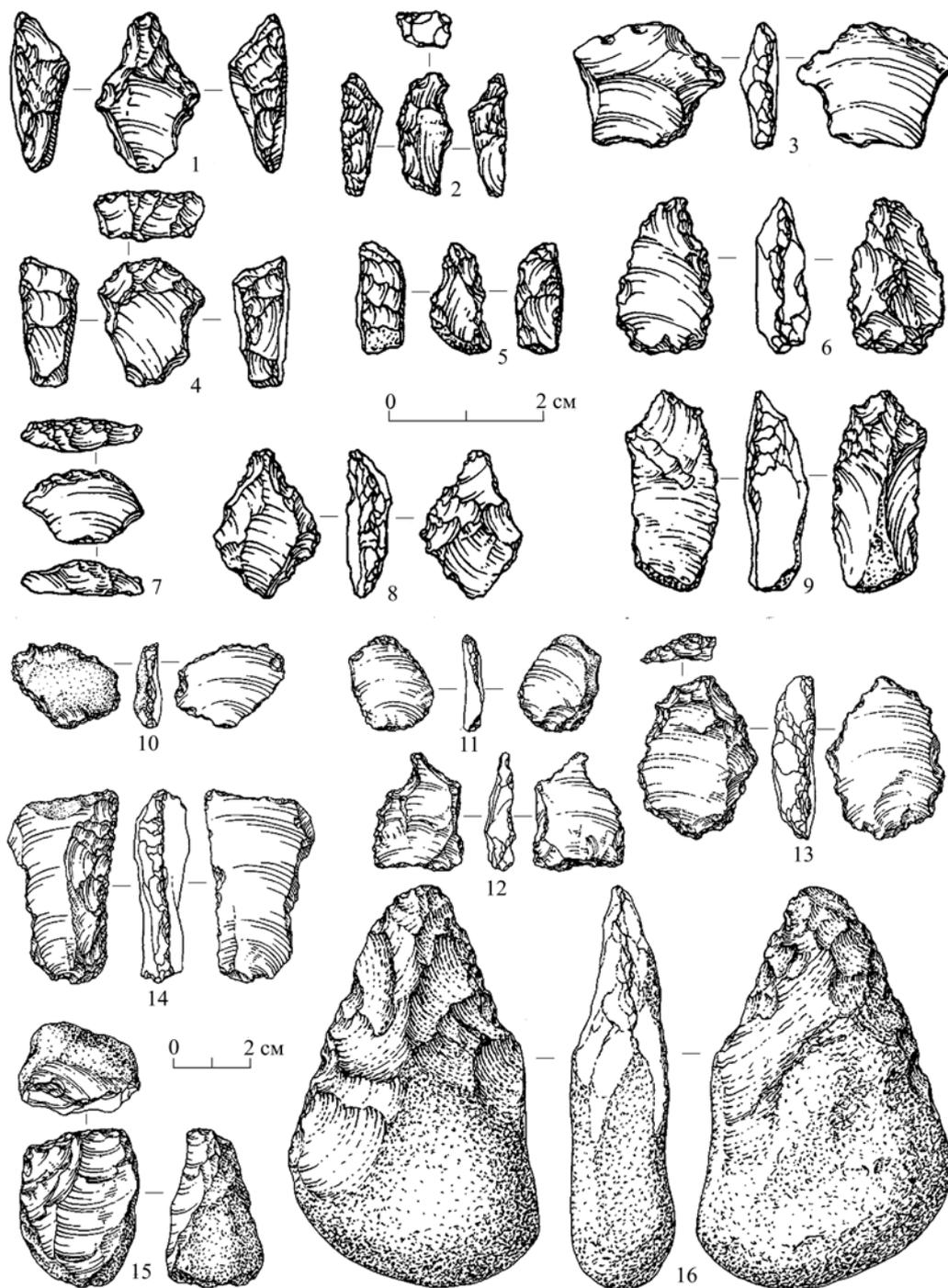

Рис. 2. Дарвагчай-1. Каменные артефакты.

1-3, 6, 15, 16 – слой 8; 4, 5, 7-14 – слой 6.

1, 2, 5 – клювовидные; 3, 6, 8, 12 – шиповидные; 4, 7, 11 – скребки; 9 – острие; 10 – скол с ретушью; 13, 14 – скребла; 15 – нуклеус; 16 – рубило.

Африке – на **стоянках Омо-57 и Омо-123**, возраст которых, по геологическим данным, определяется в 2,3–2,4 млн л. н. [4]. Эти древнейшие индустрии характеризуются наличием определенной системы в первичном расщеплении, но отсутствием серийности в конечных продуктах, а также большим количеством предметов, относящихся к отходам производства (осколки, обломки), возможно, получавшихся намеренно (благодаря технике дробления). Орудийный набор был еще не сформирован, а ретуширование заготовок носило случайный характер.

На территории Евразии до последнего времени наиболее древним памятником с такими мелкоорудийными наборами была **стоянка Бизат Рухама** (около 1 млн л. н.) [5]. В составе каменной индустрии памятника предметы крайне небольших размеров: нуклеусы не превышают 3 см; сколы в среднем около 2 см. Характерной особенностью является также неустойчивость орудийных форм.

Индустрии Рубаса-1 и отчасти Дарвагчая-1 при их типологической невыраженности и наличии орудий, выполненных слабоорганизованной ретушью, занимают промежуточное хронологическое и технологическое положение между африканскими и ближневосточными мелкоорудийными комплексами. Особенности используемого каменного материала, а также наличие в коллекции крупных сколов и отдельных орудий «стандартных» размеров не позволяют утверждать, что миниатюрность основной массы изделий определяется исключительно культурной традицией. В этом контексте интересны некоторые раннепалеолитические комплексы Центральной Европы и Леванта, где в ассамбляжах наряду с мелкоорудийной составляющей также присутствуют крупные изделия [6].

Появление и дальнейшее распространение более поздних, ашельских индустрий, наиболее характерная черта которых – присутствие ручных рубил (бифасов), также является одной из наиболее обсуждаемых тем в археологическом сообществе. Первое появление комплексов с ручными рубилами фиксируется в Африке ~ 1,7–1,5 млн л. н. и знаменует начало длительной (более 1 млн лет) ашельской эпохи. В последующее время индустрии с бифасами распространяются на Ближний Восток (1,4–0,9 млн л. н.) и далее – в Индию (0,7 млн л. н.), на Кавказ (~ 0,7–0,5 млн л. н.) и в Европу (~ 0,6–0,5 млн л. н.) [7; 8].

Проявлением этой миграционной волны следует, видимо, считать «поверхностные» местонахождения с ашельским инвентарем в Западной Туркмении, Западном и Центральном Казахстане [9], а также в Мугоджарах и Северном Приаралье [10]. При этом предполагается вероятным появление ашельских индустрий Мангышлака, Мугоджар и, возможно, Приаралья в результате миграций с Северного Кавказа. Такие миграции могли осуществляться вдоль северных и южных берегов Каспия в условиях трансгрессивного уровня моря [9]. С открытием ашельских рубил в Дагестане [3] эта гипотеза получила дополнительное подтверждение.

Появление рубил в Дагестане фиксируется в среднем плейстоцене (Дарвагчай-1 (сл. 8), верхнебакинские отложения) (рис. 2), а также в более позднее время (местонахождения Дарвагчай-залив-4, Дарвагчай-карьер и др.). Логично предположить, что миграция ашельского населения могла осуществляться во время последующих регрессий моря, но не позднее последнего межледникового (5 ИКС). Традиционно наиболее значительными считаются регрессии между бакинско-урунджикской и раннехазарской трансгрессиями, и между ранним и поздним хазаром. По имеющимся данным, уровень моря в эти периоды мог быть ниже отметки -50 м абс., и даже достигать значения -75 м абс. [11].

Исходя из палеогеографических реконструкций четвертичной истории Каспия и расположения палеолитических местонахождений с бифасами, гипотезу о миграциях носителей ашельских традиций с Кавказа в Центральную Азию можно рассматривать как не имеющую принципиальных препятствий. Продвижение популяций, владеющих ашельскими технологиями, могло осуществляться вдоль северного берега моря в периоды глубоких регрессий среднего плейстоцена (~ 11, 9 и 7 ИКС). Кроме того, более древние миграции с Кавказа в Центральную Азию могли осуществляться и по Апшеронскому порогу в период глубокой (-150–200 м) тюркянской регрессии Каспийского моря (~ 20–18 ИКС). Другим важным фактором возможности таких миграций является подтвержденное комплексом естественнонаучных данных наличие источников литоресурсов на шельфе Северного Каспия, пригодных для изготовления палеолитических орудий [12].

Развитые среднепалеолитические индустрии, известные в настоящее время по материалам группы памятников Дарвагчай-залив, а также по подъемным материалам (Рубас-2-5, Чумус-Иниц и др.), характеризуются широким применением леваллуазской техники расщепления наряду с простой параллельной и радиальной; наличием в ассамбляжах интенсивно ретушированных скребел и мустьерских остроконечников.

Еще одним из важнейших направлений в исследованиях палеолита является определение региональной специфики перехода от среднего к верхнему палеолиту и становления культуры человека современного физического типа. На Северо-Восточном Кавказе этот рубеж характеризуют, в первую очередь, стратифицированные комплексы **стоянок Рубас-1** (верхний комплекс) и **Тинит-1**.

Всего на **стоянке Тинит-1** (Табасаранский район РД) зафиксировано 11 горизонтов залегания археологического материала (а. г.). По своим технико-типологическим характеристикам технокомплексы верхних культурных горизонтов (а. г. 1–4) соответствуют рубежу среднего/верхнего палеолита, а нижних (а. г. 5–11) – финалу среднепалеолитического времени (рис. 3). Выводы о таком культурно-хронологическом делении материалов стоянки подтверждаются результатами абсолютного датирования. Получено пять дат, выпол-

ненных в AMS-лаборатории Арizonского университета (г. Тусон, США) в интервале от $39\,200 \pm 740$ л. н. (сл. 2, а. г. 2) до $47\,800 \pm 1500$ л. н. (сл. 8, а. г. 10).

К тому же культурно-хронологическому интервалу, что и индустрии Тинит-1, относятся, видимо, и материалы верхнего комплекса Рубас-1. Здесь зафик-

сировано семь уровней залегания археологического материала, также делящегося на две группы – финально-среднепалеолитическую и переходную к верхнему палеолиту (рис. 3).

В целом археологические комплексы нижних а. г. стоянок Тинит-1 и Рубас-1 характеризуются на-

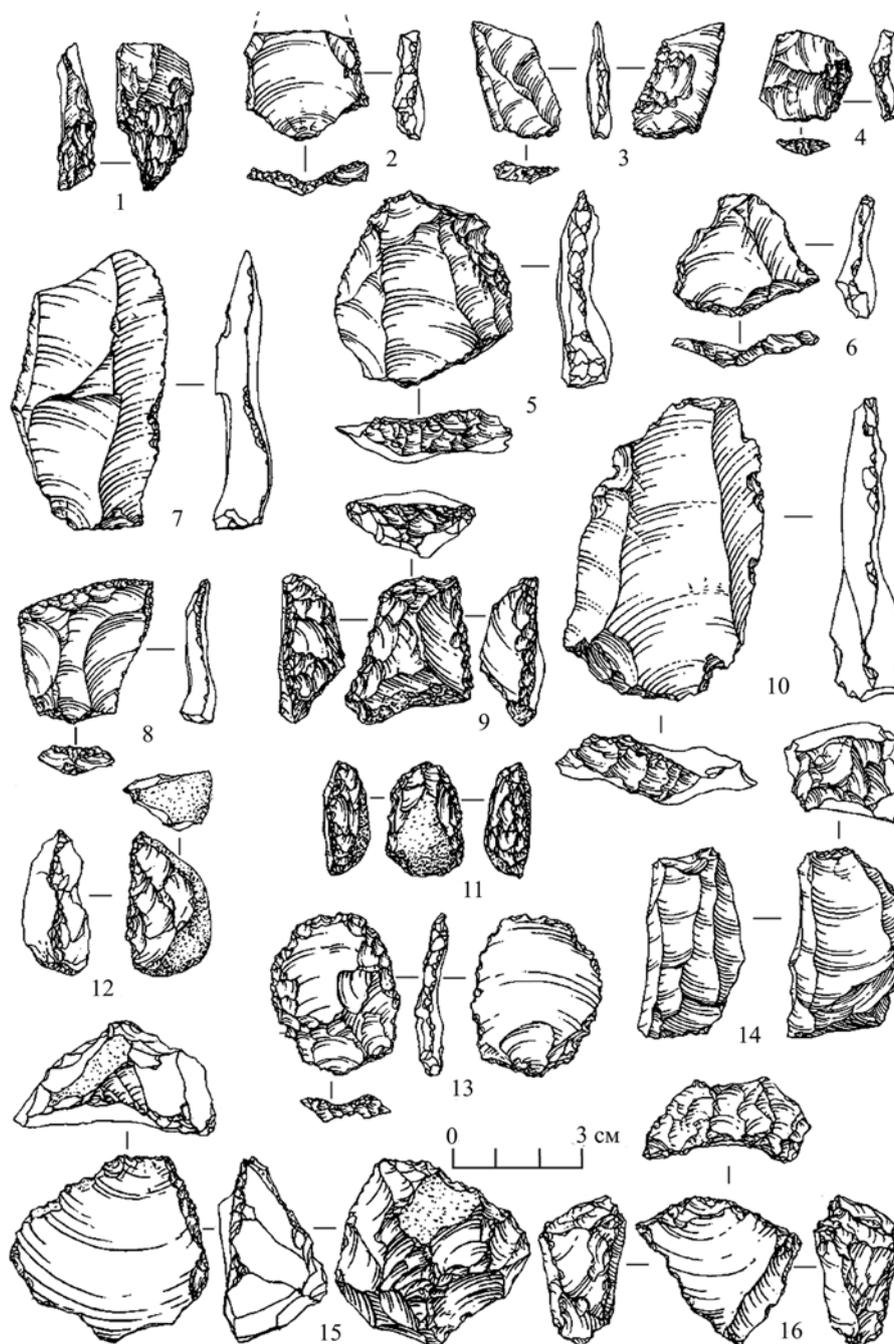

Рис. 3. Рубас-1 (верхний комплекс) и Тинит-1. Каменные артефакты.

1–5, 7, 8, 10, 14 – Тинит-1; 6, 9, 11–13, 15, 16 – Рубас-1.

1 – резец; 2, 4–6, 10 – сколы леваллуа; 3, 7 – ножи; 8, 13 – скребла; 9, 11 – скребки; 12 – скребло-нож; 14–16 – нуклеусы.

личием выразительных леваллуазких форм для отщепов и острий, одновременно с которыми использовались и торцовые разновидности нуклеусов. На более поздних этапах на смену леваллуазской технике приходит своеобразная параллельная объемная техника раскалывания, в продольном и бипродольном пластинчатых вариантах. В орудийном наборе преобладают изделия с режущими и скребущими лезвиями, что, вероятнее всего, связано с хозяйственным типом стоянки. Следует отметить полное отсутствие бифасиальных форм и признаков двухсторонней обработки среди группы орудий, что является нехарактерным для кавказского региона. В нижних а. г. закономерно значителен процент леваллуазских сколов и изделий на них, а также имеется группа зубчато-выемчатых орудий. Верхнепалеолитические категории орудий не выразительны и представлены в основном атипичными формами скребков. По совокупности признаков, в первую очередь по наличию развитой леваллуазской техники, в том числе в вариантах, направленных на производство удлиненных заготовок, а также отсутствию бифасиальных изделий, материалы нижних а. г. стоянок наиболее близки инвентарю леваллуа-мустьерской группы памятников Восточной Европы, выделенной по материалам стоянок Крыма и Пруто-Днестровья [13]. Вместе с тем наличие среди орудий скребков высокой формы, в сочетании с транкированно-фасетированным орудием и многогранным поперечным резцом, позволяет выделить в рассматриваемых технокомплексах группу предметов с четкой культурно-хронологической привязкой. Присутствие в ассамбляжах этих типов изделий является характерным для многих археоплексов финала среднего палеолита в индустриях Западной Азии (стоянки Загроса, Северо-Западного Тянь-Шаня и др.) [14; 15].

Исследования последних лет, проводимые в Приморском Дагестане, позволили получить новый массовый материал по древнейшей истории региона и представить общую картину эволюции каменных индустрий на этой территории в палеолитическое время, начиная с самых ранних его этапов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Любин В.П. Ашельская эпоха на Кавказе. СПб: Петербургское востоковедение, 1998. 192 с.
2. Амирханов Х.А. Исследование памятников олдована на Северо-Восточном Кавказе. М.: ТАУС, 2007. 52 с.
3. Деревянко А.П., Анойкин А.А., Зенин В.Н., Лецицкий С.В. Ранний палеолит Юго-Восточного Дагестана. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2009. 124 с.
4. Torre de la I., Mora R., Dominguez-Rodrigo M. etc. The Oldowan industry of Peninj and its bearing on the reconstruction of the technological skills of lower Pleistocene hominids // Journal of Human Evolution. 2003. N 44 (2). P. 203–224.
5. Zaidner Y., Ronen A., Burdukiewicz J.M. The Lower Palaeolithic microlithic industry of Bizat Ruhama, Israel // L'anthropologie. 2003. Vol. 107. P. 203–222.
6. Lower Palaeolithic Small Tools in Europe and the Levant / ed. by J.M. Burdukiewicz, A.Ronen. BAR International Series. Oxford, 2003. N 1115. 231 p.
7. Mishra S., Venkatesan T.R., Somayajulu B.L.K. Earliest Acheulian industry from Peninsular India // Current Anthropology. 1995. Vol. 36 (5). P. 847–851.
8. Деревянко А.П. Заселение человеком Евразии в раннем палеолите // Древнейшие миграции человека в Евразии: матер. междунар. симп. Новосибирск: Изд-во ИАиЭт СО РАН, 2009. С. 5–28.
9. Любин В.П. Палеолит Туркмении // Сов. археология. 1984. № 1. С. 26–45.
10. Деревянко А.П., Петрин В.Т., Гладышев С.А. и др. Ашельские комплексы Мугоджарских гор (Северо-Западная Азия). Новосибирск: Изд-во ИАиЭт СО РАН, 2001. 136 с.
11. Янина Т.А. Палеогеография бассейнов Понто-Каспия в плейстоцене по результатам малако-фаунистического анализа: автореф. дис. ... д-ра. геогр. наук. М., 2009. 42 с.
12. Леонтьев О.К. Эволюция берегов Каспия в верхнем плиоцене и четвертичном периоде // Геоморфологический анализ при геологических исследованиях в Прикаспийской впадине. М.: Изд-во МГУ, 1968. С. 106–140.
13. Чабай В.П. Средний палеолит Крыма: стратиграфия, хронология, типологическая вариабельность, восточно-европейский контекст. Киев: Шлях, 2004. 324 с.
14. Dibble G., Harold L. The Mousterian Industry from Bisitun Cave (Iran) // Paléorient. 1984. N 10. P. 23–34.
15. Кривошапкин А.И., Колобова К.А., Белоусова Н.Е., Исламов У.И. Ранние технологические инновации в палеолите Средней Азии: кареноидная технология в переходных индустриях Узбекистана // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 3: Археология и этнография. С. 211–221.

Статья поступила
в редакцию 25.01.2013

УДК 902

С.А. ГЛАДЫШЕВ¹, А.В. ТАБАРЕВ², Б. ГУНЧИНСУРЭН³

О ВРЕМЕНИ ПОЯВЛЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ИННОВАЦИЙ В КАМЕННОМ ВЕКЕ СЕВЕРНОЙ МОНГОЛИИ: МИКРОПЛАСТИНЧАТОЕ РАСЩЕПЛЕНИЕ И КЕРАМИЧЕСКАЯ ПОСУДА*

¹Институт археологии и этнографии СО РАН,
г. Новосибирск,
e-mail: paleomongolia@yandex.ru

²Институт археологии и этнографии СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: olmec@yandex.ru

³Институт археологии МАН,
г. Улан-Батор,
e-mail: bgunchinsuren@yahoo.com

В ходе стационарных исследований многослойного памятника Толбор-15 в 2009–2011 гг. (бассейн р. Селенги, Северная Монголия) в палеолитических горизонтах были зафиксированы весьма ранние проявления микропластинчатой техники, а в верхних горизонтах, относящихся к раннему голоцену, впервые для данного региона обнаружены фрагменты неолитической керамики. В статье рассматриваются обстоятельства и контекст находок, а для керамики впервые приводятся радиоуглеродные датировки.

Ключевые слова: Северная Монголия, Толбор-15, микропластинчатая техника, керамика, датирование.

В 2011 г. российско-монгольско-американской археологической экспедицией был завершен очередной цикл исследований многослойных памятников каменного века (около 40 памятников в диапазоне от 45 до 7 тыс. л. н.) в долине р. Их-Гулбэрийн-Гол (правый приток р. Селенги, Северная Монголия). Особое значение имеют материалы продатированных памятников – Толбор-4, Толбор-15–17 и Толбор-21, нижние горизонты которых относятся к периоду перехода от среднего к верхнему палеолиту и собственно к этапу раннего верхнего палеолита [1–4]. На таких памятниках, как Толбор-4 и Толбор-15, данный период представлен материалами горизонтов 4–6 и 5–7 соответственно. Ассамбляжи, залегающие в расположенных выше по разрезу горизонтах, отражают развитие каменной индустрии среднего этапа верхнего палеолита, а горизонт 1 стоянки Толбор-4 и горизонты 1–2 стоянки Толбор-15 относятся к раннеголоценовому времени [5].

Анализ материалов этих памятников позволяет проследить истоки технологических инноваций, имеющих принципиальное значение для определения характера и направления культурных контактов в регионе. К таковым, относятся, например, *микропластинчатая* (основанная на отжиме) *техника* и *гончарство* (изготовление посуды из обожженной глины).

Данные о времени появления микропластинчатой техники в Северо-Восточной Азии свидетельствуют, скорее, о ее распространении из нескольких очагов возникновения, чем о синхронном возникновении [6–9].

В 2009 г. в ходе раскопок горизонта 5 стоянки Толбор-15 был найден типичный клиновидный микронуклеус, изготовленный из трехгранного краевого скола. Ударная площадка этого изделия гладкая (вентральная поверхность скола-заготовки), боковые стороны (латерали) обработаны мелкими снятиями, а основание представляет собой киль, приостренный мелкофасеточной ретушью. Принципиальное значение этой находки заключается в том, что микропластины-заготовки отделялись с этого нуклеуса с применением отжимной техники. Возраст находок горизонта 5 определяется радиоуглеродной датой 28 460±310 л.н. (AA-84137). Таким образом, на сегодняшний день это *самый ранний пример применения отжимной техники для расщепления клиновидных микронуклеусов* в верхнем палеолите северных районов Центральной Азии.

Находки фрагментов керамики были также сделаны на многослойном памятнике Толбор-15. Артефакты были обнаружены в полевом сезоне 2009 г., когда раскопом площадью 54 м² вскрывалась центральная часть стоянки. На этом участке зафиксирована значительная толща отложений, относящихся к голоценовому времени (мощностью до 30–35 см). Часть отложений была повреждена при возведении каменной кладки средне-

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 12-06-00037а «Технологические портреты верхнепалеолитических индустрий Монголии».

векового кургана, который располагается прямо на поверхности памятника. Кладка кургана занимала более половины площади раскопа 2008 г., в результате чего коллекция каменных артефактов из верхних горизонтов в значительной степени потеряла свою информационную ценность. В связи с этим раскоп 2009 г. был заложен в 10 м к северу от раскопа 2008 г.

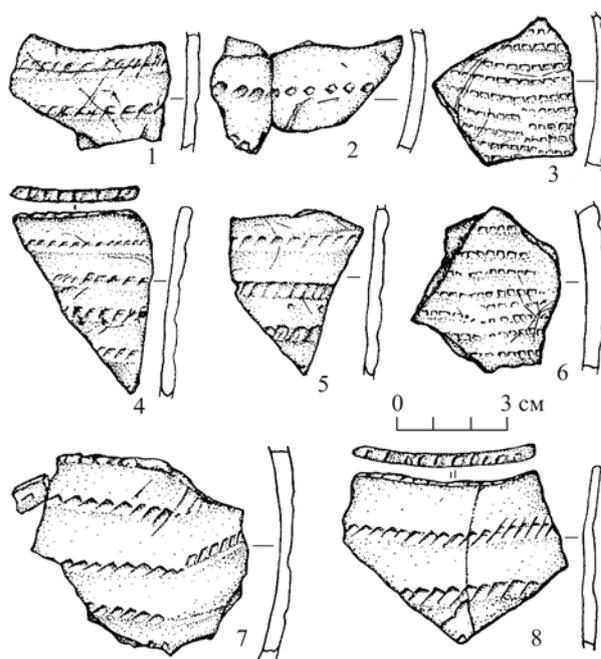
В целом в горизонте 1 раскопа найдено 5895 экз. каменных артефактов. При эксплуатации нуклеусов использовались ударная и отжимная техники. Отжимная техника представлена двумя модификациями микронуклеусов – микроторцовыми (5 экз.) и микроконическими (4 экз.), а также несколькими обломками и фрагментами микроядрищ. Расщепление микронуклеусов такого типа возможно лишь в небольших портативных устройствах.

Продуктами расщепления микроядрищ являлись микропластины-вкладыши (всего 279 экз. целых изделий и их фрагментов), часть из которых (20 экз.) впоследствии подправлялась мелкой краевой ретушью с вентральной стороны. Аналогии микроторцовым и микроконическим нуклеусам горизонта 1 памятника Толбор-15 известны по целому ряду комплексов Монголии и сопредельных территорий Дальнего Востока [10].

Орудийный набор горизонта 1 из раскопа 2009 г. невелик. В его состав входят мелкие скребки на отщепах и фрагментах пластинок (9 экз.) и скребки на крупных пластинчатых отщепах (3 экз.). Кроме того, встречаются скребки, сделанные из небольших отщепов с характерным элементом оформления – «шипом» с одной из сторон (2 экз.), микроскребки (4 экз.), а также скребки на сколах подправки площадок конических микронуклеусов (3 экз.). Помимо этого выделяется несколько скребловидных изделий на обломках и кусках сырья (6 экз.), одно орудие типа струга, один мелкий каплевидной формы наконечник стрелы, а также острие и проколка.

Исключительно интересным компонентом археологических находок горизонта 1 является керамический материал, зафиксированный непосредственно вместе с микроконическими и микроторцовыми нуклеусами. Всего было обнаружено около 30 фрагментов лепной керамики темно-коричневого цвета, представляющих части двух или трех небольших сосудов (см. рисунок).

Все фрагменты керамики найдены компактно – в пределах двух-трех квадратов в той части раскопа, которая примыкает к карьере, уничтожившему часть памятника. Большая часть фрагментов (80 %) является частью одного сосуда (сосуд 1). Толщина черепков – не более 7–8 мм, венчик прямой, все фрагменты декорированы, орнамент – штамповый линейный (в виде наклонных прямоугольников), располагающийся по всей части тулова рядами (промежуток между рядами 1–0,8 см), на венчике и, что примечательно, по его срезу. К сожалению, среди фрагментов нет ни одного, относящегося к донной или придонной частям, что затрудняет полную реконструкцию сосуда. Используя обломки венчика, мы можем лишь предположить,

Толбор-15, горизонт 1. Фрагменты керамики.

что диаметр его верхней части был не более 8–8,5 см, что соответствует небольшой емкости или сосуду с зауженной горловиной.

Несколько фрагментов относятся к другому сосуду (сосуд 2). По внешним признакам технология изготовления сосудов аналогична, но они несколько тоньше (5 мм), внутренняя сторона имеет яркий оранжевый оттенок. Орнамент также штамповый, но более плотный – расстояние между рядами квадратных ячеек не более 0,5–0,3 см. Для данного сосуда не найдено фрагментов ни венчика, ни донной части, так что его реконструкция затруднительна.

Один фрагмент может принадлежать третьему сосуду. Данное предположение основано исключительно на некоторой разнице в орнаментике.

Кроме упомянутой керамики, в горизонте 1 были найдены и фрагменты сосудов более позднего периода (средневековые?), которые принципиально отличались как по внешнему виду, так и по технологии изготовления (гончарный круг).

Предварительная оценка возраста лепной керамики является условной – голоцен, неолит, или даже ранняя бронза. К сожалению, поиск аналогий затрудняется практически полным отсутствием публикаций, в которых приводились бы рисунки или фотографии неолитической керамики с территории Монголии. Потребовалось время и специальные исследования, чтобы определить хронологическое положение данного керамического комплекса более точно.

Итак, на чем основана оценка возраста и места рассматриваемой керамики в толборском комплексе? На момент обнаружения керамики (2009 г.) в долине р. Их-Тулбэрийн-Гол было известно всего 15 место-

нахождений каменного века и лишь два (Толбор-4 и Толбор-15) изучались стационарно. К концу сезона 2011 г. в нижнем и среднем течении реки было открыто уже около 40 местонахождений, на которых проведены детальные подъемные сборы и выборочная шурфовка. Тем не менее примечательно, что ни на одном объекте, кроме Толбор-15, лепная керамика пока не была найдена.

Стратиграфически данный керамический комплекс локализуется исключительно в горизонте 1, для которого, к сожалению, пока нет радиоуглеродных дат. Кроме того, уже отмечалось, что данный горизонт был частично поврежден строительством курганной насыпи в Средние века, а отдельные угольки, фиксируемые при разборке горизонта, могут относиться как ко времени строительства, так и к более поздним поверхностным кострам или пожарам.

Каменная индустрия горизонта 1 памятника Толбор-154 характеризуется появлением новой модификации микронуклеусов – конических (одноплощадочных). Отметим также, что среди микропластинок, найденных в горизонте 1, есть несколько экземпляров, изготовленных из полупрозрачного халцедона. Данный вид сырья в долине р. Их-Тулбэрийн-Гол не встречается и связан, скорее всего, с импортным происхождением.

Для территории Монголии имеется лишь один датированный комплекс с аналогичными микроядрищами – пещера Чихэн [11; 12]. Для голоценового комплекса этого памятника (горизонты 2 и 2 а) получена серия радиоуглеродных дат, большая часть которых относится к периоду от 7850±110 до 11545±75 л. н. Для горизонта 2 диапазон еще уже – 7850±110 – 8940±100 л. н. [Там же]. Возможно, микроконические и карандашевидные формы связаны именно с этим горизонтом, но керамики вместе с ними найдено не было.

В 2010 г. два фрагмента керамики из горизонта 1 памятника Толбор-15 были переданы в Токийский университет (The University of Tokyo)¹, где спустя год удалось получить первые радиоуглеродные даты по остаткам органики в тесте – для фрагмента первого сосуда – 7685±30 л. н. и для фрагмента второго – 6725±30 л. н. (см. таблицу). Ранее подобный анализ производился для фрагментов руднинской неолитической керамики в Приморье, и результаты полностью совпали с хронологией данной культуры [13].

Итак, возраст керамики укладывается в рамки 7,7–6,7 тыс. л. н. При отсутствии для территории Северной Монголии какой-либо периодизации неолита говорить о принадлежности данной керамики к его раннему или среднему этапам пока сложно. Необходим поиск поселенческих или погребальных комплексов, которые дали бы более массовый керамический материал и показали бы динамику его развития. Тем не менее технологически керамика горизонта 1 памятника Толбор-15 демонстрирует достаточно высокий уровень и явно не относится к первым опытам гончарства в данном регионе.

Столь же рано говорить и о функциональном значении керамической посуды на памятнике Толбор-15, но есть несколько обстоятельств, которые хотелось бы отметить. Во-первых, достаточно специфическое положение самого памятника – на невысоком мысу, возвышающемся над поймой р. Их-Тулбэрийн-Гол. Как правило, все местонахождения с ранними материалами (ранний верхний палеолит, верхний палеолит) дислоцируются на иных поверхностях – на больших высотах, вблизи тыловых швов, на значительном удалении от современного русла реки. Толбор-15 в этом отношении уникален: на достаточно компактном участке здесь представлено несколько последовательных эпизодов присутствия человека в долине – от раннего верхнего палеолита (35–32 тыс. л. н.) до средневековья.

Во-вторых, практически в каждом из горизонтов имеются необычные находки – серия следов от кострищ в горизонтах 6–7, кристалл дымчатого кварца (морион) в горизонте 5, импортное сырье (кремь, халцедон) в горизонтах 5, 2 и 1. Сюда же можно отнести и погребение под курганом с каменной кладкой и следы поминальных комплексов (фрагменты скелета лошади) в более позднее время.

Судя по расположению фрагментов неолитической керамики, сосуды были не раздавлены, а, скорее, разбиты. Как мы уже упоминали, это были небольшие, изящно декорированные емкости – возможно, для напитков. Орнамент по краю венчика (соприкосновение губ с орнаментом) также косвенно свидетельствует в пользу ритуального (церемониального) назначения. Количество керамических фрагментов на памятнике незначительно, что совершенно нехарактерно для неолитических поселений. Возможно, речь идет о

Т а б л и ц а

Номер образца	Материал	¹⁴ C возраст (BP)	δ ¹³ C (‰)	Калиброванная дата (95,4 % confidence)
PLD-18654 образец № 1	Фрагмент керамики	7 685±30	-27,1	6592BC (95,4 %) 6466BC
PLD-18655 образец № 2	Фрагмент керамики	6 725±30	-24,0	5709BC (88,7 %) 5614BC

¹ Авторы выражают благодарность японским коллегам С. Ито и Д. Куникита за проведенный анализ керамики и ценные комментарии.

кратковременном посещении комфортного (имеющего особое значение) места у реки.

Безусловно, это лишь предположения, и раннеголоценовый период истории в Северной Монголии требует специального изучения для более тщательного определения хронологии и периодизации. Тем не менее сам факт обнаружения столь ранней керамики расширяет географию регионов, в которых керамическая посуда фиксируется не в привычном контексте производящего хозяйства, а в среде охотников-собирателей [14; 15].

ЛИТЕРАТУРА

1. Гладышев С.А., Олсен Д., Табаров А.В., Кузьмин Я.В. Хронология и периодизация верхнепалеолитических памятников Монголии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 3 (43). С. 35–42.
2. Гладышев С.А., Болорбат Ц., Одсурэн Д., Табаров А.В. Раскопки многослойного палеолитического памятника Толбор-15 в 2010 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий : материалы Итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2010 г. Новосибирск, 2010. Т. XVI. С. 37–39.
3. Гладышев С.А., Гунчинсүрэн Б., Рыбин Е.П. и др. Итоги изучения многослойного палеолитического памятника Тулбэр-15 в 2010 году // Археологический судлал. 2011. Т. XXX. С. 21–50.
4. Гунчинсүрэн Б., Гладышев С.А., Болорбат Ц. и др. Новые данные по изучению многослойного палеолитического памятника Тулбэр-15 в 2009 году // Археологический судлал. 2010. Т. (IX) XXIX. С. 5–31.
5. Гладышев С.А., Табаров А.В., Болорбат Ц., Одсурэн Д. Голоценовый комплекс стоянки Толбор-15 (Северная Монголия) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий : материалы Итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2009 г. Новосибирск, 2009. Т. XV. С. 79–83.
6. Гладышев С.А., Олсен Д., Табаров А.В. Новые данные по верхнепалеолитическим комплексам Северной Монголии и проблема распространения пластинчатых и микропластинчатых индустрий в Дальневосточном регионе // Международный симпозиум «Первоначальное освоение человеком континентальной и островной части Северо-Восточной Азии» (Южно-Сахалинск, 18–25 сент. 2010 г.). Южно-Сахалинск, 2010. С. 171–179.
7. Cohen D.J. Microblades, Pottery, and the Nature and Chronology of the Palaeolithic-Neolithic Transition in China // The Review of Archaeology. 2003. Vol. 24. N 2. P. 21–36.
8. Sato H., Tsutsumi T. The Japanese Microblade Industries: Technology, Raw Material Procurement, and Adaptations // Origin and Spread of Microblade Technology in Northern Asia and North America. Burnaby: Archaeology Press, 2007. P. 115–124.
9. Tsutsumi T. Origins of Pottery and Human Strategies for Adaptation during the Termination of the Last-glacial Period in the Japanese Archipelago // The Origin of Pottery and Agriculture. Kyoto: Int. Research Center for Japanese Studies, 2002. P. 241–262.
10. Popov A.N., Tabarev A.V. Neolithic Cultures of the Russian Far East: Technological Evolution and Cultural Sequence // Turkish Academy of Sciences Journal of Archaeology. 2008. Vol. 11. P. 41–62.
11. Гладышев С.А., Нохрина Т.И., Табаров А.В. Интерпретация археологического комплекса грота Чихэн // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология. Иркутск, 2007. Т. 1. С. 162–168.
12. Деревянко А.П., Олсен Д., Цвэндорж Д. и др. Новое прочтение археологического контекста пещеры Чихэн (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 2 (34). С. 2–12.
13. Kunikita D., Yoshida K., Miyazaki Y. et al. Analysis of Radiocarbon Dates of an Archaeological Site in the Russian Far East; the Marine Reservoir Effect as Seen on Charred Remains on Pottery // Nuclear Instruments and Methods in Physics Research. 2007. B. 259. P. 467–473.
14. Табаров А.В. Ранние керамические традиции в Пасифике (Южная Америка) // Древности по обе стороны Великого океана. Владивосток, 2011. С. 16–54.
15. Ceramics Before Farming. The Dispersal of Pottery among Prehistoric Eurasian Hunter-Gatherers / eds.: P. Jordan and M. Zvelebil. Walnut Creek: Left Coast Press, Inc., 2009. 589 p.

Статья поступила
в редакцию 01.02.2013

УДК 902

А.С. КРАВЦОВА

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ДОКЕРАМИЧЕСКОГО ПЕРИОДА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АМЕРИКИ*

Институт археологии и этнографии СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: toksotes@yandex.ru

Заселение Центральной Америки относится к так называемому палеоиндейскому периоду в позднем плейстоцене. Согласно исследованиям, древнейшие находки датируются приблизительно 11 тыс. л. н. В настоящей публикации впервые в российской историографии представлен обзор археологических памятников докерамического периода, а также дана общая характеристика и проблематика периода заселения Центральной Америки.

Ключевые слова: археология, Центральная Америка, палеоиндейский период, архаический период, заселение.

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 12-06-31212 «Архаичные типы адаптационных стратегий по данным археологии Монголии и Центральной Америки».

Центральная Америка как культурно-географический регион является одной из самых малоисследованных территорий в Новом Свете и в российской, и в зарубежной археологической науке. Географические рамки и хронологическая периодизация до настоящего времени не имеют четких границ. С севера и юга Центральная Америка граничит с двумя нуклеарными зонами Нового Света, так называемыми зонами высоких цивилизаций – Мезоамерикой и Центральными Андами. В связи с этим в историографии принято обозначать Центральную Америку как «промежуточную область» (*Intermediate area*), тем самым подчеркивая ее второстепенное положение. Исследователями установлено, что в течение всей доколумбовой истории регион испытывал сильное культурное влияние со стороны, прежде всего Южной Америки, что подтверждается находками в Панаме наконечников типа фиштейл, своеобразной «визитной карточки» южноамериканской каменной индустрии (как и наконечники типа кловис, характерные для Северной Америки, несколько реже встречающиеся на палеоиндейских памятниках Центральной Америки). Однако находки представляют собой по большей части подъемный материал, в связи с чем вопрос их датировки остается открытым. Исследователи Центральной Америки в целом склонны рассматривать археологию и палеогеографию этого региона с точки зрения изучения процессов, сопутствующих расселению человека на южноамериканский континент [1].

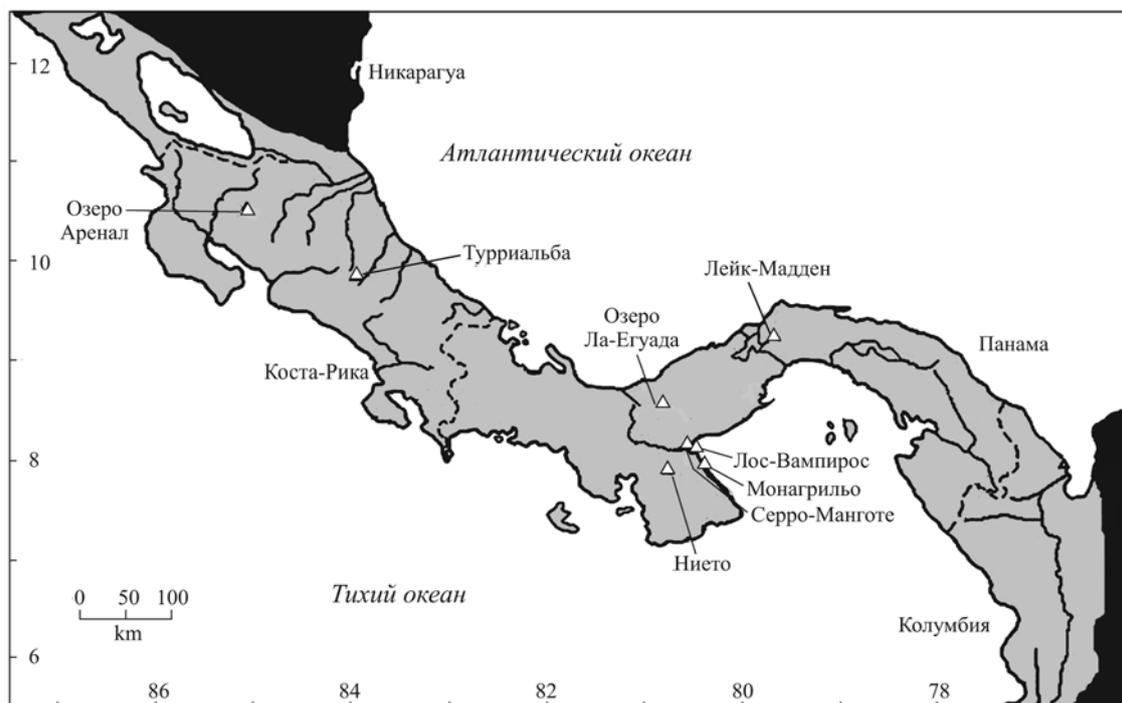
В настоящем исследовании будут рассмотрены первоначальные этапы заселения так называемого Центральноамериканского перешейка (*landbridge*),

соединяющего два континента и включающего территорию юга Никарагуа, Коста-Рику и Панаму. Северная граница этой зоны на протяжении всей доколумбовой истории является «подвижной» и традиционно определяется пределами ареала расселения культуры майя, входящей в состав мезоамериканских культур и оказавшей значительное влияние на облик обитателей северной части региона.

Однако следует отметить, что, несмотря на определяющее культурное влияние со стороны высокоразвитых культур, сами по себе культуры Центральной Америки несут важнейшую информацию о доколумбовой истории в целом, моделях приморской и внутриконтинентальной адаптации, а также облике древнейших обитателей Нового Света в частности.

В российской американистике изучению археологии этой части Нового Света не уделяется особого внимания, основные силы российских исследователей сосредоточены на изучении нуклеарных зон и прилегающих к ним территорий. Актуальность настоящего исследования также подтверждена получением грантов РФФИ и РГНФ и рядом публикаций в рецензируемых изданиях [2; 3].

Что касается географического положения Центральноамериканского перешейка, то он представляет собой узкую полосу земли, с двух сторон омываемую океанами (рис. 1) Однако на этой сравнительно небольшой территории наблюдается вариабельность климатических зон, что позволяет разделить Центральную Америку, как минимум, на три основных географических региона: тихоокеанское и атлантическое

Центральноамериканский перешеек. Древнейшие археологические памятники, упомянутые в статье.

побережье, а также разделяющая их горная цепь вулканического происхождения. Следует заметить, что прибрежные зоны отличаются друг от друга – тихоокеанское побережье характеризуется многочисленными лагунами и заливами, а климатические условия приближены к пустынным, в то время как более широкому атлантическому свойствен высокий уровень осадков и влажности. Палинологические исследования озерных отложений показали, что в палеоиндейский период территория Центральной Америки была покрыта густыми лесами [4]. С наступлением раннего голоцена природно-климатические условия изменяются и становятся приближенными к современным. Следует отметить, что основной массив археологических памятников докерамического периода располагается ближе к тихоокеанскому побережью, чуть меньше – в нагорной части. Однако между прибрежными территориями – расстояние максимум неделя пешего перехода; таким образом, теоретически древние обитатели региона вполне могли пользоваться пищевыми и сырьевыми ресурсами всех зон Центральной Америки.

В связи с малой изученностью региона представляется преждевременным делать какие-либо основополагающие выводы о времени и характере первоначального заселения Центральной Америки. Самые ранние даты, полученные с памятников на территории Панама, свидетельствуют о заселении региона приблизительно к концу палеоиндейского периода, 11 тыс. л. н. [5]. Докерамический период, являющийся предметом настоящего исследования, в Центральной Америке имеет верхнюю границу между 3800–3000 гг. до н.э. (что соответствует начальному этапу архаического периода) согласно датам, полученным с памятника Монагрильо, по которому была названа ранняя керамическая традиция в Панаме [6].

Согласно классической модели, расселение человека в Южную Америку происходило через территорию Центральноамериканского перешейка. Как было сказано ранее, пути миграций первых обитателей региона – прибрежная или континентальная – на сегодняшний день являются одним из самых актуальных вопросов для исследователей. Делать выводы на основании большей концентрации памятников пока представляется преждевременным, археологическая карта региона по-прежнему требует существенной доработки. Однако поиск и исследование следов древнейших обитателей Центральной Америки осложняется перекрывающимися их вулканическими отложениями и густой тропической растительностью.

К настоящему времени известно не так много памятников палеоиндейского периода. Большая их часть представляет собой мастерские либо охотничьи стоянки открытого или пещерного типа, либо единичные находки с поверхностных сборов. В основном они характеризуются наличием желобковых наконечников типа кловис и фиштейл. Охотничьи стоянки интерпретируются по остеологическим остаткам плейстоценовых животных – несколько наконечников было найдено в контексте с окаменевшими костями мастодонта, одна-

ко достоверных и прямых свидетельств охоты на него не представлено [7].

Памятники Турриальба в северной части региона и Лейк-Мадден в западной части Панама относятся к раннему периоду заселения, до 6000 г. до н. э. Метательные наконечники, найденные в отложениях докерамического периода и с поверхностных сборов, относятся как к северной традиции желобковых наконечников, так и к южноамериканской традиции фиштейл. Наконечники типа кловис были также найдены в долине озера Аренал на северо-западе Коста-Рики, датировки варьируют от 8000 до 2000 л. до н. э. [8].

Исследования на территории Западной Панама позволили зафиксировать несколько зон концентрации памятников палеоиндейского периода [9]. Археологические разведки в районе оз. Ла-Егуада выявили наличие нескольких мастерских по изготовлению орудий, а также ряд близлежащих источников каменного сырья. Среди диагностичных орудий были найдены отщепы с бифасиальной обработкой, целые наконечники и преформы. Датировки по озерным отложениям показывают присутствие человека в этом районе уже к 9000 г. до н. э.

Еще один памятник под названием Нието, также классифицированный как мастерская, был обнаружен в центральной части полуострова Асуэро. Он ассоциируется с близлежащими выходами кварца и характеризуется индустрией кловис, по которой была сделана хронологическая привязка – образцов угля на датирование пока не получено.

Побережье залива Парита в Панаме, покрытое мангровой растительностью, отличается высокой концентрацией памятников докерамического периода. Возможно, это является результатом полномасштабных исследований на этой территории в 1980-е гг. – на сегодняшний день эта часть Центральной Америки является наиболее исследованной [10]. Археологический комплекс состоит из серии пещер и соединяющих их тоннелей. Датировки, относящиеся к палеоиндейскому периоду, были получены с памятника Куэва-делос-Вампирос (или сокращенно Лос-Вампирос). Здесь также встречены характерные отщепы с бифасиальной обработкой и желобковые наконечники в нижнем культурном слое (11 500–9000 л. н.).

На рубеже плейстоцена и голоцена происходят глобальные климатические изменения, повлекшие за собой исчезновение ряда видов животных. Так, человек был вынужден адаптироваться к новым условиям раннего голоцена, изменяя свой рацион, модели расселения и мобильные стратегии. Если раньше миграции человека были подчинены охотничьим стратегиям на плейстоценовых животных, то в раннем голоцене необходимость постоянных переходов за группами животных отпала, и создались предпосылки для оседлого или полуседлого образа жизни. Особенно это касается групп, заселявших прибрежные тропические зоны, где с наступлением голоценового оптимума пищевые морские ресурсы стали доступны круглогодично и в изобилии.

В связи с этим архаический период, следующий за палеоиндейским и выделенный для тропической зоны Нового Света, отличается своей спецификой. В отличие от высокогорных и мезоамериканских традиций, архаическая адаптация прибрежных низменностей не имеет очевидных свидетельств попыток доместикиции или культивации растений с последующим их преобладанием в палеодиете [8].

Материал из слоев архаического периода на памятнике Серро-Манготе в Панаме датируется 4810 г. до н. э. и указывает на эксплуатацию морских ресурсов и охоту на млекопитающих, без следов начального земледелия. Примечательно, что в нижних слоях были найдены фрагменты керамики традиции Монагрильо, рассмотренной ниже. Однако их незначительное количество и слишком ранние датировки слоя не позволили сделать исследователям каких-либо выводов. Памятник был признан докерамическим, а фрагменты керамики – переотложенными [11].

Докерамический период Центральной Америки завершается приблизительно в 4-м тысячелетии до н. э. На памятнике Монагрильо, расположенном у устья р. Парита в Панаме, неподалеку от Серро-Манготе, среди остатков прибрежной фауны, характерных типов орудий и необработанной глины была встречена керамика. В настоящее время этот памятник интерпретируется как сезонная стоянка или лагерь для сбора акватических ресурсов. Вполне возможно, что для населения этого периода была характерна так называемая радиальная мобильная стратегия, включающая в себя сезонные миграции некоторых групп между побережьем и предгорными регионами для пополнения пищевых запасов [12]. Примечательно, что подобная мобильная стратегия также наблюдается у некоторых групп населения тихоокеанского побережья в Мезоамерике [13]. Среди остеологического материала на памятнике Монагрильо преобладают кости мелкой рыбы, остатки моллюсков и ракообразных. Рацион человека архаического периода на этой территории также включал растительную пищу. В настоящее время исследования по Монагрильо сосредоточены в основном на выявлении степени оседлости населения и наличии здесь садоводства.

Таким образом, докерамический период Центральноамериканского перешейка все еще нуждается в интенсивном изучении. На сегодняшний день можно выделить несколько отличительных характеристик этого периода: 1) заселение всех основных районов Центральной Америки произошло не позже 11 тыс. л. н., что подтверждается абсолютными датировками; 2) древнейшие обитатели этого региона жили сравнительно небольшими группами; 3) среди типов памятников преобладают сезонные охотничьи стоянки, реже – мастерские; 4) каменный инвентарь характеризуется типичными отщепами с бифасиальной обработкой и

желобковыми наконечниками типа кловис и фиштейл. Пока невозможно четко определить, каким именно путем происходило заселение перешейка. Памятники присутствуют как в континентальной части региона, так и на побережье, а кроме того, имеют сравнительно незначительные расхождения в датировках. Дальнейшие археологические исследования Центральной Америки позволят не только пролить свет на этот основополагающий вопрос по характеру заселения Нового Света, но и получить дополнительную информацию об облике древнейших обитателей региона, их экономической и социальной организации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Cooke R.* Prehistory of Native Americans on the Central American Land Bridge: Colonization, Dispersal, and Divergence // *Journal of Archaeological Research*. 2005. Vol. 13 (2). P. 129–187.
2. *Кравцова А.С., Табаев А.В.* Загадочный регион: археология Центральной Америки в российской историографии // *Гуманитарные науки в Сибири*, 2012. № 2. С. 53–56.
3. *Кравцова А.С.* Ранняя керамика на территории Мезоамерики и Центральной Америки // *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2012. № 7. С. 68–75.
4. *Piperno D.R., Bush M.B., Colinvaux P.A.* Paleoenvironments and Human Occupation in Late-Glacial Panama // *Quaternary Research*. 1990. Vol. 33. P. 108–116.
5. *Ranere A.J., Cooke R.* Paleoindian Occupation in the Central American Tropics // *Clovis: Origins and Adaptations / Center for the Study of the First Americans, Department of Anthropology, Oregon State University, Corvallis*, 1991. P. 237–253.
6. *Cooke R.* Monagrillo, Panama's First Pottery: Summary of Research, with New Interpretations // *The Emergence of Pottery: Technology and Innovation in Ancient Societies, Smithsonian Institution*, 1995. P. 169–184.
7. *Hoopes W.H.* Imagining Human Alteration of Ancient Landscapes in Central and South America // *The Ethics of Anthropology and Amerindian Research*. 2012. P. 235–267.
8. *Evans S.T., Webster D.L.* Archaeology of Ancient Mexico and Central America: An Encyclopedia. New York; London: Garland Publishing Inc., 2001.
9. *Pearson G.A., Cooke R.* The Role of the Panamanian Land Bridge during the Initial Colonization of the Americas // *Antiquity*. 2002. Vol. 76. P. 931–932.
10. *Cooke R., Ranere A.J.* The «Proyecto Santa Maria»: a Multidisciplinary Analysis of Prehistoric Adaptations to a Tropical Watershed in Panama // *Recent Developments in Isthmian Archaeology: Advances in the Prehistory of Lower Central America*. Ed. 1. 1984. P. 3–30.
11. *McGimsey C.R.* Cerro Mangote: A Pre-ceramic Site in Panama // *American Antiquity*. 1956. Vol. 22. P. 151–161.
12. *Linares O.F., Ranere A.J.* Adaptive Radiations in Prehistoric Panama // *Peabody Museum of Archaeology and Ethnology*. Harvard University, Cambridge, Massachusetts, 1980.
13. *Кравцова А.С.* Приморская адаптация как один из альтернативных путей к раннеземледельческим культурам на тихоокеанском побережье Мезоамерики // *Горизонты тихоокеанской археологии*. – Владивосток: Изд-во Дальневост. федер. ун-та, 2011. С. 137–161.

Статья поступила
в редакцию 22.01.2013

УДК 902/904

А.Н. ЧЕХА

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ ШУЙДУНГΟΥ

Новосибирский государственный университет,
Институт археологии и этнографии СО РАН,
г. Новосибирск,
e-mail: cheha.anna@yandex.ru

Статья посвящена истории изучения палеолитической стоянки Шуйдунгоу и основным вопросам ее культурно-хронологической принадлежности, геохронологии, стратиграфии, интерпретации каменного инвентаря. В качестве источника использованы публикации отечественных и зарубежных авторов на русском, английском и китайском языках. Проанализированы публикации первых исследователей, а также данные последних изысканий китайских археологов.

Ключевые слова: верхний палеолит Китая, стоянка Шуйдунгоу, каменный инвентарь, пластинчатый компонент, проблема перехода от среднего к верхнему палеолиту.

Палеолитическая стоянка Шуйдунгоу изучается с 1923 г., существует немалое количество публикаций, однако до сих пор остаются дискуссионными многие вопросы, касающиеся ее датировки, стратиграфии, геохронологии и интерпретации каменного инвентаря. Истории изучения стоянки посвящено лишь несколько работ, среди которых следует отметить статью И. Яманака (Ichigo Yamana) «Каменная индустрия местонахождения Шуйдунгоу в Ордосе» [1], где автор упоминает в основном первые этапы исследования, а также приводит точки зрения некоторых исследователей относительно материалов памятника. Довольно подробная оценка индустрии Шуйдунгоу представлена в работе Тан Чхуна и Гай Пэя «Верхнепалеолитические культурные традиции в Северном Китае» [2]. Некоторые данные относительно оценки каменного инвентаря, полученного в результате раскопок 1923 г., опубликованы в монографии А.П. Деревянко «Верхний палеолит в Африке и Евразии и формирование человека современного анатомического типа» [3]. Новые сведения представлены в монографическом издании Гао Сина и Ван Хуэймина «Шуйдунгоу: связывая прошлое и настоящее» [4]. Однако на современном этапе исследований нет ни одной обобщающей работы по истории изучения стоянки Шуйдунгоу на русском языке. В данной статье предпринята попытка обобщения данных по истории изучения данного местонахождения и разграничения основных исследовательских мнений относительно генезиса и культурно-исторического контекста индустрии Шуйдунгоу.

Палеолитическая стоянка Шуйдунгоу открыта в 1923 г. П. Тейяр де Шарденом и Е. Лиссаном. Она расположена в 5 км к востоку от одноименного села и в 28 км от г. Инчуань, административного центра Нинся-Хуэйского автономного округа, в 18 км от р. Хуанхэ, на

возвышенности 15 м от уреза воды. Неподалеку находится овраг, представляющий собой в настоящее время сезонное русло реки, впадающей в Хуанхэ. Во время первых раскопок было вскрыто 80 м² в пункте F1. Культуросодержащий горизонт имел мощность около 50 см и содержал зольные очажные пятна. Напротив первого пункта на южном берегу оврага открыт второй пункт (F2), а в полукилometре к югу от с. Шуйдунгоу еще три (F3, F4, F5). По сравнению с пунктом F5, пункты F3 и F4 были сильно разрушены [1, p. 106].

Летом 1960 г. пункт F1 повторно изучался Китайско-советской экспедицией палеонтологов. В результате раскопок было найдено более 2 тыс. каменных артефактов, но по причине ухудшения советско-китайских отношений эти работы были остановлены.

В августе 1963 г. команда исследователей из Института палеонтологии позвоночных и палеоантропологии Китайской академии наук, возглавляемая Пэй Вэньчжунем, исследовавшим первый череп *Homo erectus pekinesis*, снова начала систематические раскопки Шуйдунгоу. В итоге был выделен неолитический слой, представленный шлифованными орудиями, и палеолитический горизонт, содержащий пластины и другие сколы. Кроме того, был найден декоративный предмет из скорлупы яйца страуса [4, p. 40].

В сентябре–августе 1980 г. сотрудниками музея и Отдела геологии провинции Нинся (Ningxia) было предпринято очередное исследование Шуйдунгоу. Работы были сосредоточены на территории, расположенной севернее места раскопок 1963 г., и охватили около 52 м². Результаты этих изысканий опубликованы в 2003 г. Издательством Science Press в Пекине [4, p. 42].

Цзя Ланьпо, Ван Юйпин, Хуан Вэйвэнь и другие исследователи независимо друг от друга изучали дан-

ное местонахождение. По мнению большинства исследователей (А. Брейль, Ф. Борд, Цзя Ланьпо, Гай Пэй, Ли Яньсянь), стратифицированные пункты Шуйдунгоу I и II относятся к палеолиту, остальные – к более позднему времени (мезолит, неолит) [3; 5].

Помимо пяти пунктов, относящихся к Шуйдунгоу и содержащих палеолитический материал, в этом районе были обнаружены мезолитические и неолитические находки. В результате работ 1957, 1960, 1963, 1980 и 2001 гг. была уточнена стратиграфия стоянок, получен новый значительный материал [3, с. 123].

Индустрию Шуйдунгоу относят к ранневерхнепалеолитической. Первичное расщепление связано с дисковидными, параллельными, двуплощадочными монофронтальными и торцовыми нуклеусами, а также микронуклеусами. Ядрища для снятия отщепов, напоминающие дисковидные, встречаются не только на верхнепалеолитических, но и на неолитических пунктах. Двуплощадочные монофронтальные нуклеусы из Шуйдунгоу некоторые исследователи относят к леваллуазским. Но, как отмечает А.П. Деревянко, такая оценка очень субъективна и обусловлена расширенным пониманием леваллуа. В Шуйдунгоу такие нуклеусы сильно сработаны, т.е. с них многократно снимались заготовки, что сопровождалось подправкой ударной площадки, в результате могла создаваться иллюзия ее фасетирования. Торцовые нуклеусы и микронуклеусы достаточно типичны для позднего палеолита Китая. В Шуйдунгоу не найдено ни одного классического леваллуазского нуклеуса, хотя имеются остроконечные пластинчатые сколы с фасетированной площадкой [3, с. 124].

Орудийный набор индустрии Шуйдунгоу разнообразен. Для всех пунктов характерны острия. Большой удельный вес в коллекции имеют концевые скребки с прямым и скошенным рабочим краем. Ретушировалось не только лезвие, но и один – два края изделия. Имеются скребки высокой формы, напоминающие карене. На пластинках и пластинчатых сколах оформлялись скребла, ножи, зубчатые и выемчатые изделия. В небольшом количестве представлены резцы, проколки.

В 1963 г. при раскопках были найдены костяное изделие длиной 58,8 мм, определенное как пробойник или ложило, и округлое украшение из скорлупы страусинового яйца с просверленным в центре отверстием. Обугленное орудие, с серповидным краем, изготовленное из расщепленной кости, обнаружено в очаге, для которого получена дата 26 650±170 л. н. На внутренней и внешней поверхностях изделия имеются следы полировки и стертости, один его конец расщеплен [3, с. 124].

Геохронология Шуйдунгоу неоднозначна. В 1999–2000 гг. проводились специальные исследования с целью датировки памятника. В пункте F2 были выявлены очаги и очажные пятна, из которых взяты образцы для радиоуглеродного датирования. Полученные даты укладываются в диапазон 27–25 тыс. л. н., минимальное значение – 23 700±180, максимальное – 29 520±230 л. н. Имеются даты, определенные урановым методом, – 38 000±2000 и 34 000±2000 л. н. [5–7].

Кроме того, исследователи по-разному интерпретируют каменную индустрию данной стоянки.

А. Брейль, изучавший каменный инвентарь из раскопок 1923 г., выделил три основные категории: орудия на нуклеусах, отщепах и пластинах; резцы, микролиты. Среди нуклеусов он отметил дисковидные, мустьероподобные для пластин и отщепов. Оценивая индустрию Шуйдунгоу, А. Брейль полагал, что западному типологу она «представляется как нечто, находящееся на полпути между развитым мустье и зарождающимся ориньяком, или как комбинация этих двух элементов» [3]. Ван Юй Пин, сравнивший в 1957 г. эти материалы с коллекцией Дацзяван (Dajiwang), пришел к аналогичным выводам [8].

Ф. Борд [9], изучивший ту же коллекцию, определил пластинчатый показатель индустрии (31 %), выделил скребла (27 %), зубчатые орудия (16,6 %), бифасы (1 %), чопперы (около 2 %), верхнепалеолитические типы (скребки, резцы, проколки, ножи со спинкой, тронкированные пластины, микролиты и др. – 28 %). В целом он оценил эту индустрию как мустье фации леваллуа. По мнению Борда, она не похожа на индустрии верхнего палеолита Западной Европы, представляет собой развитое мустье и могла оказать сильное влияние на верхнепалеолитическую культуру Сибири [3].

Цзя Ланьпо, Гай Пэй, Ли Яньсянь [10] обратили внимание на большое разнообразие наконечников, скребел, скребков, ножевидных пластин и микропластин и пришли к выводу, что индустрию Шуйдунгоу, несмотря на сочетание типологических признаков среднего и верхнего палеолита, следует отнести к последнему. П.Д. Брантингхэм и другие специалисты, изучавшие эту индустрию, отмечают признаки среднепалеолитических традиций в первичном расщеплении, вторичной обработке, типах каменных орудий, но, учитывая облик комплекса в целом, характеризующийся преобладанием верхнепалеолитических элементов, а также геохронологию местонахождения, считают необходимым отнести Шуйдунгоу к начальному этапу верхнего палеолита [7].

Тан Чхун и Гай Пэй в своей классификации отнесли данную индустрию ко второй фазе верхнего палеолита, определив ее как пластинчатую, с большим числом типичных обушковых ножей, но со слабо выраженным микропластинчатым компонентом [2].

Среди исследователей также нет единого мнения относительно истоков технологической традиции Шуйдунгоу. Цзя Ланьпо связывает генезис данной индустрии с двумя традициями, распространенными на территории Северного Китая: макролитической, которая представлена на местонахождении Динцунь, и микролитической, типа Сюйцзяо, взаимовлияние которых привело, по его мнению, к образованию третьей – верхнепалеолитической традиции. Схожей точки зрения придерживаются Гай Пэй и Хуан Ваньпо [11]. Они также предполагают развитие культуры Шуйдунгоу под влиянием двух среднепалеолитических традиций.

Чжан Сеншуй [12] полагает, что индустрия Шуйдунгоу сформировалась на основе микролитической традиции Северного Китая посредством влияний, бе-

рущих начало на западе. Некоторые исследователи считают такую интерпретацию довольно убедительной, так как отнести материалы данной стоянки к самому раннему этапу верхнего палеолита достаточно проблематично. Косвенным подтверждением данной точки зрения служит и тот факт, что в остальной части Ордоса в течение первой половины верхнего палеолита отсутствовало пластинчатое расщепление [1].

В настоящее время, начиная с 2002 г., Институтом палеонтологии позвоночных и палеоантропологии Китайской академии наук и Институтом археологии провинции Нинся проводятся научные изыскания на местонахождении Шуйдунгоу и близлежащей территории под руководством Ли Дзинцзэня (Li Jinzeng), Лу Феня (Luo Fen) и Гао Сина (Gao Xing). Этими учеными открыты и изучаются новые пункты. Гао Син и Ван Хуэйминь (Wang Huimin) опубликовали последние данные исследований в монографическом издании «Shuidonggou: Connecting The Past to The Present» [4].

Оценивая каменный инвентарь пункта F1, авторы отмечают своеобразие данной индустрии, в отличие от других палеолитических культур Китая (преобладание пластин с незначительным микропластинчатым показателем, в отличие, например, от Сячуань (Xiachuan) с преобладанием микропластин), проводят аналогии по пластинчатому показателю с материалами Денисовой пещеры (Алтай). По их мнению, эта индустрия находит сходство с одновременными комплексами Сибири, Центральной Азии и Европы [4, р. 48].

По мнению А.П. Деревянко, пластинчатая индустрия Шуйдунгоу не имеет собственных корней и наиболее близка к индустриям Орхона-1 и -7, Орон-Нора-1 и -2, где 40 тыс. л. н. еще сохранялись леваллуазские традиции в первичной обработке и в формах орудий некоторых типов [3, с. 128].

Вопрос о культурно-хронологической принадлежности Шуйдунгоу связан с проблемами генезиса верхнепалеолитической индустрии и выделения критериев перехода от среднего к верхнему палеолиту на территории Китая.

Существуют различные точки зрения на хронологию и истоки верхнепалеолитической культуры на территории Китая. Цзя Ланьпо и Хуан Вэйвэнь считали, что она соответствует среднему и позднему верхнему плейстоцену в пределах 40–10 тыс. л. н. и связана с предшествующими культурами [3]. Тан Чхун и Гай Пэй выделяют в Северном Китае три стадии верхнего палеолита: первая (40–30 тыс. л. н.) характеризуется усеченными орудиями на отщепах и метательными орудиями бола (Салавасу). Для второй фазы (30–15 тыс. л. н.), которая разделена на три подфазы, характерны обушковые ножи и микропластинчатая технология (Шуйдунгоу, Чжиюй). Третья фаза (15–10 тыс. л. н.) характеризуется индустрией микронуклеусов и орудий на микропластинах (Сюэгуань, Хутоулян, Шаньдиндун) [2].

Начало формирования верхнепалеолитической культуры в Китае, по мнению исследователей, определить на имеющихся материалах невозможно. Все местонахождения с орудиями на отщепах, относимые

к ранней стадии верхнего палеолита (например, Салавасу), демонстрируют продолжение традиции предшествующего этапа как в первичной, так и во вторичной обработке. Четкая грань намечается с появлением пластинчатой индустрии, которая, бесспорно, уже является верхнепалеолитической (типа Чжиюй и Шуйдунгоу). На современном этапе исследований выделяется несколько критериев перехода от среднего к верхнему палеолиту на данной территории, среди которых наиболее важным оказывается появление пластинчатой индустрии [3; 5].

Еще одним показателем более развитой индустрии, по мнению большинства исследователей, является наличие изделий из кости. Они известны на местонахождениях Чжиюй и Шуйдунгоу.

На стоянке Чжиюй найдены фрагменты костей, на которых имеются следы оббивки и насечки, а также одно костяное орудие типа остроконечника [3, с. 121].

М. Отт и Я.К. Козловский называют следующие показатели перехода к верхнему палеолиту:

- наличие пластинчатого компонента с присутствием мелких пластин (например, стоянки Чайси и Сячуань) Так же считают китайские исследователи Сюсин и Гао Син [13, с. 104];
- наличие хорошо развитого костяного инвентаря;
- наличие бифасов.

Если не учитывать присутствие артефактов с уплощенной поверхностью в коллекции Чжоуцзяюфан (аналогичные орудия со стоянки Макарово-4 в Сибири), чья дата, вероятно, древнее 30 тыс. л. н., то настоящие бифасы появились на территории Китая 25–18 тыс. л. н. [14]. Бифасы всегда залегают вместе с орудиями на отщепах (скребла и остря), например, на стоянке Сяокуцзы-9 в Ордосе, недалеко от Шуйдунгоу [15, с. 28].

Таким образом, палеолитическая стоянка Шуйдунгоу является одним из наиболее важных местонахождений для понимания проблемы перехода от среднего к верхнему палеолиту на территории Китая.

Несмотря на наличие ряда монографий и статей, посвященных полевым и лабораторным исследованиям памятника, по многим вопросам, связанным со стратиграфией, геохронологией, технико-типологическим анализом инвентаря, у исследователей сложились различные точки зрения. Дискуссионность вопроса о культурно-хронологической принадлежности Шуйдунгоу можно объяснить тем, что одни обращали внимание на некоторую архаичность черт первичной и вторичной обработки и типов орудий, другие – на элементы, характерные для развитого верхнего палеолита. Китайские и западные палеолитоведы придерживаются разных подходов к оценке типологии каменных орудий и технологии их изготовления.

Следует отметить, что в настоящее время дискуссия относительно материалов стоянки Шуйдунгоу не исчерпана. Однако на современном этапе изучения наиболее аргументированным представляется мнение о том, что пластинчатая индустрия на территорию Китая привнесена из западных и северо-западных сопредельных регионов. Об этом свидетельствует ее распространение в

хронологическом интервале 30–20 тыс. л. н. в Синцзяне и Внутренней Монголии, затем в других районах Северного Китая и на Корейском полуострове, позже 25 тыс. л. н. – в Южном Китае. Однако следует отметить, что особенностью индустрии Шуйдунгоу является присутствие и более древних приемов первичной и вторичной обработки камня. Таким образом, наряду с пластинчатым компонентом здесь представлен и традиционный для предшествующего этапа отщеповый, что не лишает оснований точку зрения о формировании данной индустрии на основе среднепалеолитических традиций.

На современном этапе разработки проблемы выделения критериев перехода к верхнему палеолиту исследователи едины лишь в том, что основным показателем верхнепалеолитической индустрии является наличие пластинчатого компонента с присутствием мелких пластин.

Дальнейшее изучение особенностей каменной индустрии Шуйдунгоу позволит уточнить многие аспекты культурно-хронологической интерпретации данного материала, в том числе в контексте проблемы перехода от среднего к верхнему палеолиту на территории Китая и сравнить полученные данные с материалами сопредельных территорий.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ichiro Yamanaka*. L'industrie lithique du site de Shuidonggou dans l'Ordos en Chine // Research Summary Kyoto University College of Literature, 1995. N 32. P.105–154.
2. *Tang Chung, Gai Pei*. Upper Paleolithic Cultural Traditions in North China // Advances in World Archaeology. 1986. Vol. 5. P. 339–363.
3. *Деревянко А.П.* Верхний палеолит в Африке и Евразии и формирование человека современного физического типа. Новосибирск: Изд-во ИАиЭт СО РАН, 2011. 560 с.

4. *Gao Xing, Wang Huimin*. Shuidonggou: Connecting the Past to the Present. Peking (Beijing): China Science Press, 2011 (пер. с кит. Qi Chen, R. Deniel).

5. *Brantingham P.J.* One hit wonder & Shuidonggou and the failure of the early Upper Palaeolithic in China // Abstracts of the 65 Meeting of the Society

6. *Gao Xing, Li Jin-zeng, Madsen D. Brantingham, et al.* New C14 Dates for Shuidonggou and related Discussions // RenLeiXueXue Bao. 2002. Vol. 21, N 3. P. 311–327.

7. *Madsen D.B., Li J., Brantingham P.J., et al.* Dating Shuidonggou and Paleolithic blade industry in North China // Antiquity. 2001. Vol. 75, N 290. P. 706–716.

8. *Ван Юйпин*. Палеолитическая стоянка Шуйдунгоу // Kaogu (Coary). 1962. N 11. С. 588–589 (на кит. яз.).

9. *Bordes F.* Le Paleolithique dans le monde. P.: Hachette, 1968. 256 p.

10. *Цзя Ланьпо, Гай Пэй, Ли Яньсянь*. Новые материалы с палеолитической стоянки Шуйдунгоу // Vertebrata PalAsia. 1964. Vol. 8, N 1. P. 75–83 (на кит. яз.).

11. *Гай Пэй, Хуан Ваньпо*. Культурные памятники среднего палеолита, открытые в уезде Чаньгу провинции Шанси // Renleixue хуебао (Женьлэйсюэ сюэбао). 1982. Вып. 18, № 1 (1). С. 18–29 (на кит. яз.).

12. *Zhang Senshui*. A study on stone artifacts from 54:100 site Dingcun Region // Acta Antropologia Sinica. 1993. Vol. 123. P. 195–213.

13. *Xuxing, Gao Xing*. Data Analysis of Paleolithic Sites in China // The 17th International symposium: Suyanggae and her neighbours Kurtak. Sundong (Korea): Institute of Korean Prehistory, 2012.

14. *Деревянко А.П.* Проблема бифасиальной техники в Китае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 1 (33). С. 2–32.

15. *Отт М., Козловский Я.К.* Переход от среднего к верхнему палеолиту в Северной Евразии // Переход от среднего к позднему палеолиту в Евразии: сб. науч. ст. Новосибирск: Изд-во ИАиЭт СО РАН, 2005. С. 27–31.

Статья поступила
в редакцию 26.01.2013

УДК 902/903

К.К. ПАВЛЕНОК, С.В. ШНАЙДЕР, Г.Д. ПАВЛЕНОК, К.А. КОЛОБОВА

ПАЛЕОЛИТ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ТЯНЬ-ШАНЯ В СВЕТЕ НОВЕЙШИХ ОТКРЫТИЙ*

канд. ист. наук,
Институт археологии и этнографии СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: pavlenok@archaeology.nsc.ru

Данная статья посвящена итогам исследований палеолита Западного Тянь-Шаня в период с середины XX в. до настоящего времени. Основное внимание уделяется результатам новейшего этапа исследований (с 1998 г.). Комплексное изучение опорных объектов региона – грота Оби-Рахмат и стоянки Кульбулак, позволило пересмотреть устоявшиеся воззрения на эволюцию материальной культуры человека в региональном среднем и верхнем палеолите. Были выделены обирахматский вариант перехода к верхнему палеолиту и кульбулакская верхнепалеолитическая культура, определяющие направление и динамику технологического развития в рассматриваемый период.

Ключевые слова: Северо-Западный Тянь-Шань, палеолит, история исследования, культурная эволюция, Оби-Рахмат, Кульбулак.

*Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 12-06-33041 мол_a_вед, проект № 12-06-31235 мол_a; РГНФ, проект № 12-31-01322).

В географическом отношении территория Северо-Западного Тянь-Шаня представляет собой систему круто-склонных хребтов северо-восточного простирания, отходящих от Таласского Алатау и разделенных глубокими внутригорными впадинами. Северной границей района является р. Арысь, восточной – хр. Каратау, южной – Ферганская депрессия, западной – долина р. Сырдарья [1; 2]. Данный регион располагается в центральной части евразийского континента, и его географическая локализация во многом предопределила динамику и направление исторического развития. Начиная с древнейших этапов преистории, он постоянно являлся зоной активных транскультурных контактов представителей древних популяций [3; 2]. Как следствие, в период плейстоцена он был одним из крупных центров развития палеолитической культуры, в которой сочетались локальные и привнесенные элементы.

В истории изучения данной территории можно выделить два крупных этапа [4]. Начало археологических разведок связано со спасательными работами перед строительством основных ирригационных сооружений в Республике Узбекистан в 1950–1960-е гг. Первые стоянки каменного века в регионе были обнаружены в 1955 г. в зоне затопления плотины Нижне-Бозсульской ГЭС. Были выявлены местонахождения Бозсу-1–4, которые представляют собой смешанные комплексы, где с каменными артефактами в слое залежали фрагменты поливной керамики [5].

В 1957 г. были обнаружены памятники Ходжакент-1, 2, которые в 1958–1959 гг. исследовались А.П. Окладниковым. По его мнению, комплексы Ходжакент-1, 2 демонстрируют идентичный инвентарь, являются синхронными и относятся к финальной стадии среднего палеолита [6].

В ходе масштабных спасательных работ, начатых в 1960 г. в зоне строительства Чарвакского водохранилища, было обнаружено около 150 археологических памятников, из которых три – Оби-Рахмат, Чаткал и Ак-Таш – относятся к эпохе палеолита [7].

Пещера Ак-Таш располагается в 60 км к северо-востоку от Ташкента. На основе типологического анализа немногочисленной коллекции (менее 50 экз.) памятник был отнесен к верхнему палеолиту [7].

Одно из наиболее значимых археологических открытий этого периода датируется 1962 г., когда был обнаружен палеолитический памятник Оби-Рахмат [8]. Грот располагается недалеко от места слияния рек Чаткал и Пскем, в долине р. Пальтау. Первоначально работы проводились под руководством М.М. Герасимова и Х.К. Насретдинова, а с 1964 по 1965 г. Р.Х. Сулеймановым. После публикации материалов раскопок [8] Оби-Рахмат становится одним из ключевых памятников региона, поскольку здесь была получена многочисленная коллекция каменного инвентаря в условиях четкой стратиграфии, демонстрирующего, как считалось, преемственность в динамике развития индустрии от среднего к верхнему палеолиту. В ходе этого цикла исследований на памятнике было найде-

но около 30 тыс. каменных артефактов, неравномерно распределенных по стратиграфической колонке (21 литологический слой). Р.Х. Сулеймановым было предложено разделение археологической последовательности грота Оби-Рахмат на пять комплексов или «ярусов»: ярус А (слои 21–15), ярус Б (слои 14–9), ярус В (слои 8, 7), ярус Г (слои 6–4) и ярус Д (слои 3–1) [8]. Данная эволюционная последовательность, основанная на изменениях в технологии каменного производства и орудийном наборе, по мнению исследователя, отражает постепенный переход от среднего к верхнему палеолиту в рамках единой культурной традиции. Эта последовательность легла в основу нескольких культурно-хронологических схем развития материальной культуры региона [8; 9; 1].

В 1964 г. на правом берегу р. Чаткал была открыта пещерная стоянка Чаткал. По мнению М.Р. Касымова, малочисленные находки «по характеру и технике обработки аналогичны орудиям грота Оби-Рахмат» [7, с. 24].

В 1978–1981 гг. исследовалась пещерная стоянка Пальтау поблизости от грота Оби-Рахмат, на правом берегу Пальтаусая. Было выявлено 14 литологических слоев с перемешанными материалами бронзового и каменного веков. Коллекция каменных артефактов отнесена к эпохе мустье [10].

Группа палеолитических объектов - Кызылалма-1-4, Гыштсай-1, 2, Кульбулак – была обнаружена в 1962 г. в районе Кызылалмасы в рамках работ перед началом строительства Ангреноского водохранилища. На мастерских Кызылалма-1, 3, 4 выделяются экспонированные верхнепалеолитический и неолитический комплексы. Аналогичная ситуация зафиксирована на мастерских Гыштсай-1, 2, расположенных вблизи Гыштсай. На Кызылалме-2 был выделен еще и мустьерский комплекс [11].

Тогда же был обнаружен наиболее значимый памятник каменного века в долине р. Ахангарон – стоянка Кульбулак. Стоянка приурочена к юго-восточным склонам Чаткальского хребта и находится на правом берегу устья Джарсай в 6 км к западу от г. Ангрена. Кульбулак исследовался под руководством М.Р. Касымова с 1963 по 1985 г. (с небольшими перерывами). В ходе раскопок была вскрыта 19-метровая толща четвертичных отложений. Общая площадь раскопок превысила 600 м² [12]. По мнению М.Р. Касымова, отложения относились к нижнему (22 слоя), среднему (24 слоя) и верхнему (3 слоя) палеолиту. Указывается, что культурные слои мощностью 0,1–2 м были разделены стерильными прослоями и представлены в состоянии *in situ*. Таким образом, культурно-стратиграфическая колонка памятника, по мнению исследователя, демонстрирует эволюционное автохтонное развитие отдельной кульбулакской культуры от ашельской эпохи до финальных этапов каменного века [12]. Материалы памятника стали основой для выделения региональной фации зубчатого мустье, генетически связанной с ашельскими материалами Кульбулака и играющей значительную роль в станов-

лении регионального верхнего палеолита, определяя его архаичный облик.

В 1966 г. в устье правого берега Нишбосая близ г. Ангарон был обнаружен среднепалеолитический памятник Кухисим, изучавшийся в 1967 г. На основе типологического анализа коллекции (около 200 экз.) из шести культурных слоев памятник был отнесен к мустьерской эпохе [13].

В 1976 г. во время раскопок на стоянке Кульбулак проводились разведочные работы вдоль течения р. Ахангарон. Были обнаружены местонахождения Шиванбай-1, 2, содержащие массу артефактов с зубчато-выемчатой ретушью, на основе чего памятники были отнесены к кульбулакской культуре [14].

В целом данный период в изучении каменного века региона ознаменован стационарными исследованиями опорных палеолитических объектов – стоянки Кульбулак и грота Оби-Рахмат. Благодаря этим изысканиям были предложены первые культурно-хронологические схемы развития древних обществ этой территории, в которые были органично вписаны индустрии других памятников, открытых в этот период [8; 12]. Эти работы позволили обозначить узловые проблемы в палеолитической проблематике региона, во многом актуальные и на сегодняшний день.

С 1990-х гг. начинается новый этап в изучении палеолита Северо-Западного Тянь-Шаня. Как указывают Р. Дэвис и В.А. Ранов, в тяжелых условиях после распада СССР неизбежной была смена научных приоритетов, и если ранее основу исследовательских групп составляли республиканские кадры, то с этого времени планомерные исследования памятников стали проводиться в рамках сотрудничества с зарубежными научными центрами, в первую очередь российскими [15].

В 1994 г. реализовывался совместный проект ИА АН РУз и ИИМК РАН (г. Санкт-Петербург) по изучению памятников палеолита долины р. Ахангарон. Целью работ 1994–1995 гг. было уточнение стратиграфической шкалы подъемного материала соседних местонахождений (Кызылалмасай-1, 2, Джарсай-1) [16]. Раскопки показали, что четвертый слой стоянки связан с отложениями селевого генезиса, а верхние слои стоянки (1–3), являются непереотложенными. К схожим выводам позднее пришли и участники экспедиции, работавшей под руководством У.И. Исламова на объекте в 2001–2002 гг. [17].

На местонахождениях Кызылалмасай-1, 2 обнаружены изделия нижнепалеолитического облика, сопоставимые с материалами ашельских слоев Кульбулака. Коллекция местонахождения Джарсай-1 содержит, помимо прочего, типичные леваллуазские формы, на основании чего его индустрия была отнесена к среднему палеолиту [16].

В 1998 г. с возобновления исследований грота Оби-Рахмат был начат совместный проект ИА РУз и ИАЭТ СО РАН (г. Новосибирск) по изучению каменного века Узбекистана, продолжающийся до настоя-

щего времени. Помимо раскопок Оби-Рахмата были продолжены исследования Кульбулака и пещеры Пальтау, а также открыты новые памятники каменного века – Додекатым-1, 2 и Кызыл-Алма-2 [18; 19].

В результате 14-летнего (1998–2012 гг.) цикла исследований грота Оби-Рахмат было выделено 37 культуросодержащих горизонтов с различной насыщенностью археологическим материалом [2]. Анализ индустрии памятника и других условно синхронных комплексов региона (Кульбулак, слой 23) позволил скорректировать интерпретацию культурных событий Северо-Западного Тянь-Шаня в верхнем плейстоцене. Было установлено присутствие на этой территории (и в прилегающих регионах) свидетельств единой обирахматской культурной традиции, существовавшей в интервале с 80–70 тыс. л.н. до 40–35 тыс. л.н. и в дальнейшем ставшей одним из источников формирования верхнего палеолита региона. Материалы данной традиции стали основанием для выделения обирахматского варианта перехода к верхнему палеолиту, отображающего культурное взаимодействие ближневосточных пластинчатых леваллуазских индустрий и загросского мустье, а ее индивидуальной чертой является раннее возникновение мелко- и микропластинчатого расщепления. Полученные выводы были подкреплены итогами изучения других стратифицированных объектов Западного Памиро-Тянь-Шаня (Худжи, Джаркутан, Дусты в Таджикистане). В 2003 г. в 16-м слое грота Оби-Рахмат были обнаружены останки древнего гоминида. Антропологический материал, демонстрирующий мозаичную морфологию (смесь архаичных и современных черт) [2], безусловно, является одной из значимых находок последнего десятилетия.

Одновременно с исследованиями грота Оби-Рахмат в 2001 г. было продолжено исследование пещеры Пальтау, в ходе которого удалось выявить 18 литологических горизонтов. Единичные каменные изделия зафиксированы только в слое 16 [20].

В 2005 г. участниками экспедиции проведено разведочное обследование в среднем течении р. Пальтау. В 10 км выше устья, на правом ее берегу (высота над ур. реки – около 30 м) были обнаружены памятники Додекатым-1, 2 [18]. На Додекатыме-1 все артефакты были включены в один литологический слой, сильно перемешанный склоновыми процессами. Более благоприятная стратиграфическая ситуация отмечена на памятнике Додекатым-2, объект исследовался в течение 2006–2010 гг. На памятнике выделено пять культурных слоев. На основе технико-типологического анализа индустрий и результатов датирования коллекции всех слоев были отнесены к одной культурной традиции, носители которой обитали здесь около 23–21 тыс. л. н. (некалиброванный возраст). Для данной традиции характерно чрезвычайно раннее проявление тенденций микролитизации каменного производства в регионе.

В 2007 г. были возобновлены археологические работы на памятнике Кульбулак [21]. Результаты исследований в 2007–2011 гг. позволили пересмотреть ранее существовавшую концепцию технологического

развития Северо-Западного Тянь-Шаня в эпоху верхнего палеолита. В ходе раскопок литологического слоя 2 на стоянке были выделены культурные слои развитого верхнего палеолита 2.1 и 2.2, существенное место в них занимает мелкопластинчатый компонент. Это позволило заключить, что вопреки представлениям о сохранении архаичных приемов обработки камня одной из прогрессивных культурно-диагностирующей черт верхнего палеолита региона является варибельное мелкопластинчатое производство.

При изучении среднепалеолитического комплекса слоев на стоянке был пересмотрен генезис маркирующей особенности кульбулакской индустрии – зубчатой ретуши [22]. На примере индустрии слоя 3 установлено, что изделия с зубчатой ретушью, обнаруженные в селевых отложениях, чаще всего не являются искусственно созданными, а отображают результат механического повреждения артефактов при их перемещении.

Важнейший результат получен при изучении материалов слоя 23, залегающего на том же гипсометрическом уровне, что и ашельские слои, по данным М.Р. Касымова [2]. Анализ индустрии показал, что она была нацелена на производство пластинчатых сколов. При этом орудийный набор демонстрирует доминирование верхнепалеолитических типов, с присутствием ярких среднепалеолитических форм. Повторный анализ коллекции нижних слоев стоянки по раскопкам М.Р. Касымова также показал отсутствие ашельских признаков. Таким образом, вопреки ашельской атрибуции отложений, в нижних слоях Кульбулака, вероятно, отражен начальный этап обирахматской культуры со всеми ее характерными признаками.

В 2007 г. во время разведки окрестностей Кульбулака обнаружен памятник Кызыл-Алма-2, исследованный в течение полевых сезонов 2007–2008 гг. [19]. Стоянка, приуроченная к разлому органогенных известняков, была определена как мастерская на выходах сырья. В пачке отложений выделено четыре стратиграфических подразделения. Все они образованы склоновыми процессами и вмещали в себя каменные артефакты предположительно раннего этапа верхнепалеолитической культуры. В пользу этого определения свидетельствуют доминирующие стратегии первичного расщепления, нацеленные на получение пластинчатых заготовок, а также преобладание в орудийном наборе скребковых и долотовидных форм.

В итоге результаты исследования стоянок Кульбулак, Додекатым-2 и Кызыл-Алма-2 обеспечили достаточные основания для выделения в региональном верхнем палеолите единой культурной традиции, названной кульбулакской, свидетельства которой фиксируются и за пределами Северо-Западного Тянь-Шаня (ст. Шугноу, Таджикистан) [23; 21]. В своем развитии (от 30–25 до 20 тыс. л.н.) она проходит путь от необъемного параллельного раскалывания и преобладания в орудийных наборах скребков, скребел, остроконечников до высоко развитого призматического расщепления и распространения в инструментарию изделий

с притупленной спинкой, а также неравносторонних треугольных микролитов.

Таким образом, предварительным итогом новейшего этапа исследований палеолита Северо-Западного Тянь-Шаня является пересмотр ряда устоявшихся воззрений на эволюцию материальной культуры древнего человека среднего и верхнего палеолита. Была сформирована принципиально новая схема культурно-хронологического развития региона, охватывающая период от перехода к верхнему палеолиту (обирахматский вариант) до его окончательного становления (кульбулакская культура). Определенный дефицит информации обнаруживается относительно двух периодов: начала верхнего палеолита – времени, когда происходит смена (постепенная трансформация?) доминирующей культурной традиции; и финальнопалеолитической эпохи, когда происходит становление локальных мезолитических традиций. Дальнейшие изыскания позволят определить типолого-технологическое и культурное наполнение этих, пока слабо изученных периодов каменного века региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вишняцкий Л.Б. Палеолит Средней Азии и Казахстана. СПб., 1996.
2. Кривошапкин А.И. Оби-Рахматский вариант перехода от среднего к верхнему палеолиту в Центральной Азии : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2012.
3. Деревянко А.П. Верхний палеолит в Африке и Евразии и формирование человека современного анатомического типа. Новосибирск, 2011.
4. Шнайдер С.В. Периодизация истории изучения палеолита Узбекистана // Материалы XLIX МНСК: Археология Евразии. Новосибирск, 2011.
5. Полевые работы Узбекстанской археологической экспедиции в 1954–1955 гг. // ИМКУ. Ташкент, 1959. № 1.
6. Окладников А.П. Краткий отчет о раскопках Ходжакентской пещеры в 1958 г. // ИМКУ. Ташкент, 1963. № 4.
7. Касымов М.Р. Палеолитические памятники в верховьях бассейна Чирчика // Древности Чарвака. Ташкент, 1976.
8. Сулейманов Р.Х. Статистическое изучение культуры грота Оби-Рахмат. Ташкент, 1972.
9. Ранов В.А., Несмеянов С.А. Палеолит и стратиграфия антропогена Средней Азии. Душанбе, 1973.
10. Омонжулов Т.М. Новая пещерная стоянка мустьерского времени в Узбекистане // ИМКУ. Ташкент, 1982. № 17.
11. Насретдинов Х.К. Пещера Ак-Таш – палеолитическая стоянка под Ташкентом // ОНУ. Ташкент, 1963. № 6.
12. Касымов М.Р. Проблемы палеолита Средней Азии и Южного Казахстана (по материалам многослойной палеолитической стоянки Кульбулак) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1990.
13. Ташкенбаев Н.Х. О некоторых проблемах палеолита (Кухисимская стоянка) // ИМКУ. Ташкент, 1972. № 9.
14. Касымов М.Р. Новые открытия палеолитических памятников в бассейне реки Ахангарон // ИМКУ. Ташкент, 1979. № 15.
15. Davis R.S., Ranov V.A. Recent work on the paleolithic of Central Asia // Evol. Anthropol. 1999. Vol. 8.
16. Новые исследования палеолита в Ахангароне (Узбекистан) / Н.К. Анисюткин, У.И. Исламов, К.А. Крахмаль и др. СПб., 1995 (Археологические изыскания; вып. 28).
17. Исламов У.И., Крахмаль К.А., Эргашев Ш.Э. Исследования стоянки Кульбулак в 2002 году // Археологические исследования в Узбекистане, 2002 год. Ташкент, 2003. № 3.

18. Колобова К.А., Кривошапкин А.И., Деревянко А.П., Исламов У.И. Верхнепалеолитическая стоянка Додекатым-2 (Узбекистан) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 4 (48).

19. Колобова К.А., Павленок К.К., Фляс Д., Кривошапкин А.И. Стоянка Кызыл-Алма-2 – новый памятник эпохи верхнего палеолита Западного Тянь-Шаня // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2010. Т. 9, вып. 5: Археология и этнография.

20. Деревянко А.П., Анойкин А.А., Кривошапкин А.И., Милотин К.И., Исламов У.И., Сайфуллаев Б.К. Новые данные о палеолитических индустриях пещеры Пальтау (Республика Узбекистан) // Проблемы каменного века Средней и Центральной Азии. Новосибирск, 2002.

21. Колобова К.А., Фляс Д., Деревянко А.П., Павленок К.К., Исламов У.И., Кривошапкин А.И. Кульбулакская мелкопластинчатая традиция в верхнем палеолите Центральной Азии // Археология, этнография и антропология Евразии (в печати).

22. Колобова К.А., Кривошапкин А.И., Павленок К.К., Фляс Д., Деревянко А.П., Исламов У.И. К вопросу о выделении фации зубчатого мустье на материалах памятников Средней Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. № 1 (49).

23. Ранов В.А., Колобова К.А., Кривошапкин А.И. Верхнепалеолитические комплексы стоянки Шугноу (Таджикистан) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. № 2 (50).

Статья поступила
в редакцию 31.01.2013

УДК 902/904

Е.Б. БАРИНОВА

КОНТАКТЫ НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ЭПОХУ ПАЛЕОЛИТА И НЕОЛИТА

канд. ист. наук,
Институт этнологии и антропологии РАН,
г. Москва
e-mail: BarinovaElena@rambler.ru

Контакты между населением Восточной и Центральной Азии оказывали влияние на формирование особенностей культур этих регионов с древнейших времен. События, связанные с начальной стадией освоения человеком этих территорий, а также особенности последующего развития в пределах ранних культур каменного века можно понять лишь при комплексном решении проблемы, т.е. с привлечением данных геологии, палеонтологии и археологии.

Ключевые слова: Восточная Азия, Центральная Азия, палеолит, неолит.

В основе современного подхода к проблемам культурной дифференциации палеолита лежат представления о многофакторном характере изменчивости набора каменного инвентаря. На состав и соотношение элементов индустрии влияют принадлежность обитателей стоянки (культурный фактор) и хозяйственная специфика памятника (функциональный фактор). Множество вариантов в сочетаниях артефактов, включая типологические и статистические, может наблюдаться в пределах единого культурного слоя.

Для палеолитических памятников, где не прослеживаются четко выделенные локальные культуры, характерно понятие культурного ареала. В пределах ареала выделяются зоны локальных вариантов индустрии с нечеткими, расплывчатыми границами. Они обусловлены, вероятно, диффузией – медленным распространением на больших территориях элементов культуры благодаря контактам, обмену, небольшим ненаправленным передвижениям групп людей. Археологическим признаком диффузии может быть проникновение отдельных типов вещей в непохожие по общему облику культуры.

«Интернациональность» исследования свойственна палеолитоведению в гораздо большей степени, чем остальным разделам археологии, поскольку каменные индустрии обнаруживают сходство на широчайших территориях.

Первоначальное заселение территории Центральной и Восточной Азии связано, скорее всего, с северной миграционной волной африканских *Homo erectus* [1–3]. Согласно биостратиграфическим данным из отложений раннепалеолитической стоянки Карамы, проникновение человека на северо-запад Алтая происходило 600–800 тыс. л. н. [4; 5]. В настоящее время это наиболее древние культуросодержащие слои с надежным литологическим и биостратиграфическим обоснованием, выявленные в Северной и Центральной Азии. Относительно ранняя хронологическая позиция алтайских комплексов начальной поры верхнего палеолита позволяет предположить, что выделенные на Алтае технологические тенденции во многом предопределили основные пути развития палеолитических традиций в Северной и Восточной Азии [6, с. 55].

Считается, что появление в Центральной Азии людей современного вида связано с расселением генети-

чески единой волны кавказоидной популяции, продвигавшейся 50–40 тыс. л. н. первоначально в широтном [7], а впоследствии и в меридиональном направлении.

Археологических свидетельств, датируемых этим временем, известно очень немного. В особенности это относится к надежно документированным памятникам каргинского времени (30–22 тыс. л. н.), общее число которых не превышает двух десятков объектов [8, с. 38].

К древнейшим каменным изделиям, датированным самыми ранними из выявленных пока этапов нижнего палеолита Центральной и Восточной Азии, относятся большинство местонахождений, открытых в районе Кэхэ¹. Наличие одинаковых с Западом чрезвычайно специфических черт в культуре Китая может быть объяснено единством их базовых отделов, сходными тенденциями в развитии на последующих этапах и, очевидно, непрекращающимися контактами с соседними регионами расселения нижне- и среднепалеолитических гоминид [9, с. 31].

Вариабельность среднепалеолитических индустрий на территории Северной, Центральной и Восточной Азии связана с процессами адаптации местного населения к различным палеогеографическим условиям и особенностям сырьевой базы. Горный Алтай является единственным регионом, где прослеживается непосредственная смена мустьерских (в классическом, выработанном на материалах Западной Евразии понимании) комплексов верхнепалеолитическими. Таким образом, материалы палеолитических комплексов Горного Алтая являются очень важным объектом для осмысления эволюционных процессов развития средне- и верхнепалеолитических индустрий Северной и Центральной Азии [10, с. 47].

В целом на этой территории в период верхнего палеолита сохранялись относительно стабильные и многокомпонентные природные условия, которые оставили свой отпечаток на истории становления и развития палеолитических культурных традиций. Памятники раннего верхнего палеолита Центральной Азии немногочисленны и разнообразны в технико-типологическом отношении, что, видимо, исключает возможность их объединения в единую археологическую культуру, однако развивались они на основе культурных традиций, ранее всего фиксировавшихся в памятниках Алтая [11]. Ранние этапы этого процесса отмечены по немногочисленным памятникам Забайкалья, где исследователями по признакам технологии первичного расщепления выделены так называемые пластинчатая и отщеповая линии развития [12, с. 5; 13]. В приенисейской области к ранним памятникам отщеповой традиции могут быть отнесены Куртак-4 [14] и в какой-то степени нижний комплекс Усть-Ковы [15]. Материалы из этих стоянок, так же как и из некоторых других, могут являться тем субстратом, на основе которого возникают впоследствии различные культуры заключительного этапа верхнего палеолита.

¹ Кэхэ – группа палеолитических памятников в Северном Китае, на берегу р. Хуанхэ (на юго-западе провинции Шаньси). Исследовалась в 1960 г. под руководством Цзя Лань-по.

В инвентаре этих памятников есть различные формы, находящие точные аналогии в хронологически различных материалах стоянок Приангарья и Енисея – например, пикообразные орудия, подобные изделию из Мальты [16, fig. 36, 6], где представлены также диско-видные ядрища, или унифасиальные двуконечные острия, подобные находкам из Игетейского Лога I [16, fig. 59, 10]. Можно указать и другие черты сходства, например, это касается скребел – обушковые и с вентральной подтеской [8, рис. 24, 25], широко представлены в различных памятниках палеолита Сибири. Эти разновременные аналогии оказываются закономерным отражением как сходства трудовых процессов и внешних условий (т.е. обусловлены адаптацией материальной культуры человека верхнего палеолита Сибири к природной ситуации этого времени), так и определенного культурного единства этих территорий. Сказанное подкрепляется сходством в такой консервативной категории инвентаря, как украшения, являющиеся средством самоидентификации [8, с. 16].

Древнейший из открытых на севере Китая памятников лёссовой эпохи Шуйдунгоу (Ордос) с его очевидными чертами наследия в индустрии традиций предшествующего этапа каменного века дает возможность не только с достаточной полнотой характеризовать начальную стадию верхнего палеолита бассейна Хуанхэ, но и ретроспективно реконструировать особенности базовой культуры, из которой он вырос [17; 18]. Находки из Шуйдунгоу обладают специфическими особенностями как в типологии орудий, так и в технике их изготовления [9, с. 33]. Отдельные элементы в индустрии Шуйдунгоу (ориньякские ножи и другие элементы ориньяка и солютре) свидетельствуют о том, что верхнепалеолитическая культура этого региона, очевидно, поддерживала контакты с Евразией².

Связь нижне- и среднепалеолитических культур востока Азии с западными территориями продолжала, по-видимому, сохраняться и на позднем этапе этого периода, хотя теперь в большей, чем когда-либо, степени в культуре бассейна Хуанхэ начали проявляться черты своеобразия.

Классическим памятником микролитической по стилю верхнепалеолитической культуры Северного Китая считается Шароосогол³. Культура, обнаруженная на этом памятнике, очевидно, формировалась прежде всего в полупустынной и степной зонах Центральной Азии [19; 20]. В пределы данной культуры входили также окраинные области лёссового плато, а влияние ее распространялось еще далее на восток и юго-восток, что подтверждают открытия в Сяонаньхае [9, с. 37].

В целом верхнепалеолитический комплекс центральных районов Внутренней Монголии находит аналогии в североазиатских материалах соответствующего времени. Двусторонняя техника обработки орудий,

² На это обратили внимание А. Брейль при изучении коллекции, собранной на территории Ордоса, а также П. Тейяр де Шарден и Э. Лисан [19; 20; 18].

³ Шароосогол – местонахождение Сяоцяопань, Внутренняя Монголия.

отчетливо проявляющаяся на примерах ряда изделий Внутренней Монголии, характерна, как теперь выясняется, и для палеолита Енисея. Близкие аналогии с Сибирью устанавливаются, кроме того, при сравнении проколковидных изделий подпризматических левалуазских по типу нуклеусов, концевых скребков и скребков из отщепов, топовидных орудий, микронуклеусов [9, с. 39–40]. Таким образом, можно достаточно точно установить наличие контактов населения территории Внутренней Монголии и Маньчжурии с севером, прямых миграций населения из тех районов на юг. Несомненно, они имели общую подоснову в культуре раннего этапа верхнего палеолита, когда население степей севера и центра Азии формировало базу новой, микролитической в основе, технической традиции, что ярко раскрывается коллекцией из Шароосогола, Чжиюя и Линцзи.

Примерно в VI–V тыс. до н.э. на территории Центральной и Восточной Азии происходил сложный процесс, именуемый иногда «неолитической революцией», суть которого сводится к тому, что на смену экономике присваивающего типа, определявшей содержание культур древнекаменного века, пришло основанное на земледелии и скотоводстве производящее хозяйство. Прогрессивные изменения в экономике дали мощный толчок развитию региона: эпоха неолита и следующего за ним бронзового века – время интенсивного формирования этнических и культурных общностей.

На данный момент в Китае и Центральной Азии открыто и в той или иной мере изучено значительное число неолитических культур и их локальных вариантов [21; 22]. Анализ археологических свидетельств дает возможность исследовать не только материальный быт носителей этих культур, но и их мировоззрение.

Период неолита начинается со значительных внешних воздействий на китайскую экономику и социальную жизнь популяций, связанных с искусственной земледельческой экологией [23, с. 103–107; 24, с. 5; 25, с. 32]. Любая аграрная традиция распространяется путем медленного расширения своего ареала за счет освоения новых земель, необходимого по мере оскудения первоначально использовавшихся почвенных ресурсов. Культура, передвигавшаяся из ближневосточных аграрных районов, в частности из выявленного Г. Чайльдом «полумесяца плодородных земель» [26, с. 313–367], на территорию Северо-Китайской равнины, диагностируется благодаря специфике организации земледельческих поселений, характерных для Ближнего Востока, где их появление обусловлено неоднократным повторным заселением поселков. В результате на местах постоянных поселений, занимавших оптимальное положение в местном рельефе и имевших надежные источники воды и топлива, возникали «жилые холмы» – *телли*, а во вновь освоенных местностях для новых земледельческих поселков сооружались специальные глинобитные платформы, на которых строились дома [27, с. 188]. Также общей особенностью для всей полосы этого расселения было использование в качестве домашней бытовой и ритуальной посуды глиняных сосудов в виде глубоких ми-

сок и кувшинов с различного рода геометрическими росписями [28, с. 351]⁴.

Источники, позволяющие реконструировать духовную культуру той эпохи, можно разделить на две большие группы: вещественные материалы (захоронения, культовые места, планировка и устройство жилищ и поселений), с одной стороны, и предметы искусства – с другой. Наиболее массовым видом последних для ряда неолитических культур Центральной Азии и Китая являются керамические сосуды, украшенные сложной по своей семантике полихромной росписью, смысловое прочтение которой может служить одним из способов проникновения в духовный мир предков древних народов.

Научные археологические исследования в Китае фактически начинаются в 1920-х гг., когда раскопки неолитических памятников были предприняты в провинции Ганьсу. Тогда исследователи обратили внимание на сходство яншаоской росписи с орнаментацией керамики из Анау, Суз и Триполья [31; 32]. Более того, выдвигалась теория о том, что «протокитайцы» – создатели культуры крашеной керамики – были мигрантами с запада. Первоначально они, продвигаясь в восточном направлении, достигли Ганьсу, а затем проникли на территорию Хэнани [32]. Однако новые археологические данные позволили предполагать, что крашеная керамика в Китае автохтонна. А вместо предполагавшегося ранее импорта с запада имело место взаимовлияние ближне- и дальневосточных региональных комплексов крашеной керамики. Были обоснованы допущения, что в ряде случаев, напротив, именно запад был подвержен влиянию востока [33, р. 287; 34, р. 66]. Существовала также точка зрения, что «протокитайцы» обитали в бассейне Хуайхэ еще в донеолитическое время, а впоследствии туда переселились и смешались с ними другие племена, принеся с собой культуру крашеной керамики. Одна из теорий была основана на тезисе, что на рубеже IV–III тыс. до н.э. из Ирана в Центральную Азию шла интенсивная инфильтрация земледельцев, в результате чего на этих территориях возникли перемещения масс земледельческого населения. В итоге перемещений носителей культуры расписной керамики Центральной Азии одна из племенных групп где-то в районе современного Синьцзяна вступила в контакт с местными монголоидными племенами, населявшими тогда Северный Китай, Монголию и ряд смежных районов Азии.

Открытия, сделанные в последние десятилетия в результате археологических исследований древних памятников неолитического и бронзового периодов на территории Китая и Центральной Азии, фактически отвечают на вопросы о существовании этнокультурных

⁴ Здесь как допущение указывается, «что кисть была известна иныцам». М.В. Крюков, М.В. Сафронов, Н.Н. Чебоксаров считают, что письменность в Китае произошла от орнамента, который наносился с помощью острого предмета [29, с. 216–217]. П.М. Кожин основывает свою теорию на том, что китайский древнейший орнамент (во всяком случае, ныне известный) выполнен кистью на поверхности сосудов «культуры крашеной керамики» – яншао [30, с. 134–135].

взаимодействий между этими регионами, их масштабах, интенсивности и периодичности. На данный момент установлено, что на севере, в пределах древней Маньчжурии, степных и пустынных районов Внутренней Монголии и Восточного Туркестана (Синьцзян), а также частично на территориях провинций, расположенных в зоне лёссового плато бассейна Хуанхэ, получили распространение разного рода локальные варианты микролитического неолита. При изучении материальной культуры народов Китая и народов севера Центральной Азии эпохи неолита создается устойчивое впечатление об их контактах, поскольку существует определенная схожесть в сюжетах и оформлении предметов. Отчетливо вырисовываются несколько ареалов, отличающихся по облику распространенных там неолитических культур. В хозяйственно-культурной специфике двух основных зон на территории Китая в неолитическое время прослеживается граница, в целом совпадающая с границей двух лингвистических ареалов. Разумеется, наличие экологической, хозяйственно-культурной и лингвистической границы не означало полной изолированности двух зон друг от друга. И в этом отношении данные археологии обнаруживают совпадение с лингвистическими фактами. Различия в приемах выполнения художественных образов, а также смена набора этих образов и связанных с ними систем абстрактно-геометрических орнаментов позволяют говорить о значительных процессах этнокультурных изменений в Центральной Азии и Северном Китае в период, разделяющий неолитическую и бронзовую эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Barham L., Robson-Brown K. Human Roots: Africa and Asia in the Middle Pleistocene. Bristol, U.K.: Western Academic & Specialist Press, 2001.
2. Деревянко А.П. Переход от среднего к позднему палеолиту на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. № 3. С. 70–103.
3. Деревянко А.П. Древнейшие миграции человека в Евразии и проблема формирования верхнего палеолита // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. № 2. С. 22–36.
4. Деревянко А.П., Шуньков М.В. Раннепалеолитическая стоянка Карам на Алтае: первые результаты исследований // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. № 3. С. 52–69.
5. Blyakharchuk T.A., Wright H.E., Borodavko P.S. etc. Late Glacial and Holocene vegetation changes on the Ulagan high-mountain plateau, Altai Mountains, southern Siberia // Palaeoclimatology, Palaeoecology. 2004. N 209. P. 259–279.
6. Деревянко А.П., Шуньков М.В., Агаджанян А.К. Адаптационные возможности древнейшего населения Алтая: развитие палеолитических традиций и динамика окружающей среды // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям. М.: РОССПЭН, 2010. С. 50–56.
7. Oppenheimer S. Out of Eden. The peopling of the World. L.: Robinson, 2004.
8. Питулько В.В. Расселение и адаптация древнего человека на северо-востоке Азии в позднем неоплейстоцене // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям. М.: РОССПЭН, 2010. С. 38–46.
9. Ларичев В.Е. Палеолит Китая // Этническая история народов Восточной и Юго-Восточной Азии в древности и средние века. М.: Наука, 1981.
10. Кузьмин Я.В., Зольников И.Д., Зенин А.Н. и др. Вариабельность палеолитических индустрий и природная среда позднего неоплейстоцена (Западно-Сибирская равнина и Горный Алай) // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям. М.: РОССПЭН, 2010. С. 47–50.
11. Деревянко А.П., Волков П.В. Эволюция расщепления камня в переходный период от среднего к верхнему палеолиту на Горном Алтае // Переход от среднего к позднему палеолиту в Евразии. Гипотезы и факты. Новосибирск, 2005. С. 217–231.
12. Константинов М.В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. Улан-Удэ; Чита: Изд-во БНЦ СО РАН, 1994.
13. Лбова Л.В. Палеолит северной зоны Западного Забайкалья. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000.
14. Лисицын Н. Ф. Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000.
15. Васильевский П.С., Бурилов В.В., Дроздов Н.И. Археологические памятники Северного Приангарья. Новосибирск: Наука, 1988.
16. Silliviy V., Medvedev G.I., Lipnina E.A. Le Paleolithique de la Rive Occidentale du Lac Baikal. Les Civilisations Prehistoriques D'Asie Centrale. Bruxelles: Musees Royaux d'Art et d'Histoire, 1997.
17. Black D., Teilhard de Chardin P., Yang Z., Pei W. Fossil man in China // Memoirs of Geological Survey of China. Ser. A. 1933. P. 1–158.
18. Teilhard de Chardin P., Licent E. On the Discovery of a Paleolithic Industry in Northern China // Bulletin of Geological Society of China. 1924. Vol. 3, N 3. P. 45–50.
19. Teilhard P., Boule M., Breuil H., Licent E. Le Paléolithique de la Chine. P.: Masson, 1928.
20. Teilhard de Chardin P. Fossil Man in China and Mongolia // Natural History. N.Y.: American Museum of Natural History. 1926. Vol. 26, N 3. P. 238–245.
21. Crawford G.W. Late Neolithic Plant Remains from Northern China: Preliminary Results from Liangchengzhen, Shandong // Current Anthropology. 2005. Vol. 4, N 2. P. 309–317.
22. Liu Li. Ancestor Worship: An Archaeological Investigation of Ritual Activities in Neolithic North China // JEAA. 2000. Vol. 2, N 1–2. P. 129–164.
23. Кларк Г. Доисторическая Европа. М.: Изд-во иностр. лит., 1953.
24. Кожин П.М. О фазах и специфике формирования этнокультурной общности в бассейне Хуанхэ // XVII науч. конф. «Общество и государство в Китае». М.: Наука, 1986.
25. Кожин П.М. Становление древнекитайской государственности // XXIX науч. конф. «Общество и государство в Китае». М.: Наука, 1999. С. 29–35.
26. Чайлд Г. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М.: Изд-во иностр. лит., 1956.
27. Кожин П.М. Китай и Центральная Азия эпохи Чингисхана: проблемы палеокультурологии. М.: Форум, 2011.
28. Народы Восточной Азии / сер. Народы мира: этнографические очерки; отв. ред. Н.Н. Чебоксаров, С.И. Брук, Р.Ф. Итс, Г.Г. Стратанович. М.; Л.: Наука, 1965.
29. Крюков М.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы: проблемы этногенеза. М.: Наука, 1978.
30. Кожин П.М. О древних орнаментальных системах Евразии // Этнонаковые функции культуры. М.: Наука, 1991. С. 129–151.
31. Andersson J.G. An Early Chinese Culture // Bulletin of the Geological Survey of China. 1923. Vol. 5, N 1. P. 1–68.
32. Andersson J.G. Preliminary Report on Archaeological Research in Kansu // Memoires of the Geological Society of China. Ser. A. 1925. N 51. P. 35–45.
33. Andersson J.G. Children of the Yellow Earth // Studies in prehistoric China / Transl. from the Swedish by E. Classen. N.Y.: Macmillan, 1934.
34. Andersson J.G. On Symbolism in the Prehistoric Painted Ceramics of China // BMFEA. 1929. N 1. P. 65–69.

Статья поступила
в редакцию 07.01.2013

СООБЩЕНИЯ, НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 908(09)/94.47

Т.Г. КАРЧАЕВА

УПРАВЛЕНЦЫ «ОСОБЫХ» ВЕДОМСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ: СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ СИБИРСКОГО ЧИНОВНИЧЕСТВА

учитель истории МБОУ СОШ № 12,
г. Красноярск
e-mail: tatyana-verkhoturova@yandex.ru

В статье рассмотрены высшие чиновники енисейской губернской администрации, возглавлявшие «особые» органы управления. Последние существовали относительно недолгое время и поэтому занимали в структуре местных губернских учреждений «особое положение». На основе впервые представленных документов и архивных материалов проведен анализ социального состава управляющих контрольной палаты, акцизного управления, государственных имуществ, тюремных и врачебных инспекторов, непреходящих членов по крестьянским делам енисейской губернской администрации по таким признакам, как сословное происхождение, вероисповедание, возраст, имущественное и семейное положение, образование, стаж государственной службы и т. п.

Ключевые слова: чиновничество, губернская администрация, Енисейская губерния, Сибирь.

В последние годы заметно вырос интерес к бюрократии дореволюционной России. В разных регионах появились работы о генерал-губернаторах, губернаторах, местных государственных и общественных служащих. При общей недостаточной изученности провинциального аппарата управления в рамках Восточной Сибири большой вклад в исследование чиновничества внесли работы Н.П. Матхановой, посвященные анализу кадрового состава корпуса высшей администрации региона [1]. История чиновничества Енисейской губернии представлена в ряде работ. Труды Л.П. Бердникова, в большей степени публицистического характера, посвящены вопросам становления и деятельности органов государственной власти в губернии. В них приведены интересные факты из жизни чиновников и биографические сведения, касающиеся некоторых местных администраторов, внесших значимую роль в социально-экономическое развитие края [2; 3]. В местных информационных и энциклопедических изданиях даны биографии наиболее известных губернаторов [4–6]. Комплексное изучение специфики енисейской губернской администрации с выявлением тенденций ее изменения в 1822–1917 гг. проведено в статьях Т.Г. Верхотуровой [7–10]. По сложившейся в историографии традиции анализ численности, привилегий, социального состава государственных служащих осуществлен по трем разрядам должностей: высшие (IV–V классы),

штаб-офицерские (VI–VIII) и обер-офицерские (IX–XIV). Однако в приведенных статистических подсчетах кадрового состава высших администраторов чиновники, занимавшие должности управляющих контрольной палаты, акцизного управления, государственных имуществ, тюремных и врачебных инспекторов, непреходящих членов по крестьянским делам енисейской губернской администрации, не фигурировали [11]. Названные высшие должности были отнесены в ряд «особых», по сравнению с другими высшими должностями IV–V классов губернской администрации, такими как губернатор, председатель губернского правления (вице-губернатор с 1895 г.), председатель казенной палаты (с 1873 г. управляющий), председатель губернского суда. Это объяснялось, во-первых, несоразмерным их положением с другими высшими чиновниками губернии; во-вторых, коротким временем существования должностей; в-третьих, узким, в основном надзорным, характером их функций: управляющий контрольной палаты (1866–1886 гг.) – надзор за оборотом казенных средств в губернии; управляющий акцизного управления (1902–1917 гг.) – администрирование акцизных сборов; управляющий государственных имуществ (1897–1917 гг.) – управление казенным имуществом; тюремный инспектор (1895–1917 гг.) – надзор и управление системой исполнения наказания; врачебный инспектор (1895–1917 гг.) – надзор и управление

системой здравоохранения; неперенные члены по крестьянским делам (1898–1917 гг.) – надзор за деятельностью уездных съездов и земских начальников.

Цель настоящей статьи заключается в выявлении социальных особенностей управляющих контрольной палаты, акцизного управления, государственных имуществ, тюремных и врачебных инспекторов, неперенных членов по крестьянским делам енисейской губернской администрации в сравнении с другими высшими чиновниками как Енисейской губернии, так и центральных губерний Российской империи.

Приведенные ниже статистические наблюдения сделаны на основе изучения формулярных списков, личных дел, списков чинов по министерствам, исторической и энциклопедической литературы.

Установлено, что в дореволюционный период существования енисейской губернской администрации (с 1822 по 1917 г.) на высших должностях V разряда по «Табели о рангах», отнесенных в ряд «особых», служило 25 чиновников.

По Министерству финансов это были управляющие контрольной палаты: надворный советник (н.с.) В.И. Мерцалов (1866–1871 гг.), н.с. Е.С. Стеблин-Каменский (1871–1874 гг.), коллежский советник (к.с.) Н.А. Ковальский (1874–1878 гг.), статский советник (с.с.) В.А. Попов (1881–1886 гг.); управляющие акцизного управления: с.с. К.П. Сосновский (1902–1906 гг.), к.с. В.А. Новожилов (1906–1908 гг.), к.с. П.Д. Миклашевский (1908–1911 гг.), к.с. П.М. Шаньгин (1911–1916 гг.) [12–14]¹.

По Министерству внутренних дел в Енисейской губернии служили губернские тюремные инспекторы: с.с. Н.А. Ласкарев (1895–1902 гг.), с.с. А.С. Теплов (1903–1908 гг.), к.с. Н.Я. Девитт (1910–1911 гг.), н.с. И.И. Пилин (1911–1914 гг.), с.с. А.Э. Фон Гофланд (1915–1917 гг.); губернские врачебные инспекторы: действительный статский советник П.И. Рачковский (1895–1908 гг.); с.с. В.Ф. Миропольский (1908–1910 гг.); с.с. В.А. Беликовский (1912–1914 гг.); с.с. В.А. Боровко (1916–1917 гг.); служившие парами неперенные члены по крестьянским делам енисейского губернского управления: н.с. Б.А. Моллер (1899–1901 гг.), с.с. А.А. Кломинский (1901–1917 гг.), к.с. В.И. Новаков (1902–1911 гг.), к.с. А.П. Нарышкин (1912 г.), к.с. В.А. Иодко (1912–1917 гг.) [15]².

По Министерству государственных имуществ (с 1894 г. – Министерство землевладения и государственных имуществ, с 1905 г. – Главное управление землеустройства и земледелия, с 1915 г. – Министерство земледелия) в Енисейской губер-

нии служили управляющие одноименного управления: с.с. А.Д. Духович (1898–1906 гг.), к.а. И.К. Окулич (1906–1912 гг.), к.с. С.Н. Велецкий (1912/1914–1917 гг.) [16]³.

Как показал сравнительный анализ, все чиновники, находившиеся на высших должностях «особых присутственных мест» енисейской губернской администрации, были православного вероисповедания. Его придерживались все управляющие контрольной палаты, акцизного управления, тюремные инспекторы, врачебные инспекторы, неперенные члены по крестьянским делам, управляющие государственных имуществ.

Такой же состав православных был характерен и для других представителей высшего административного корпуса Енисейской губернии, а именно губернаторов, председателей губернского правления и вице-губернаторов, а для председателей енисейской казенной палаты и губернского суда – 92,3 и 81,8 % соответственно [8, с. 49]. В центральных губерниях Российской империи доля православных была ниже: 83 % – губернаторы, 88 % – вице-губернаторы, 81 и 90,2 % – председатели казенных и судебных палат, в среднем 80 % – другие чиновники. При этом среди них не было ни одного представителя исламского мира, хотя формального запрета на занятие ими государственных должностей не существовало [11, с. 152, 161, 168, 170, 173, 214; 17, с. 169].

В Енисейской губернии средний возраст поступления на должность управляющих контрольной палаты составил всего 35,3 года, управляющих акцизного управления – 49,7 года, тюремных и врачебных инспекторов – по 43 года, неперенных членов по крестьянским делам – 39,8 года, управляющих государственных имуществ – 44,3 года.

Средний возраст других высших администраторов Енисейской губернии был старше – от 47 лет и выше: губернаторы – 50, председатели губернского правления и вице-губернаторы – 48, председатели казенной палаты – 51,5 года и губернского суда – 47,7 года [8, с. 49]. Это несущественно отличалось от центральной части страны, где средний возраст губернаторов составлял 46–50 лет, председателей казенных и судебных палат – 56–60 и 51–55 лет соответственно [11, с. 152, 161, 168, 170, 173, 215–218].

Сословно-социальное происхождение глав «особых» ведомственных учреждений енисейской губернской администрации было неоднозначным (сведения имеем о 20 из 25 чел., или 80 %): из дворян были 50 % служащих (10 чел.), из духовенства – 25 % (5 чел.), из купечества – 10 % (2 чел.), из казаков, крестьян и мещан – по 5 % (по 1 чел.).

Среди других высших чиновников енисейской губернской администрации представители дворянства составляли абсолютное большинство: среди губернаторов – 93,8 %, председателей губернского правления и вице-губернаторов – 71,4, председателей казенной палаты и губернского суда – 69 и 70 % [8, с. 49]. В центральных губерниях дворянство из сферы управления было вытеснено уже во второй половине XIX в.: в 1850–1860 гг. около 3/5 всех табельных губернских должностей в московской администрации и более 2/3 – в калужской занимали выходцы из непривилегированных сословий [11, с. 206].

¹ ГАКК (Государственный архив Красноярского края). Ф. 156. Оп. 1. Д. 351. Л. 1–7; Д. 460. Л. 25 об. – 29; Д. 589. Л. 2 об. – 7; Д. 717. Л. 29 об.; Назначение // Красноярск. 1908. 10 авг. № 176. С. 2; Общий состав Министерства финансов. СПб., 1874. Стб. 289; Список личного состава Министерства финансов на 1904–1905 год. СПб., 1904. Стб. 280; 1906. Стб. 485; 1908. Стб. 498; 1910. Стб. 272; 1912. Стб. 305.

² ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 91. Л. 83–90; Д. 96. Л. 53–54; Д. 152. Л. 6 об. – 11, 63 об. – 65 об.; Д. 165. Л. 42 об. – 47; Д. 189. Л. 2–24; Д. 215. Л. 37–38; Д. 325. Л. 42–50; Д. 390. Л. 3–21, 152; Д. 482. Л. 2–3 об.; Адрес-календарь и общий штат Российской империи на 1903. СПб. Ч. 2. Ст. 481; Адрес-календарь ... на 1908. Ст. 497; Адрес-календарь ... на 1910. Ст. 539; Адрес-календарь ... на 1912. Ст. 548–549; Адрес-календарь ... на 1914. Ст. 553; Адрес-календарь ... на 1915. Ст. 564; Адрес-календарь ... на 1916. Ст. 562; Список высших чинов местных установлений Министерства внутренних дел. СПб., 1904. С. 389; 1905. С. 183; 1906. С. 182; 1910. С. 379; 1912. С. 371.

³ ГАКК. Ф. 401. Оп. 1. Д. 398. Л. 1 об. – 19, 186; Д. 433. Л. 2–7; Д. 587. Л. 1, 179–182.

По территориальному происхождению основная часть управленцев «особых» ведомственных учреждений, как и другие высшие чиновники Енисейской губернии, являлись приезжими (сведения имеем о 16 из 25 чел., или 64 %): из центральных губерний прибыло 50 %, из украинских и северо-западных земель – 31,3 %. Только 18,7 % служащих были сибирского происхождения, при этом единственным красноярцем являлся губернский врачебный инспектор П.И. Рачковский.

Имущественное положение управляющих контрольной палаты, акцизного управления, государственных имуществ, тюремных и врачебных инспекторов, непременных членов по крестьянским делам енисейской губернской администрации было различным и отличалось от российских коллег. Из 20 служащих (имущественное положение 5 чел. неизвестно) имущества в собственности не имели 80 % чиновников (16 чел.), родовые и приобретенные владения числились за 20 % служащими (4 чел.).

В целом среди высших администраторов Енисейской губернии реже, чем в центральных губерниях Российской империи, встречались крупные владельцы недвижимого и движимого имущества – в среднем 25 % против 60–80 %, по сведениям П.А. Зайончковского. При этом, если в рамках Российской империи с первой половины XIX в. до начала XX в. доля лиц с недвижимым имуществом неуклонно сокращалась (с 80,9 до 38,4 %), то в енисейской губернской администрации изначально большая часть служащих являлись представителями беспоместного чиновничества [8, с. 50; 18, с. 72, 222].

Как и большинство российских чиновников, занимавших высокие посты на государственной службе, почти все главы «особых» ведомственных учреждений енисейской губернской администрации состояли в браке – 95 % (19 из 20 чел.). Сословно-социальный статус супруги известен у 11 чиновников. Так, 54,6 % жен происходили из семей дворян, гражданских и военных государственных служащих, 18,2 % – из купечества, 9,1 % – из духовенства. В половине из 16 семей воспитывалось по одному-два ребенка, преимущественно младшего и среднего школьного возраста (50 %), при этом 18,8 % семей имели по шесть-семь детей.

В течение XIX – начала XX в. в Российской империи профессионализм чиновников в центре и на местах неуклонно повышался: доля лиц с высшим образованием с 1825 по 1917 г. увеличилась с 4 до 83 % – в 20 раз [17, с. 167]. Однако в зависимости от статуса уровень образования государственных служащих различался. Так, в центральных губерниях империи, в рамках рассматриваемого периода, 28 % чиновников, занимавших посты IV–V классов, служили с высшим образованием, 40 % – со средним, 32 % – с домашним и начальным [11, с. 152, 161, 168, 170, 173, 215–218].

В Енисейской губернии управляющие контрольной палаты, акцизного управления, государственных имуществ, врачебные инспекторы, непременные члены по крестьянским делам имели профильное высшее образование – 81,8 % чиновников (18 из 22 чел., о которых мы имеем сведения). Среднее и начальное образование было только у тюремных инспекторов – 18,2 % служащих. При этом два врачебных инспектора имели степень доктора медицины, один непре-

менный член по крестьянским делам – степень кандидата, один управляющий государственных имуществ – диплом инженера-агронома швейцарского университета.

Уровень образования других высших чиновников енисейской губернской администрации был ниже. Так, высшее образование имели 31,3 % губернаторов, 38,1 % – их заместители, 16,7 % – председатели и управляющие казенной палаты, 40 % – председатели губернского суда [8, с. 51].

Определенной характеристикой глав «особых» ведомственных учреждений енисейской губернской администрации являлось наличие у всех чиновников государственных медалей и орденов, а также официальное отсутствие среди них случаев нарушения закона и инструкций.

Среди государственных служащих, занимавших высшие должности в енисейской губернской администрации, выявлен только один случай судимости чиновника (председатель енисейского губернского правления, затем губернского суда), что было скорее исключением. Естественно, истинное число должностных нарушений неизвестно.

Стаж государственной службы «особых» управленцев ведомственных учреждений (суммарный показатель военной и гражданской) составлял от 7 до 31 года⁴, а именно:

6–10 лет – 3 чел.	21–25 лет – 4 чел.
11–15 лет – 8 чел.	26–30 лет – 3 чел.
16–20 лет – 3 чел.	31–35 лет – 1 чел.

Опыт службы в ведомстве до назначения на должность имели 86,4 % служащих (19 из 22 чел.). Средняя продолжительность пребывания на посту составила чуть больше четырех лет. Наименьшей продолжительностью службы была у врачебных инспекторов (2 года 5 мес.), а самая продолжительная – у непременных членов по крестьянским делам (6 лет и 5 мес.).

У других высших чиновников енисейской губернской администрации такие количественные показатели службы, как стаж и срок пребывания на должности, были выше: продолжительность государственной службы – до 52 лет, нахождения на должности – более 5 лет [8, с. 52].

Из 22 глав «особых» ведомственных учреждений, о которых имеются сведения, опыт военной службы, как и участия в военных действиях, имели только два управляющих контрольной палаты (9,1 %) – подавление Польского восстания 1863 г., Крымская война 1853–1856 гг. Другие чиновники служили только по гражданскому ведомству и участия в военных действиях не принимали.

Таким образом, кадровый состав управляющих контрольной палаты, акцизного управления, государственных имуществ, тюремных и врачебных инспекторов, непременных членов по крестьянским делам имел ряд как общих черт для всех чиновников IV–V класса Российской империи, так и региональных особенностей, свойственных как всем высшим служащим, так и енисейской губернской администрации или данной категории чиновников.

Общими чертами являлись показатели по следующим критериям: состояние в браке, высокий сословно-социальный статус супруги, средняя детность семей, наличие госу-

⁴ Точное количество лет службы 3 из 25 чиновников неизвестно.

дарственных медалей и орденов, официальное отсутствие среди них случаев нарушения закона и инструкций, значительный опыт службы в ведомстве, редкие случаи участия в военных действиях.

Среди общерегиональных особенностей следует отметить редкие случаи владения землей чиновниками, высокую долю служащих, придерживавшихся православия (выше, чем в центральных губерниях Российской империи), территориальную принадлежность, так как подавляющее большинство высших чиновников енисейской губернской администрации прибыли в Сибирь из-за Урала, а стабильными поставщиками кадров являлись центральные, украинские и северо-западные губернии.

Отличительными особенностями кадрового состава управляющих контрольной палаты, акцизного управления, государственных имуществ, тюремных и врачебных инспекторов, непререкаемых членов по крестьянским делам являлись: невысокий, для чиновников данного уровня, средний возраст поступления на должность, дворянское происхождение только половины служащих, хороший уровень образования (за исключением тюремных инспекторов, все они имели высшее профильное образование), большая текучесть кадров. Следовательно, социальный состав глав губернских ведомственных учреждений, существовавших относительно недолгое время, был более демократичен, чем кадровый состав других высших чиновников енисейской губернской администрации и страны в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Матханова Н.П. Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX в.: проблемы социальной стратификации. Новосибирск, 2002. 250 с.
2. Бердников Л.П. Вся красноярская власть: очерки истории местного управления и самоуправления (1822–1916): факты, события, люди. Красноярск, 1995. 320 с.
3. Бердников Л.П. От денежной кладовой до Министерства финансов: очерки истории административно-хозяйственного управления Енисейской губернии Красноярского края (1822–2009).

Болонев Ф.Ф. Сокровища земли Тарбагатайской. Улан-Удэ – Иркутск, 2012. 219 с.

«Сокровища земли Тарбагатайской» – так названа книга видного ученого-этнографа, историка, фольклориста, доктора исторических наук Фирса Федосовича Болонева, изданная под грифом Института археологии и этнографии СО РАН, а также Тарбагатайского землячества (Улан-Удэ; Иркутск, 2012. 219 с.). Книга имеет подзаголовок «Очерки истории и культуры». Автор широко известен в большой науке, его труды заслуженно получили высокую оценку в ученом мире России и за ее пределами. О творческом лице Ф.Ф. Болонева, его высоком вкладе в российскую науку рассказал во вступительном очерке «Этнограф, историк, фольклорист» академик РАН В.И. Молодин. По его мне-

нию, научное значение данной книги далеко выходит за рамки краеведения: «это и своеобразная энциклопедия для жителей Тарбагатайского района, которые впервые узнают о возникновении большинства сел на этой территории, о хозяйственных занятиях, о культуре и быте предков, о различных этнокультурных группах русских и об их социальном положении» (с. 5).

4. Енисейская губерния – Красноярский край: история в лицах: информ. изд. Красноярск, 2004. 63 с.
5. Губернаторы Енисейской губернии // Красноярский материал: Времена. Люди. Документы. Красноярск, 1998. 584 с.
6. Енисейский энциклопедический словарь / под ред. Н.И. Дроздова. Красноярск, 1998. 696 с.
7. Верхотурова Т.Г. Енисейская губернская администрация ведомства государственных имуществ (1897–1917): к социальному портрету сибирского чиновничества // Вестник Челяб. гос. ун-та. 2009. № 12 (150): История. Вып. 31. С. 15–24.
8. Верхотурова Т.Г. Кадровый состав енисейской губернской администрации (1822–1917 гг.) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2010. № 2 (10). С. 48–53.
9. Верхотурова Т.Г. Штаты и численность енисейской губернской администрации (1822–1917 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 1. С. 19–23.
10. Карчаева Т.Г. Привилегии государственной службы в Енисейской губернии: исторический аспект (1822–1917 гг.) // Вестник КрасГАУ. 2012. № 4. С. 229–236.
11. Иванов В.А. Губернское чиновничество 50–60 гг. XIX в. в России: историко-источниковед. очерки. Калуга, 1994. 232 с.
12. Мерцалов В.И. Мимоходом. Моя губернаторская эпопея // Русская старина. 1917. Т. 171, №7. С. 38–89.
13. Ромашкевич А.Д. Материалы к истории Петровского Полтавского кадетского корпуса с 1-го октября 1909 г. по 1-е октября 1910 г. Год седьмой. Полтава, 1910. С. 120.
14. Опыт историко-генеалогического исследования. СПб., 2005. С. 68–289.
15. Потанов И.Ф. История в фотографиях и документах. Красноярск, 2007. С. 374–375.
16. Попов И.М. Сибирское поле: очерки истории сельского хозяйства Красноярского края. Красноярск, 1995. С. 69–70.
17. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – нач. XX века). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. СПб., 2003. Т. 2. 582 с.
18. Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. 288 с.

Статья поступила
в редакцию 19.12.2012

нию, научное значение данной книги далеко выходит за рамки краеведения: «это и своеобразная энциклопедия для жителей Тарбагатайского района, которые впервые узнают о возникновении большинства сел на этой территории, о хозяйственных занятиях, о культуре и быте предков, о различных этнокультурных группах русских и об их социальном положении» (с. 5).

В широком диапазоне научных изысканий Ф.Ф. Болонев исследования истории, материальной и духовной культуры семейских занимают особое место. Уникальность указанной книги заключается прежде всего в том, что написал ее человек, не понаслышке знакомый с культурой и бытом старообрядцев Забайкалья – семейских, с их трудовыми традициями, обычаями, обрядами. Автор – родом из Большого Куналея. А если прибавить к этому богатый опыт полевых

исследований на протяжении более полувека и основательную проработку архивных и рукописных фондов, то можно представить себе колоссальную познавательную ценность книги. Кажется, нет таких источников по старообрядцам, которые не изучались бы автором. За каждой строкой книги, за каждым тезисом стоит достоверный источник, проверенные сведения или результаты полевых исследований автора (впрочем, это характерно для всех его работ). Сопричастность автора ко всему, что связано с его родным краем, кровная связь с этой небольшой, но дорогой для него «территорией земли, которую и называем малой Родиной», накладывает особый отпечаток на содержание книги, на весь стиль повествования. С особой теплотой Ф.Ф. Болонев рассказывает о людях, которые пришли на эту суровую землю, возделали ее и завещали своим потомкам не растерять их духовный опыт, трудолюбие, высокую нравственность. «История родного края, история наших предков... Для чего ее необходимо знать: изучать, познавать ее природные творения, народное зодчество, земледельческие познания, опыт предшествующих поколений и достойно передавать его идущим нам на смену поколениям?» – вопрошает автор в предисловии. И с душевной болью говорит о слабом знании нашей истории своего района, своей семьи, своего рода: «Большинство из нас знает своих предков, в лучшем случае, до второго-третьего колена: отца, мать, дедушку и бабушку. Остальные предки остаются неизвестны, будто их и не бывало» (с. 8).

Познание истории своего родного края, своих корней Ф.Ф. Болонев связывает с познанием самих себя, «чтобы смогли почувствовать свою причастность к ценностям и опыту прошлых деяний и к нынешним заботам родного края – им несть числа».

Книга Ф.Ф. Болонев рассказывает об истории заселения Тарбагатайской земли, природно-климатических условиях этой территории, о людях, живших и живущих на ней. Читатель прочтет очерки о казаках, с чьей колонизацией связывается история первых поселений, русских старожилах-сибиряках и ясачных на земле Тарбагатайской, о первых поселениях семейских, о развитии здесь хлебопашества, о промыслах и занятиях населения, о народном просвещении,

о вере, поверьях и суевериях, семейно-брачных отношениях, обрядах, обычаях, нравах, об одежде и о многом другом – о том, как и чем жили люди. И все это подкреплено научно достоверными фактами, документами. Особый интерес местных жителей, думается, вызовут очерки под общим названием «Поселения», в них повествуется об истории возникновения сел, поселков и, конечно, рассказы о знаменитых земляках. Заслугой автора рецензируемого труда является не только то, что им описана, изучена, осмыслена историческая жизнь района, введены в научный оборот и сделаны достоянием местных жителей новые ценные факты, но и то, что само исследование не сводится к перечислению конкретных сведений. История сравнительно небольшой сибирской территории представлена на фоне истории освоения русскими Сибири, в географической конкретике, в лицах и фактах, иногда, казалось бы, частного характера (например: «Первый русский хлеб в Западном Забайкалье был получен казачьим десятником Любимом Федоровым в 1670 году»), но благодаря этому оживает большая история. О серьезных фактах, почерпнутых из сухих сведений, написано сочным, ярким языком.

Книга иллюстрирована фотографиями и документами. Она рассчитана на широкий круг читателей, но и ученые найдут в ней немало новых и полезных для себя сведений. В книге опубликованы многие до сих пор не известные документы, найденные в архивах Москвы, Санкт-Петербурга, Иркутска, Улан-Удэ.

Очерки истории и культуры, составившие содержание книги о Тарбагатайском районе, не только стали первым памятником тарбагатайцам, но и служат осознанию значимости каждого человека для судеб своей родной земли. Книга не только дает исторические знания, но и вселяет надежду: «Народ наш трудолюбив, живуч и вынослив, – пишет автор. – Он пережил многие черные годы: гонения за веру, войны, религиозные распри, голод и неурожайные годы, революционные преобразования, перестройку... Переживет и это смутное время!»

Д-р филол. наук *Р.П. Матвеева*,
ИМБТ СО РАН, г. Улан-Удэ

Иннокентий (Ерохин), еп. Уссурийский. Русская православная церковь в Уссурийском крае: очерки по истории Владивостокской епархии (вторая половина XIX в. – 1917 г.). М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та, 2012. 326 с.: ил.

Монография епископа Уссурийского Иннокентия, результат длительных исследований, представляет собой переработку диссертации, недавно защищенной им в Москве в Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете. Качество работы

заставляет порадоваться, что нашлась возможность ее опубликовать: далеко не каждому диссертанту это удается, да и

не в каждом случае необходимо. «Диссертационный след» виден в структуре введения, в котором последовательно излагается постановка проблемы, указание на территориальные границы исследования и обоснование его хронологических рамок, анализ историографии темы и обзор источников, выстроенный по их типологии. Нужно отдать должное профессионализму автора: его исследовательские установки вобрали значимые достижения светской исторической науки, что видно и в анализе предшествующей историографии.

Совершенно очевидно, что епископ Уссурийский далеко не всегда согласен с методологией светских историков, но не акцентирует этого, не обрушивает на нее критику, исходя

из конфессиональных воззрений. Эта сдержанность делает честь автору монографии: давно уже всем ясны издержки утрированно-атеистических работ по истории конфессий, и он не стал «наживать капитал» на их дополнительном разоблачении. Вместо этого в историографическом разделе введения автор проследил развитие исследовательской традиции, приращение с течением времени исторического знания и обогащение аналитической проблематики, дал свою периодизацию этого процесса. Для него рассматриваемый раздел – не только дань обязательной структуре диссертации: автор тщательно обдумал и учел работы своих непосредственных предшественников по заявленной теме, в собственном исследовании он постоянно опирается на них, но не заимствует, а пересматривает выводы историков: некоторые принимает, а ряд других убедительно оспаривает. Более того, именно конфессиональная принадлежность помогла епископу Уссурийскому найти такой угол зрения в исследовании, который позволил существенно дополнить и обогатить представление о роли Православной церкви в Уссурийском крае до 1917 г. (подробнее мы коснемся этого ниже).

Обзор источников не вызывает особых нареканий (чрезвычайно редкий случай!) Типология источников следует принятой научной традиции, за исключением, пожалуй, того, что автор употребляет термин «документы» в отношении таких нарративных источников, как письма и мемуары, причем рядом с последними через запятую идут воспоминания: в чем автор видит разницу, он не уточняет (с. 26). Чрезвычайно украсила работу щедрая подборка фотодокументов; некоторые из отраженных реалий явно угадают, так что данная публикация будет способствовать сохранению информации. Автору монографии удалось удачно проиллюстрировать то многообразие деятельности церкви в крае, которое он изучает. Некоторые из фотографий просто поражают, как, например, «Выращивание оленей в мужском монастыре» (группы оленей между группами монахов в общей доброжелательной атмосфере) или «Строительство в Богородице-Рождественском женском монастыре» (на фоне обширной стройки – монахини, одна из которых с доской в руке). Умело подобраны необыкновенно выразительные фотопортреты героев книги, которые точно ложатся в характеристики их деятельности и личности, тонко очерченные епископом Иннокентием. Традиционные источники – мемуары и записки, делопроизводство, статистические материалы и другие – также активно используются в исследовании, многие из них впервые вводятся в научный оборот. Автору удалось создать ряд таблиц, убедительно иллюстрирующих его наблюдения (с. 44, 53, 56, 68, 70, 77, 79, 99, 110, 116, 137, 162, 167, диаграммы в приложении 4 на с. 310–313). Кроме таблиц и диаграмм приложения, текст монографии содержит обильный цифровой материал, который обстоятельно ее фундирует.

Привлечение нового архивного материала и переосмысление в связи с этим данных уже введенных в научный оборот документов и повествовательных источников позволило автору выработать собственную концепцию истории развития института Русской Православной Церкви в Уссурийском крае. Так, диссертант пересматривает нижнюю хронологическую границу становления православия в Приморье, справедливо, на наш взгляд, передвигая ее ко

времени появления первых русских переселенцев и строительства на этой территории церквей. Одновременно он указывает и на те препятствия, которые затрудняли церковное управление краем, не позволяли архиереям с требуемой частотой навещать православные приходы Приморья. Справедливо и то определяющее значение, которое автор придает свт. Иннокентию (Вениаминову) как крупнейшему церковному деятелю, определившему направление развития православия в Уссурийском крае. Останавливается автор и на интересном явлении этого времени, которое имело преемственность с более ранними периодами отношений церкви и государства, а именно – на непосредственном вмешательстве высшей светской администрации (губернаторов, генерал-губернаторов) во внутрицерковную жизнь. Рассматривая в главе 1 монографии становление епархиальной структуры Русской Православной Церкви в Уссурийском крае (а также в двух следующих главах), ее автор касается проблем, стоявших перед церковью и в прошлые столетия в других регионах страны (огромные размеры приходов, изобиловавших препятствиями на пути к церкви, кочевой образ жизни аборигенного населения, проблема общения между русскоязычным духовенством и иноязычной пасторой, несовпадение административных и церковных границ, вопросы развития церковно-приходской жизни, строительства храмов и многое, многое другое). Работа только выиграла бы, если бы автор привлек в качестве сравнительного материала данные исследований, касающиеся других регионов и периодов, для изучения преемственности в решении этих проблем Церковью, использовании прошлого опыта – или же для указания на новые методы в иной обстановке. Однако это лишь пожелание: не исключено, что такое сравнение вылилось бы в новое обширное исследование с другими задачами.

Выше мы уже отмечали, что церковный сан автора монографии позволил ему существенно расширить спектр проблем, связанных со становлением монастырской жизни в Уссурийском крае, рассмотреть вопросы духовной жизни православного монашества региона, определить несколько центров, к которым она тяготела. Подкупает, что епископ Уссурийский совершенно не стремится сгладить трудности процесса становления монастырей и монашеской традиции, личностные трения. Он при этом не ищет виноватых, а дает объективную картину реальной жизни с ее трагическими неустраняемыми обстоятельствами, которые приводили, например, к отторжению монашеской общиной достойнейшего ее основателя игумена Алексия (Осколкова): и он, и его преемники обладали своей правдой. Епископ Иннокентий тонко анализирует все составляющие непростого пути уссурийского монашества. Убедителен его рассказ о двух традициях старчества, столкнувшихся при создании первого мужского монастыря в Уссурийском крае, о выборе в пользу Валаамской традиции, о том, какую роль последняя, принесенная монашествовавшими с противоположной, западной границы России, сыграла в духовной жизни нового монастыря.

Нестандартно освещена проблема успешной хозяйственной жизни монастырей. Здесь также проявилась многовековая традиция: монастыри на Руси изначально отличались рачительным хозяйством. Епископ Иннокентий

делает интересный вывод о необычной роли монастырей в Уссурийском крае: они играли роль не организаторов или стимуляторов колонизационного процесса – в отличие, например, заметим мы, от уральских и зауральских монастырей в XVII в., служивших местом временного оседания колонистов на их пути на восток, которые, став экономически более состоятельными, уходили, уступая место новым, еще неимущим поселенцам. Главная социальная роль уссурийских монастырей, по убедительному выводу автора монографии, – служить образцом для колонизируемой округи, хотя монастыри решали также и чисто благотворительные задачи. Привлекает внимание указание епископа Иннокентия на разные взгляды светского образованного общества и Православной церкви на то главное, в чем должен был состоять смысл организации монастырей в крае: общество ждало решения с их помощью социальных проблем колонизируемой территории, а монашествующие подчиняли всю свою деятельность главной своей задаче – исполнению духовных монашеских обетов, монашеской жизни как таковой. Организацию правильного иноческого служения, богослужений епископ Иннокентий считал очень важной для духовного просвещения, обучения православной религиозной жизни огромной округи; в этом он увидел основной миссионерский смысл деятельности монастырей, не имевших специальных миссионерских центров.

Автор привлек к исследованию материалы путевых записок миссионеров, на основе которых ему удалось раскрыть методы миссионерской работы протоиерея Гавриила Вениаминова – сына выдающегося иерарха и миссионера Русской православной церкви XIX в., свт. Иннокентия. Епископ Уссурийский указывает на преемственность в их православно-просветительской работе, которую можно со-

поставить с деятельностью известной Алтайской миссии, наследницей гуманистических традиций русского православия.

Глава о православной миссии в Уссурийском крае небольшая, но очень емкая. Автор раскрывает перед читателем спектр особенностей национального и религиозного состава населения епархии, анализирует связанные с ними трудности миссионерской работы, в частности – из-за правительственной политики России и Китая в отношении китайских мигрантов. Приводятся в главе и сведения об особенностях менталитета тех народов, которые были объектами миссионерской работы Православной церкви; рассказывается о миссионерской деятельности конкурирующих конфессий, о выработке наиболее перспективных методов православной миссионерской работы, которую прервала революция.

Большим достоинством книги является ряд приложений к ней, в особенности – приложения 1 (документы и отрывки нарративных источников), 3 (список церквей Уссурийского края) и 4 (диаграммы); чрезвычайно удобно, что монография снабжена именным указателем. В целом монография епископа Уссурийского Иннокентия представляет собой свежее, хорошо фундированное исследование по истории Православной церкви на юго-восточной окраине России. Хочется надеяться, что набранная аналитическая высота исторического исследования позволит автору монографии продолжить свою работу историка, несмотря на многочисленные и трудные обязанности, которые связаны с его высоким саном.

Д-р ист. наук *Н.Д. Зольникова*,
Институт истории СО РАН, Новосибирск

**Russian Academy of Sciences
Siberian Branch
HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA**

N 2, 2013

CONTENTS

THE ANNEXATION OF SIBERIA TO RUSSIA: STAGES AND CONSEQUENCES

Timoshenko A.I. The Role of Siberia in Russia's Civilizational Processes	3
Ananyev D.A. Problems of Social and Economic Development of Siberia (XVII – Early XX Century) in the English- and German-language Historiography	8
Shilovskiy M.V. Celebration of the «Siberia Day» during the Pre-Revolutionary Period	12
Sokolovskiy I.R. The Russian Population of the XVIIIth Century Siberia in the Russian Historiography of the Second Half of the XX – Early XXI Century	16
Mamsik T.S. Expedition of Buchholz and Ishim Peasant «Uprising» of 1714	20
Kamenetskiy I.P. Secret Mission of the Merchant A. Verkhoturov: On the Question of Russian Intelligence Activities in Dzungaria in the Middle of the XVIII Century	24
Komleva Ye.V. Contemporaries on the Beginning of the Gold Industry in Eastern Siberia (1830s)	28
Nikolaev A.A. Development of Material and Technical Resources of Butter-Making Industry in Siberia in the 1920s in the Context of Cooperative Policy	32
Isupov V.A. Western Siberia in the Context of Demographic Modernization: First Half of the XX Century	36

PROBLEMS OF HISTORY

Zubov V.E. Stages of Civil Service Reform in Russia (XVI – Early XX Centuries)	43
Konev A.Yu. On the First Project of the «Statute of Alien Administration»: History of Creation and Basic Approaches	47
Vorontsova I.V. The «Free Christianity» of the Bishop Mikhail (Semenov) and «Social» Programs of 1905-1915	52
Suleymanov A.A. The Academy of Sciences of the USSR and Its Research Activities in Yakutia in the 1930s-1941	56
Abdrakhmanova K.K. Research Activities of Scientists – Prisoners of KarLAG in the 1930s-1950s	61
Chumak A.I. Participation of the USSR in «Virgin Lands Campaign»: Modern Ukrainian Historiography	65
Mazur L.N. Rural Bureaucracy in the Soviet Russia: Touches to the Portrait	68

ARCHAEOLOGY

Larichev V.Ye. «The Missing Link» – Mesolithic Period (On the Problem of Preserving Information Traditions by the Cultures of the Post-Paleolithic Era in Eurasia). Part IV. «Secrets of Gods» - Time Notation Systems in the Mesolithic Cultures of the North-Western Europe	73
Anoykin A.A. Paleolithic in the Seaside Dagestan: Main Stages	76
Gladyshev S.A., Tabarev A.V., Gunchinsuren B. On the Time of Technological Innovations' Appearance in the Stone Age of Northern Mongolia: Micro Blade Splitting and Ceramic Ware	82
Kravtsova A.S. Archaeological Sites of the Pre-Ceramic Period in Central America	85
Chekha A.N. History of Investigation of the Shuidonggou Paleolithic Site	89
Pavlenok K.K., Shneider S.V., Pavlenok G.D., Kolobova K.A. Paleolith of the North-Western Tien Shan in the Light of the Most Recent Findings	92
Barinova E.B. Contacts of Population of Eastern and Central Asia in the Paleolithic and Neolithic Age	96

REPORTS, SCIENTIFIC LIFE

Karchaeva T.G. Heads of the «Special» Administrative Bodies in the Eniseysk Governorate: Social Structure of the Siberian Officialdom ..	100
Matveeva R. Rec. ad op.: Bolonev F.F. Sokrovishcha zemli Tarbagatayskoy. Ulan Ude – Irkutsk, 2012. 219 s. (Treasures of the Tarbagatay Land. Ulan Ude – Irkutsk, 2012. 219 p.)	103
Zolnikova N.D. Rec ad op.: ep. Ussuriiskiy Innokentiy (Yerokhin). Russkaya pravoslavnaya tserkov v Ussuriyskon kraye: Ocherki po istorii Vladivostokskoy yeparkhii (vtoraya polovina XIX v. – 1917). M.: izd-vo Pravoslavnogo Svyato-Nbkhonovskogo gumanitarnogo un-ta, 2012. 326 s.: il. (Bishop Innokentiy (Yerokhin) of Ussuri. Russian Orthodox Church in the Ussuri Krai: Essays on History of Vladivostok Diocese (second half of the XIX century – 1917). Moscow: St. Tikhon's Orthodox University Press, 2012. 326 p., ill.)	104

SUMMARY

Timoshenko A.I. The Role of Siberia in Russia's Civilizational Processes

The article considers problems of civilizational development of the Siberian region within the Russian state; analyzes specifics of formation of the world's biggest state, colonization of its borderlands in the light of historical dynamics of the Russian national tradition's development.

Key words: colonization of Siberia, civilizational approach, traditions and innovations, regional policy.

Ananyev D.A. Problems of social and economic development of Siberia (XVII – early XX century) in the English- and German-language historiography

The paper reviews major works on history of social and economic development of Siberia in the XVII – early XX centuries published by the British, American, Canadian and German scholars. The author comes to conclusion that Western researchers focused on history of fur trade, agrarian colonization, development of transport communications. Although Western researchers used a rather limited range of available historical sources they offered original approaches to studying Siberia's social and economic development based on the concepts of «frontier», «colonization» and «modernization».

Key words: Western historiography, Siberia, social and economic development, «frontier», «colonization», «modernization».

Shilovskiy M.V. Celebration of the «Siberia Day» during the Pre-Revolutionary Period

The article considers the origins and celebration of a local holiday «Siberia Day» associated with seizure of the Siberian khanate's capital Kashlyk by Yermak on the 26th of October, 1581. The tradition of its celebration took on its final form in 1881-1882 and existed until 1919.

Key words: Siberia, Siberia Day, anniversary, social life.

Sokolovskiy I.I. The Russian Population of the XVIIth Century Siberia in the Russian Historiography of the Second Half of the XX – Early XXI Century

History of the Russian population in the XVIIth century Siberia became a topic in its own right in the middle of the XIX century. In the second half of the XX century a number of classical works appeared in Russian historiography, covering the demographic characteristics of Russian population. Such studies continued in the XXI century. The article reviews these studies, evaluates their contribution, points to common challenges and future research prospects.

Key words: Siberia, population, colonization, population size, garrisons, XVII century, historiography, peasants, townsmen.

Mamsik T.S. Expedition of Buchholz and Ishim Peasant «Uprising» of 1714

The article presents analysis of events in Siberia provoked by the Governor Gagarin and Siberian administration in order to cover up his plans to separate the region as independent principality. In the spotlight are the actions of Peter's agents and Gagarin's countermeasures, in particular the so-called Ishim uprising.

Key words: M.P. Gagarin, I.D. Buchholtz, Ph-J. Strahlenberg, Ishim settlements.

Kamenetskiy I.P. Secret Mission of the Merchant A. Verkhoturov: On the Question of Russian Intelligence Activities in Dzungaria in the Middle of the XVIII Century

The paper shows Siberian merchants' participation in intelligence activities in Dzungaria. Owing to the merchant A. Verkhoturov and other secret agents Russian authorities obtained necessary intelligence data on domestic and international situation in the nomadic empire, which allowed Russia to secure her borders and strengthen her presence in Inner Asia.

Key words: Russia, Dzungaria, «Dzungarian appeals», Russian intelligence, Siberian merchants, A. Verkhoturov.

Komleva Ye.V. Contemporaries on the Beginning of the Gold Industry in Eastern Siberia (1830s)

The article based on an unknown author's «Observations of the General Course of Private Gold Mining in Eastern Siberia» (1837) considers the beginning of the gold industry in Eastern Siberia; analyzes contemporary views on the problems faced by the region when gold mining started.

Key words: Eastern Siberia, gold mining, economy, abusive practice, morality, exiles.

Nikolaev A.A. Development of Material and Technical Resources of Butter-Making Industry in Siberia in the 1920s in the Context of Cooperative Policy

The article describes the critical state of material and technical resources of the Siberian cooperative butter-making societies in the 1920s. The author proves that modernization of the butter-making industry was devaluated due to credit mismanagement, inefficient siting of the butter-making plants, excessive financial overpressure of dairy cooperative system and disincentives for peasants to deliver milk to dairy plants.

Key words: NEP, cooperative policy, Sibmaslosoyuz, Siberia, butter making.

Isupov V.A. Western Siberia in the Context of Demographic Modernization: First Half of the XX Century

The paper studies the process of demographic modernization of one of the largest regions in Russia – Western Siberia. The author describes socio-historical conditions and factors of

demographic modernization. Much attention is paid to analysis of regional and sub-regional peculiarities of the process, its intermediate and final results, difficulties and contradictions. Demographic modernization with demographic transition as its core process is presented as an integral part of the traditional society's modernization.

Key words: demographic modernization, population size, traditional society, Western Siberia.

Zubov V.E. Stages of Civil Service Reform in Russia (XVI – Early XX Centuries)

This article focuses on the comparison of two approaches to periodization of civil service reforms in Russia. The first approach is traditional and based on changing nature of service relations. The second one is offered by the author and based on changing requirements to the skill level of civil servants.

The goal of these changes was to solve the main problem in the sphere of state administration – to create an efficient system of public service. This task was of high priority in the course of reforms and characterized the main trend in the development of public service.

Key words: public administration, public service, bureaucracy, civil service reform, Russia, governmental machine.

Konev A. Yu. On the First Project of the «Statute of Alien Administration»: History of Creation and Basic Approaches

In the present article the author, based on the study of the relevant archival sources, lays out his own version of emergence of the «Statute of Alien Administration» («Ustav ob upravlenii inorodtsev») draft text, which is kept in the Fund of the I Siberian Committee. The author reconsiders the opinion of those researchers who date this legislative project back to 1798 and proves another date. The analysis of the most important provisions of the considered document is carried out.

Key words: history of the Russian legislation, legislative project, M. M. Speransky, inorodtsy («aliens»), Siberia.

Vorontsova I.V. The «Free Christianity» of the Bishop Mikhail (Semenov) and «Social» Programs of 1905–1915

The religious reformism appears during the periods of historical renewal. In Russia in 1905 there were groups of «free» or «social Christianity» in the reformist structures. Bishop Mikhail (Semenov), one of the leaders of «free Christianity», planned to create the new, free Church. The «free Christianity» was guided by programs which offered religious justification for the social demands. Which of the programs belonged to b. Mikhail (Semenov)? Why did the «neochristians» support «Christianity» and then refuse to help «Golgotha Christians»? The author compares versions of programs and resolves these issues.

Key words: bishop Mikhail (Semenov), free Christianity, Golgotha christians, religious reformism

Suleymanov A.A. The Academy of Sciences of the USSR and Its Research Activities in Yakutia in the 1930s-1941

The paper by the example of Yakutia shows the activities of institutes and researchers of the Academy of sciences

of the USSR in the Asian North during the period which started with reformation of the Scientific Center and its de facto «Sovietization» and ended with reorganization of work according to the wartime requirements. In connection with this the author determines factors that influenced the scale and lines of conducted research, studies history of realization of some academic initiatives, reveals their main trends and implications, as well as notes specific moments characterizing research activities of the Academy of Sciences in the Asian North in the 1930s-1941.

Key words: The Academy of Sciences of the USSR, Asian North, Yakutia, scientific research, expeditions.

Abdrakhmanova K.K. Research Activities of Scientists – Prisoners of KarLAG in the 1930s-1950s

The article written on the archival materials and memoirs deals with research activities of scientists imprisoned and working at the agricultural experimental station and other subdivisions of the KarLAG in the 1930s–1950s. The author shows that despite extreme conditions of camp life the political prisoners accomplished a lot in the spheres of selection, genetics and seed breeding. Their research played a significant role in the development of agriculture in Central Kazakhstan.

Key words: science under conditions of political repression, GULAG, KarLAG, imprisoned scientists, intelligentsia, Central Kazakhstan.

Chumak A. I. Participation of the USSR in «Virgin Lands Campaign»: Modern Ukrainian Historiography.

The article considers the role of human, material and other resources of the Ukrainian SSR in exploration of virgin and derelict lands of the Soviet Union (Siberia, Kazakhstan and other territories). In particular it tells us about the evaluation of the «virgin land campaign» in the modern Ukrainian historiography. The author makes a conclusion that Ukrainian historians have a rather critical approach to the study of this question, though some aspects of the «virgin land campaign» remain partially or poorly studied. In most cases their studies are written in the context of national historical narrative «standards» of modern Ukraine.

Key words: virgin lands, «virgin lands campaign», resources, Ukraine, Ukrainians, Ukrainian historiography.

Mazur L.N. Rural Bureaucracy in the Soviet Russia: Touches to the Portrait

The paper considers a possibility of using the topographical approach in the bureaucracy studies. The features of creation and functioning of rural bureaucracy in the Soviet Russia, its structure, social-professional characteristics, mechanisms of recruitment are analyzed. The rural bureaucracy appeared in the middle of the XIX century and realized a wider range of models of supremacy among which the patriarchal-democratic and Asian models were dominant.

Key words: Soviet Russia, rural bureaucracy, social structure, functions.

Larichev V.Ye. «The Missing Link» - Mesolithic Period (On the Problem of Preserving Information Traditions by the Cultures of the Post-Paleolithic Era in Eurasia). Part IV.

«Secrets of Gods» - Time Notation Systems in the Mesolithic Cultures of the North-Western Europe.

The paper is written in order to implement the program of studying the question of sustainable preservation of information traditions in Paleolithic cultures of Eurasia. It concludes the review of model sources from the European part of the continent and deals with an object of art found in the North-West (Denmark, Hjorring settlement; Maglemosian culture).

Key words: time notation systems, Ancient Art, astroarcheology, Mesolithic Age, Eurasia.

Anoykin A.A. Paleolithic in the Seaside Dagestan: Main Stages

The paper deals with research at Paleolithic sites in the Seaside Dagestan. Using vast empirical material gained during archeological excavations, the author reconstructs main stages of development of material culture in the territory of the Seaside Dagestan during the Pleistocene, from the early settlement of the Caucasus (1,8-2 million years ago) to the Upper Paleolithic complexes connected with modern humans. The Early Paleolithic complexes from Rubas-1 and Darvagchai-1 sites allow us to consider the territory of Caucasus as one of the development centers of pre-Acheulian micro-industries.

Key words: Paleolithic, small tool complexes, Acheulian, Levallois, sea transgressions, Dagestan.

Gladyshev S.A., Tabarev A.V., Gunchinsuren B. On the Time of Technological Innovations' Appearance in the Stone Age of Northern Mongolia: Micro Blade Splitting and Ceramic Ware

In the course of stationary research of the Tolbor-15 multilayer site in 2009-2011 (Selenga River basin, Northern Mongolia) the early signs of micro blade techniques were revealed in Paleolithic horizons, while in the upper horizons dating back to the early Holocene fragments of neolithic ceramics were discovered. The paper considers circumstances and context of these archaeological finds; for the first time determines the age of these ceramics with radiocarbon dating method.

Key words: Northern Mongolia, Tolbor-15, microblade technique, ceramics, dating.

Kravtsova A.S. Archaeological Sites of the Pre-Ceramic Period in Central America

The initial settlement of Central America dates back to the so-called Paleoindian period in the late Pleistocene. According to the scientific research, the earliest findings date back to approximately 11 thousand years ago. The present article for the first time in Russian historiography reviews archeological sites from the Pre-Ceramic period and characterizes problems connected with early settlement of Central America.

Key words: archeology, Central America, Paleo-Indian period, archaic period, settlement.

Chekha A.N. History of Investigation of the Shuidonggou Paleolithic Site

The paper deals with history of investigation of the Shuidonggou Paleolithic site, its cultural and chronological

context, geochronology, stratigraphy, scientific interpretations of the stone tools. The paper is based on research done by Russian and foreign scholars whose works were published in Russian, English and Chinese. The author analyzes the earliest publications along with the recent data obtained by the Chinese archeologist.

Key words: Upper Paleolithic in China, Shuidonggou site, stone tool, blade component, problem of transition from the Middle to Upper Paleolithic.

Pavlenok K.K., Shneider S.V., Pavlenok G.D., Kolobova K.A. Paleolith of the North-Western Tien Shan in the Light of the Most Recent Findings

This article covers results of research on the Paleolithic sites of North-Western Tien Shan conducted from the middle of the XX century to the present. The main attention is paid to the most recent research results (since 1998). Complex study of basic objects of this region (Obi-Rakhmat grotto and Kulbulak site) has helped to reconsider settled views on evolution of material culture during local Middle and Upper Paleolith. Obi-Rakhmat variant of transition and Kulbulak Upper Paleolithic culture have been identified, which determined direction and dynamics of technological development during the period under consideration.

Key words: North-Western Tien-Shan, paleolith, history of research, cultural evolution, Obi-Rakhmat grotto, Kulbulak site.

Barinova E. B. Contacts of Population of Eastern and Central Asia in the Paleolithic and Neolithic Age

Contacts between the people of Eastern and Central Asia have had an impact on the formation of cultures in these regions since Ancient times. The events related with the initial stage of human exploration of the territories, and especially the subsequent development within the early Stone Age cultures can only be understood as complex decision problems, involving data of geology, paleontology and archeology

Key words: East Asia, Central Asia, Paleolithic age, Neolithic age.

Karchaeva T.G. Heads of the «Special» Administrative Bodies in the Eniseysk Governorate: Social Structure of the Siberian Officialdom

The article considers heads of the Yeniseysk governorate's administrative bodies that existed for a short period of history and stood high among other local authorities. Based on the newly introduced documents and archival materials the author analyzes social structure of managerial staff of the Yeniseysk administration's supervisory board, excise office, directorate of state property, prison and medical inspectors, indispensable members of peasant committees. The employees were stratified according to such criteria as social origin, religion, age, property and marital status, education, public service period etc.

Key words: officialdom, provincial administration, Eniseysk governorate, Siberia.